

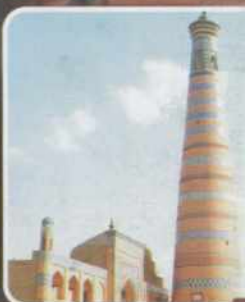
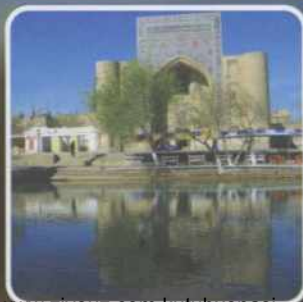
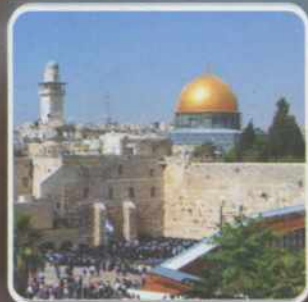
“Мозий – истиқболимизнинг тарозисидир”. Маҳмудхўжа Бехбудий

4.(60).2013

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

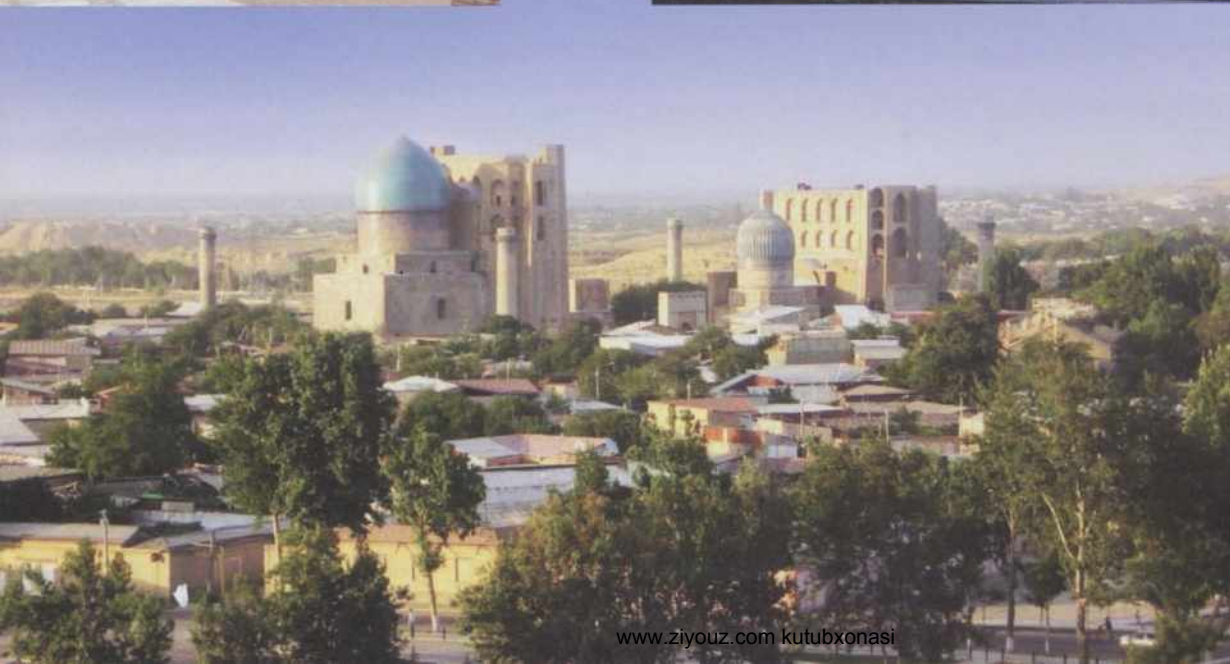
Илмий-амалий, маънавий-маърифий журнал • Научно-практический, духовно-просветительский журнал • Scientifically practical moral educative magazine

18

ОКТАБРЬ – САМАРҚАНД ШАҲРИ КУНИ
ОКТАБРЯ – ДЕНЬ ГОРОДА САМАРКАНДА
OCTOBER – A DAY OF SAMARKAND CITY

2

8

15

19

21

29

35

41

42

48

Таъсисчилар: Ўзбекистон Республикаси Маданият ва спорт ишлари вазирлиги, Бадий Академияси, Матбуот ва ахборот агентлиги

Учредителли: Министерство по делам культуры и спорта, Академия Художеств, Агентство по печати и информации Республики Узбекистан

Founders: Ministry of cultural and sports affairs, Academy of arts, Agency of press and information of the Republic of Uzbekistan

“Мозий – истиқболимизнинг тарозисидир”

Махмуджон Бехбудий

4 (60) 201

MOZIYDAN SADO ECHO OF HISTORY ЭХО ИСТОРИИ

1999 йилдан чоп этила бошлади. Уч ойда бир марта ўзбек-инглиз-рус тилларида чиқади

Мундарижа • Содержание • Contents

<i>И. Ботиров</i> <i>И. Ботиров</i> <i>I. Botirov</i>	Илк давлатчилик муҳрлари Печати ранних государств Seals of early states	2
<i>Н. Хушвақов, К. Абдуллаев</i> <i>Н. Хушвақов, К. Абдуллаев</i> <i>N. Khushvakov K. Abdullaev</i>	Кўргонча ёдгорлиги Памятник Кургонча Kurgoncha monument	5
<i>Х. Султонов</i> <i>Х. Султонов</i> <i>Kh. Sultonov</i>	Бухоро – Буюк Ипак йўлидаги шаҳар Бухара – город на Великом Шелковом пути Bukhara, a city on the Great Silk road	8
<i>А. Яхяев</i> <i>А. Яхяев</i> <i>A. Yakhyaev</i>	Марказий Осиё меъморчилигида миноралар Минареты в зодчестве Центральной Азии Minarets in central Asia architecture	15
<i>Х. Бердиев</i> <i>Х. Бердиев</i> <i>Kh. Berdiev</i>	Нуротадаги Чилустун масжиди Мечеть Чилустун в Нуроте Chilustun mosque in Nurota	19
<i>Г. Пугаченкова</i> <i>Г. Пугаченкова</i> <i>G. Pugachenkova</i>	Афғонистон кундалигидан Из афганского дневника Afganistan Diaries	21
<i>Б. Баракот, Ш. Камолiddин</i> <i>Б. Баракот, Ш. Камолiddин</i> <i>B. Barakat, Sh. Kamoliddin</i>	Ал-Қуддусдаги ал-Ўзбекиёна хонақоҳи Обитель ал-Узбекиёна в Иерусалиме Cloister of Uzbek sufis in Jerusalem	29
<i>Б. Ашуров</i> <i>Б. Ашуров</i> <i>B. Ashurov</i>	Дарвиш Али Чангийннинг мусиқий рисолаши Трактат о музыке Дарвиша Али Чанги Treatises on music by Ali Changi Darwish	35
<i>Н. Тургунова</i> <i>Н. Тургунова</i> <i>N. Turginova</i>	Наманган яллачилик анъаналари Наманганские традиции исполнения ялла Namangan traditions of yalla performance	37
<i>Ю. Гайбуллаева</i> <i>Ю. Гайбуллаева</i> <i>Yu. Gaybullaeva</i>	Паранжи тарихидан Из истории паранджи From the history of paranja	39
<i>Н. Ниёзова</i> <i>Н. Ниёзова</i> <i>N. Niyozova</i>	Санъат фестивали Фестиваль искусств Festival of arts	41
<i>Б. Халмуратов</i> <i>Б. Халмуратов</i> <i>B. Khalmuratov</i>	Пичоқ рамзи Символы ножа Symbols of knife	42
<i>М. Аҳмедов</i> <i>М. Аҳмедов</i> <i>M. Akhmedov</i>	Ўзбекистонда шаҳарсозлик санъатининг шаклланиши Формирование искусства градостроительства в Узбекистане History of development of town planning art in Uzbekistan	44

БОШ МУҲАРРИР:
Зафар Ҳақимов

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ:
Дилором Алимова
Шодмон Воҳидов
Отабек Мусаев
Шокир Пидаев
Анатолий Сағдуллаев
Темир Ширинов
Акбар Ҳақимов
Саидбек Ҳасанов

ЖАМОАТЧИЛИК КЕНГАШИ:
Мариника Бобоназарова
Маҳмуд Бобоев
Исмоил Ботиров
Жаннат Исмоилова
Равшан Мансуров
Наби Хушвақов
Нозим Ҳабибуллаев

ИНГЛИЗ ТИЛИ МУҲАРРИРИ:
Раъно Холматова

НАШР УЧУН МАСЪУЛ:
Нигора Назарова

Главный редактор: Editor in chief:
Зафар Ҳақимов Zafar Khakimov

Редакционная коллегия: Editorial board:
Д. Алимова D. Alimova
Ш. Воҳидов Sh. Vokhidov
О. Мусаев O. Musaev
Ш. Пидаев SH. Pidayev
А. Сағдуллаев A. Sagdullaev
Т. Ширинов T. Shirinov
А. Ҳақимов A. Khakimov
С. Ҳасанов S. Hasanov

Общественный совет: Community council:
М. Бобоназарова M. Bobonazarova
М. Бобоев M. Boboyev
И. Ботиров I. Botirov
Ж. Исмоилова J. Ismoilova
Р. Мансуров R. Mansurov
Н. Хушвақов N. Hushvakov
Н. Ҳабибуллаев I. Yusupov

Редактор английского языка: Editor of the english language:
Р. Халматова R. Kholmatova

Ответственный за выпуск: Responsible for the edition:
Н. Назарова N. Nazarova

ТАҲРИРИЯТ МАНЗИЛИ:
100 129. Тошкент ш.,
Навоний кўчаси, 30.
Тел.: 244-34-65, 244-74-19
Факс: 244-74-19

E-mail: moziydansado@mail.ru
Индекс: 1047-шахсий обуначилар,
1048-ташкilotлар учун.

ООО “SPANTA”
босмаҳонасида чоп этилди.

Буюртма № 1

«Қатагон кўрсаткичи,
хотираси» музейи
ISSN 2010-5258
КК 9374
Инв: № 1271

Журналга тавсия этилаётган мақолаларда фойдаланилган адабиётлар рўйхати илова қилиниши шарт. Журналдан кўчириб босилганда манба қайд этилиши шарт. Мақолалар тақриз қилинмайди, қайтарилмайди ва ёзма жавоб берилмайди.

В представляемых статьях указание списка использованной литературы обязательно. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, письменные ответы не высылаются.

Specify the list of references in submitted articles is mandatory. For reprint reference to the magazine is required. Manuscript copies are neither reviewed nor returned back, the written responses are not sent.

Илк давлатчилик муҳрлари

Исмоил БОТИРОВ

Термиз Археология музейининг фондларида Сурхон воҳасида ўтказилган археологик тадқиқотлар жараёнида топилган илк давлатчилик даврига оид нодир муҳрлар жамланмаси алоҳида эътиборга молик.

Муҳр. Тош. Милоддан аввалги XX аср. Тиллабулоқ. Шеробод тумани.

Доирасимон шаклдаги муҳр юза қисмининг марказида ўйма усулда оғзидан олов пурқаётган, учлари найзасимон узун думи тепага қараб кўтарилган аждар тасвири. Аждарнинг бош қисмида кўз, қулоқ ва бурун тешиги аниқ тасвирланган, очиқ оғзида тепа ва пастки жағларидаги тўрттадан ўткир тишлари ҳамда узун тили кўриниб турибди. Муҳрнинг чеккаси бўйлаб вертикаль ўйма чизиқлар туширилган. Муҳрнинг диаметри 8 см, қалинлиги 7-8 мм. Муҳрнинг бир томони синган, 2 см ча қисми учиб тушган. Муҳрнинг терсида тақиб юришга мўлжалланган балдоғи бор. Балдоғнинг диаметри 2 см, қалинлиги 1,4 см.

Муҳр. Оқ тош. Милоддан аввалги XX аср. Тиллабулоқ. Шеробод тумани.

Учаётган лочин шаклидаги кўкракка тақилдиган кулон. Лочиннинг думи ва қанотлари кенг ёйилган бўлиб, бир қаноти синган. Икки кўзи ўйиб ишланган, усти силлиқланган. Лочин бош қисмининг терсида, чап қаноти остида ит тасвиридаги муҳр бор. Итнинг калта думи тик кўтарилган. Ит тасвирининг остида одам тасвири бор. Баландлиги 2,7 см. Лочиннинг чап қаноти остида итнинг тасвири 1,7 см узунликда. Одам тасвирининг узунлиги 1,7 см, эни 0,7 мм.

Муҳр. Темир. Милоддан аввалги XX аср. Тиллабулоқ. Шеробод тумани.

Саккиз қиррали айлана. Ичига тўртта диаметри 4 мм ли доира оралиғи 0,2 мм қилиб квадрат шаклида жойлаштирилган. Доиралардан бирининг ичи махсус тешилган. Муҳрнинг устки қисмига жойлаштирилган баландлиги 6 мм ли тутқич квадрат шаклда бўлиб, ўртасидан тўртбурчак шаклда илгак учун тешик ўтказилган.

Муҳр. Ёғоч. Милоддан аввалги XX аср. Тиллабулоқ. Шеробод тумани.

Айлана шаклидаги илон атрофида тишсимон тўғри чизиқлар ишланган. Айлана диаметри 2,2 см. Муҳрнинг тепасида баландлиги 5 мм келадиган тутқич илгак ўтказиш учун тешилган. Жез даври муҳрларида илон тасвири одатий тусга кирган (Жарқўтон, Сополлитепа, Жойилма).

Муҳр. Оҳақтош. Милоддан аввалги XVII – XV асрлар. Сополлитепа.

Айланаси 4х4 см, баландлиги ҳам 4 см. Саккиз қиррали юлдузча шаклида ишланган, юлдузча тасвирининг марказида ўлчами 2,5х2,5 см ли хоч кўриниши берилган. Орқа қисмида баландлиги

1 см келадиган кичкина тутқич ичида ип ўтказиладиган махсус тешикча ясалган.

Муҳр-тўғнағич. Милоддан аввалги XVII аср. Жарқўтон.

Юқори қисми тўпбаргулсимон. Учи сал ўткирланган. Асосининг кесмаси айлана. Узун кўринишга эга, қалпоқчасининг усти ясси. Юлдузча тасвири олти қиррали гулбарг шаклида безатилган. Ўлчами 12,4 см.

Муҳр-тўғнағич. Милоддан аввалги XVII аср. Жарқўтон.

Юқори қисми муштсимон шаклда бўлиб, учи ўткирланган. Асоси айлана бўлиб, узун шаклга эга. Бу тўғнағичда муштнинг тўртта бармоғи қисилган, бош бармоқ чўзилган ҳолатда тасвирланган. Узунлиги 13 см.

Муҳр. Пиширилган лой. Милоддан аввалги XVII – XVI асрлар. Жойилма. Шўрчи тумани.

Қизғиш рангда, айланаси 5,5х5,5 см ни ташкил этади. Марказда баландлиги 3 см ли илон тасвирланган бўлиб, илоннинг бош қисми қаршисида ўлчами 2,7 см ли вертикаль тарзда йўналтирилган чизиқ устидан тўртта горизонталь чизиқ кесиб ўтган. Горизонталь чизиқлар турли хил кўринишда чизилган бўлса-да, барчасининг узунлиги бир хил – 1,2 см, оралиғи 0,6 см. Илон тасвирининг орқа қисмида узунлиги 0,6 см келадиган учта 0,5 см ли тўғри чизиқ тортилган. Илон ва чизиқлар тасвири айлана чизиғи ичида бўлиб, унинг ташқарисида, яъни муҳрнинг гирди бўйлаб узунлиги 0,5 см келадиغان ўйиқ тўғри чизиқ билан нақшлаб чиқилган, муҳрнинг орқа томонида эса баландлиги 5 см келадиган тутқич ясалган бўлиб, остида ип ўтказишга мўлжалланган тешикча мавжуд.

Муҳр. Оҳақтош. Милодий I–II асрлар. Тасодифий топилма. От тасвири туширилган.

Айлана шаклида, диаметри 4,5 см, баландлиги 2 см, муҳрнинг ўртасида илгак учун диаметри 5 мм қалинлигида 4,5 мм ли тешик бор. Ўртада узунлиги 3,7 см, бўйи 3,5 см ли самовий от тасвирланган. Отнинг узун ёллари ҳилпираб турганлиги уни катта тезликда чопиб кетаётганлигидан дарак беради. Отнинг бўйин қисми анча баланд шаклда бўлиб, ингичка қулоғи ва кўзи аниқ тасвирланган. Маълумки, кўчманчи туркий халқлар ҳаётида от муҳим роль ўйнаган. Шу сабабли, Кушонлар империяси даврида (мил.авв. I – мил III аср) от тасвири нафақат муҳрларда, балки Кушон даври тангаларида ҳам учрайди.

Муҳр. Суяк. V–VI асрлар.

Тасодифий топилма. Марказда илоҳий қуш тасвири. Қушнинг бош қисмидаги битта кўзи ва ўткир ўроксимон тумшуги аниқ кўриниб турибди. Қушнинг икки қаноти ва дум қисми ҳам ифодали акс эттирилган. У Ҳумо қушини эслатади. Илоҳий қуш ўлчами 3х3 см келадиغان доира ичида тасвирланган. Баландлиги 5 см.

Муҳр. Пиширилган лой. V–VI асрлар.

Тасодифий топилма. Қизғиш рангда. Муҳрда ўлчами 1,2 см баландликдаги кийик тасвирланган. Унинг умумий баландлиги 2 см, ўртасида ип ўтказишга мўлжалланган тешикча бор.

Печати ранних государств

Исмоил БОТИРОВ

Особого внимания заслуживает коллекция печатей найденных в ходе археологических исследований на территории Сурханского оазиса и датируемых II-I тысячелетием до н.э.

Печать. Камень. XX век до нашей эры. Тиллабулок. Шерабадский район.

Печать круглой формы. На лицевой стороне резное изображение дракона с поднятым хвостом и вырывающимся из пасти пламенем. Четко видны глаза, уши, ноздри, в раскрытой пасти острые зубы – по четыре зуба на верхней и нижней челюсти, и длинный язык. По всему краю печати нанесены вертикальные полосы. Диаметр печати – 8 см, толщина – 7-8 мм. С одной стороны печать сломана, отколотая часть равна приблизительно 2 см. На оборотной стороне имеется подвеска. Диаметр подвески 2 см, толщина – 1,4 см.

Печать. Белый камень. XX век до нашей эры. Тиллабулок. Шерабадский район.

Печать, подобная кулону, изготовлена из белого камня в форме летящего сокола. Хвост и крылья сокола широко расправлены, одно крыло сломано. Глаза выполнены путем резьбы, поверхность отполирована. На противоположной стороне от головы сокола, под правым крылом изображена бегущая собака с поднятым вверх коротким хвостом. Под изображением собаки есть изображение человека. Диаметр печати – 2,7 см. Размер изображенной под правым крылом собаки – 1,7 см. Параметры изображения человека 1,7 см и 0,7 мм.

Печать. Железо. XX век до нашей эры. Тиллабулок. Шерабадский район.

Восьмигранная печать круговой формы, внутри которой в квадратном порядке размещены 4 малых круга. Диаметр каждого круга – 4 мм. Расстояние между малыми кругами – 0,2 мм. В одном из малых кругов есть специальное отверстие. Держатель длиной 6 мм размещен в верхней части печати. Держатель имеет квадратную форму, посередине сделано квадратное отверстие для крючка печати.

Печать. Дерево. XX век до нашей эры. Тиллабулок. Шерабадский район.

Внутри печати в форме кольца изображена змея. Голова змеи имеет острую форму. Вокруг змеи по кругу изображены зубчатые ровные линии. Диаметр круга с изображением змеи – 2,2 см. Наверху печати проделана дырка – держатель для крючка диаметром 5 мм. В эпоху железа было характерно изображать на печатях змей (Джаркутан, Сапаллитепа, Джайилма).

Печать. Известняк. XVII–XV века до нашей эры. Сапаллитепа.

Печать белого цвета, размером 4x4 см, длина – 4 см, имеет форму восьмигранной звезды. В центре звезды изображен крест размером 2,5x2,5 см. На обратной стороне есть специальная дырочка для продевания нитки, в которой есть держатель размером 1 см.

Печать-булавка. XVII век до нашей эры. Джаркутан.

Верхняя часть в форме тупбаргул. Верх несколько заострен. Основа круговая. Несколько удлиненная. Поверхность удлиненной головки плоская. Оформлена в форме шестигранного лепестка, внутри изображена звездочка. Длина – 12,4 см.

Печать-булавка. XVII век до нашей эры. Джаркутан.

Верхняя часть имеет форму кулака. Конец несколько заострен. Основа круговая, несколько удлиненная. На этой булавке четыре пальца сжаты в кулак, большой палец вытянут. Длина – 13 см.

Печать. Жженая глина. XVII–XVI века до нашей эры. Джайилма. Шурчинский район.

Печать красноватого цвета, окружность печати – 5,5 x 5,5 см. В центре печати изображена змея размером 3 см. Напротив головы змеи вертикальную линию пересекают 4 горизонтальные линии. Длина вертикальной линии – 2,7 см. Горизонтальные линии расположены по разному, но длина у них одна – 1,2 см. Расстояние между горизонтальными линиями – 0,6 см. Позади изображения змеи три ровные линии длиной – 0,6 см. Расстояние между линиями – 0,5 см. Изображения змеи и линий обрамлены круговой линией, за которой по краю печати проведена круговая рельефная линия длиной 0,5 см. На обратной стороне есть держатель размером 5 см со специальной дырочкой для продевания нитки.

Печать. Известняк. I – II века нашей эры. Случайная находка с изображением коня.

Печать изготовлена из известняка, имеет круглую форму. Диаметр печати – 4,5 см, толщина 2 см. В центре печати вырезана дырочка для крючка диаметром 5 мм и длиной 4,5 см. В центре изображение небесного коня размером 3,7 x 3,5 см. Развешивающаяся с двух сторон грива свидетельствует о быстрой скачке коня. Шейная часть коня изображена довольно высоко, отчетливо видны загнутые вниз узкие уши и глаза. Известно, что кони играли важную роль в жизни кочевых тюркских народов. Поэтому в эпоху Кушанской империи (I век до нашей эры – III век нашей эры) изображение коня встречается не только на печатях, но и на монетах кушанской эпохи.

Печать. Кость. V–VI в.н.э.

Случайная находка. В центре печати изображена священная птица. На голове птицы отчетливо видны один глаз и острый загнутый клюв. Также отчетливо изображены два крыла и хвостовая часть птицы. Изображение напоминает птицу Хумо. Священная птица изображена внутри круга длиной 3 x 3 см. Толщина печати – 5 см.

Печать. Жженая глина. V–VI века.

Случайная находка. Красноватого цвета. На лицевой стороне печати на высоте 1,2 см отчетливо изображен олень. Общая длина печати – 2 см, в центре есть дырочка для продевания нитки.

Seals of early states

By Ismoil BOTIROV

A collection of seals found during archaeological research in Surkhan oasis and dated II-I millennium BC deserves a special attention.

Seal. Stone. XX century BC. Tillabulok. Sherobod area.

Circular shape seal. On the front side there is a carved image of a dragon with raised tail and flames bursting out of the mouth. The eyes, ears, nostrils, sharp teeth - four teeth on both the upper and lower jaws in the open mouth and a long tongue are clearly visible. Around the edge of the seal there are vertical stripes. Diameter of the seal is 8 cm, and thickness is 7.8 mm. One side of the seal is broken; the broken part is about 2 cm. On the back side there is a suspension, which diameter is 2 cm, and thickness is 1.4 cm.

Seal. White stone. XX century BC. Tillabulok. Sherobod area.

The seal looks like a pendant and is made of white stone in the shape of a flying falcon. The tail and wings of the falcon are widely straightened, one wing is broken. The eyes are made by carving method, and the surface is polished. Opposite of the falcon's head under right wing there is a running dog with the raised short tail. Under the image of the dog there is an image of a man. Diameter of the seal is 2.7 cm. The image of the dog under the right wing is 1.7 cm. The image of the person is 1.7 and 0.7 cm.

Seal. Iron. XX century BC. Tillabulok. Sherobod area.

The octagonal seal has a circular shape, inside of which in a square pattern there are 4 small circles. Diameter of each circle is 4 mm. The distance between small circles is 2 mm. In one of the small circles there is a special hole. A 6 mm holder is placed on the top of the press. The handle has a square shape, in the middle there is a square hole for a hook of the seal.

Seal. Wood. XX century BC. Tillabulok. Sherobod area.

Inside the seal there is an image of a snake in the form of a ring. Head of the snake has an acute form. Jagged straight lines are depicted around the snake. The diameter of the circle with the image of snake is 2.2 cm. At the top of the seal there is a hole - a holder for the hook which diameter is 5 mm. Depicting snakes on seals was typical in the Iron Age (Zharkuton, Sopollitepa, Zhoyilma).

Seal. Limestone. XVII–XV century BC. Sopollitepa.

4x4 cm. white seal, the length is 4 cm; it has an octagonal star shape. In the center of the star there is a cross with the size of 2,5x2, 5 cm. On the back side there is a special hole for the thread which has the holder with the size of 1 cm.

Seal - pin. XVII century BC. Zharkutan.

The upper part has the form of tupbarggul. The top is slightly sharpened. The base is circular and slightly elongated. The surface of elongated head is flat. It is framed in the form of a hexagonal petal with an asterisk inside. The length is 12.4 cm

Seal - pin. XVII century BC. Zharkutan.

The top part has the shape of a fist. The end is slightly sharpened. The base is circular and slightly elongated. The pin has four fingers clenched in a fist, the thumb is extended. The length is 13 cm.

Seal. Burnt clay. XVII–XVI century BC. Zhayilma. Shurchi area.

Reddish seal; the circle is 5,5 x 5,5 cm. In the center of the seal there is an image of a snake measuring 3 cm. Opposite of the snake's head there is a vertical line crossed by 4 horizontal lines. Length of the vertical line is 2.7 cm., and the horizontal lines are located in different ways, but have the same length - 1.2 cm. Distance between the horizontal lines is 0.6 cm. Behind the image of the snake three are straight lines in length of 0.6 cm. Distance between the lines is 0.5 cm. The image of the snake and the lines are framed by a circular line, after which along the edge of the seal there is a line of 0.5 cm. On the back there is a 5 cm holder with a special hole for a thread.

Seal. Limestone. I-II century AD. Accidental finding with a picture of a horse.

The seal is made of limestone, has a circular shape. Diameter of the seal is 4,5 cm, thickness is 2 cm. In the center of the seal there is a hole cut out for a hook which diameter is 5 mm and the length is 4.5 cm. In the center there is an image of a heavenly horse with the size of 3,7 x 3,5 cm. Fluttering on the both sides mane shows a quick jump of the horse. The horse's neck is shown quite high; it is clearly visible the curved down narrow ears and eyes. It is well known that horses played an important role in the life of nomadic Turkic peoples. Therefore, in the era of Kushan Empire (I century BC - III century AD) horse images were found not only on seals, but also on coins of the Kushan period.

Seal. Bone. V–VI century.

Accidental finding. In the center of the seal a sacred bird is depicted. On the bird's head one eye and a sharp hooked bill are clearly visible. Two wings of the bird and the tail section are also clearly visible. The picture looks like the Humo bird. The sacred bird is depicted inside a circle and has the size of 3x3 cm. Thickness of the press is 5 cm.

Seal. Burnt clay. V–VI century.

Accidental finding. Reddish color. On the front side of the seal at 1.2 cm a deer is clearly shown. The total length of the seal is 2 cm.; in the center there is a hole for a thread.

Кўрғонча ёдгорлиги

Наби ХУШВАҚОВ

Козим АБДУЛЛАЕВ

Кашқадарё вилоят Шаҳрисабз шаҳар Амир Темури номи моддий маданият тарихи музейи ЎзР ФА Археология институти ҳам-корлигида Ҳисор тоғининг Яккабоғ ҳамда Қамаш туманларидаги ҳудудда археологик кузатув ишлари ва изланишлар олиб боришди. Этнограф, археолог ва манбашунос мутахассислардан ташкил топган мазкур экспедициянинг мақсади, ўрта асрлардаги ёзма манбаларда кенг истифода этилган араб халифалигига қарши милодий VIII асрда Ҳошим ибн Ҳаким – Муқанна кўзғолони билан боғлиқ тарихий кўрғон ўрнини аниқлаш эди.

Тарихий кўрғон ўрнини аниқлашга қаратилган археологик тадқиқотлар ва уринишлар бир неча марта амалга оширилган бўлиб, уни М.Массон бошлаб берган. У Муқанна қалъаси Қамашининг Лангар қишлоғи бўлиши мумкин, деган фикрни олға сурган. Бироқ Лангар қишлоғида Темурийлар даврида бунёд этилган масжиддан бўлак бирорта ҳам йирик иншоот аниқланмади. Э.Ртвеладзе ва А.Сагдуллаевлар ҳам 1970-1980 йилларда Қамаш тумани ҳудудларида кўрғонни топишга ҳаракат қилишган эди. К.Абдуллаев Китоб туманидаги тоғларни, Ю.Карев эса Шаҳрисабз тоғини археологик жиҳатдан текшириб, ёзма манбаларда таърифланган кўрғон учрамаганини қайд этишган бўлса, Ф.Грне кўрғон Китоб шаҳри атрофларида бўлиши мумкинлигини тахмин қилган.

Тоғ шароитидаги меъморчилик иншоотлари ўзига хос услубда, яъни асосан, тош ва харсанглардан барпо этилади. Бундай иншоотларнинг қурилган даврини кўрсатувчи асосий белгилардан бири, деворлардаги моғорлаш (патинизация) ҳисобланади.

Яккабоғ ҳамда Қамаш туманлари чега-расидаги Ҳисор тоғи ҳудудида денгиз сатҳидан 2500 м баландликда харсангтошдан бунёд этилган меъморчилик иншооти диққатга сазовордир. Бу Кўрғонча номи билан аталувчи ёдгорлик бўлиб, унга Турнасой дарасидаги Дарвоза деб аталувчи тор йўлак орқали чиқилади.

Кўрғончанинг тош деворлари юзасида актив моғорлаш содир бўлган ҳамда бир неча асрларга тенгдош арча дарахтлари меъморчилик иншоотларини қоплаб олган.

Иккита меъморий қурилиш тизимига эга ёдгорлик аркнинг жануби-шимол томонидаги девор 180 м ни, шарқи-ғарбий девори эса 276 м масофани ташкил этиб, 5 гектарга яқин ҳудудни эгаллаган. Кўрғончанинг жануб томонида 46 м ораликда дарвозанинг ўрни мавжуд. Кўрғоннинг шарқ томонини тик нишаблик ўраган.

Кўрғончанинг жануби-шарқий томонида 1,10 м қалинликда тош харсанглардан иборат яна бир

девор давом этган бўлиб, у арк-аъло деворлари билан туташ, узунлиги эса Яккабоғ туманининг Тотор қишлоғига (10 км) давом этган.

Ёдгорликнинг санасини аниқлаштиришга ёрдам берадиган топилмалар ичида иккита пайкон ва битта сопол идиш мавжуд. Пайконлардан бири уч парракли шаклга эга бўлиб, у хронологик жиҳатдан антик даврга тегишли бўлса, иккинчиси, ўрта асрларга оид. Сопол идиш ҳам илк ўрта асрларга тегишли.

Кўрғонча ёдгорлигини ёзма манбаларга солиштирилганда қизиқарли илмий фаразлар келиб чиқади. Милодий VIII асрда араб халифалигига қарши кўтарилган Муқанна кўзғолонининг асосий марказлари Кеш ва Насаф вилоятлари бўлган. Кешнинг тоғли ҳудудида жойлашган кўрғоннинг ўрнини аниқлаш (локализацияси) жуда долзарб. В.Бартольд Муқанна кўрғони Сиём тоғида жойлашганлиги, мазкур тоғ Наршахий асарларида Сом ва Ибн Рустада – Сином деб аталишини таъкидлаб ўтган. Манбаларда Муқанна қалъаси шаҳристонида 50.000 дан зиёд аскарлар ва қалъа ичида булоқлар мавжудлиги ҳақида маълумотлар бор.

Муқанна Кеш ва Насаф ҳудудларида арабларга қарши 14 йил мобайнида кураш олиб борди ва фикримизча, бу қисқа давр мобайнида йирик мудофаа иншоотлари қуриш учун вақти ва иқтисодий имкониятлари чекланган эди. У аввалдан Ҳисор тоғида мавжуд бўлган йирик тоғ қалъасини мудофаага мослаштирган бўлиши ҳам мумкин.

Кўрғон ўрнини аниқлашда Маҳмуд Кошғарийнинг "Девони луғатит турк" асари катта ёрдам беради. Унда "...Инчканд – Муқанна фуқарolari яшаган шаҳарнинг номи. Сўнг хароб бўлган" деган маълумот бор. "Инч" сўзи "тинч" деган маънони беради. Айнан Инчканд Ҳисор тоғолди ҳудудида жойлашган Яккабоғ туманидаги Ишкент қишлоғи бўлиши мумкин. Ишкент Кўрғончага энг яқин қишлоқ бўлиб, юқоридан яққол кўзга ташланиб туради.

Ёзма манбаларда Муқаннанинг ҳарбий ва сиёсий фаолиятига оид маълумотлар Абу Муслим Аббосийларнинг лашкарбошиси ва ноиб бўлган даврларга тўғри келади.

Абусаид Гардизий ("Зайн ул-ахбор"), Абу Али Муҳаммад Бальамий ("Таржимаи тарихи Табарий"), Абу Райҳон Беруний ("Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар"), Абу Бакр Муҳаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий ("Бухоро тарихи"), Ибн ал-Асир ("Тарихи ал-комил") ва Маҳмуд ибн Валининг ("Баҳр ул-асрор") асарларида Муқаннанинг бош қароргоҳи Кешдаги Сом

Яккабоғ ҳамда Қамаш туманлари чега-расидаги Ҳисор тоғи ҳудудида денгиз сатҳидан 2500 м баландликда харсангтошдан бунёд этилган меъморчилик иншооти диққатга сазовордир. Бу Кўрғонча номи билан аталувчи ёдгорлик бўлиб, унга Турнасой дарасидаги Дарвоза деб аталувчи тор йўлак орқали чиқилади.

Заслуживает внимания архитектурное сооружение, возведенное из каменных глыб на высоте 2500 м над уровнем моря на территории Гиссарских гор у границ Яккабагского и Камашинского районов. Этот памятник известен под названием Кургонча, в который можно попасть по узкому коридору именуемому "Дарвоза" расположенному в ущелье Турнасой.

(баъзи манбаларда Сиём) деб аталган тоғдаги қалъада жойлашганини тасдиқлайди. Сом ёки Сиём термини суғдча бўлиб, араб географлари мазкур тоғни Ҳисор деб атайдилар. Ҳисор қалъа ёки шахристон маъносини англатади.

Абу Али Муҳаммад Бальямийнинг "Таржимаи тарихи Табарий" асаридеги маълумотларга кўра, араб лашкарбошиси Маоз ибн Муслим Муқанна қалъасига элчи жўнатган. Элчи қалъанинг иккита кўргондан иборатлиги, 10 йилга етадиган озуқа мавжудлиги ва қиш вақтида қалъага ҳужум қилиш бефойдалиги ҳақида муҳим маълумотлар берган. Хулоса қилиб айтганда, Кўргонча ёдгорлиги энг йирик арки-аъло ва шахристондан иборат Ҳисор тоғидаги кўргон бўлиб, географик жиҳатдан ҳарбий мудофаа учун жуда қулай жойлашган. Кеш ҳокимлари томонидан антик даврда бунёд этилган иншоотни араб истилосига қарши курашган Ҳошим ибн Ҳаким – Муқанна ҳарбий шахристонга айлантирган бўлиши мумкин.

Ёдгорлик келгусида жиддий ўрганишга молик. Кенг қамровли археологик қазишмалар ўтказилгандан сўнг араб босқинчиларига қарши кураши давомида Муқанна паноҳ топган мудофаа қалъасининг қаерда жойлашганлиги тўғрисидаги масалага ойдинлик киритиш мумкин.

Фойдаланилган адабиётлар:

1. В.В.Бартольд. Сочинения. II том. 1 часть. 1963.
2. М.Е.Массон. Катта Лангар в области средневекового Кеша// Труды ТашГУ, вып. VII, Ташкент, 1966.
3. Махмуд Кошгарий. Девони лугатит турк. III жилд.
4. Памятники минувших веков. Т. 1986.

Памятник Кургонча

Наби ХУШВАКОВ

Козим АБДУЛЛАЕВ

Сотрудники музея истории материальной культуры имени Амира Темура города Шахрисабз Кашкадарьинской области и института археологии АН РУз провели археологические изыскания на территории расположенных в предгорьях Гиссара Яккабагского и Камашинского районов. Целью экспедиции, в которую вошли этнографы, археологи и текстологи, было определение часто упоминаемой в письменных источниках исторической местности, связанной с восстанием Муканны – Хашима ибн Хакима против арабского халифата в VIII веке нашей эры.

Для определения этой исторической местности неоднократно проводились археологические исследования, начало которым положил М.Массон. Ученый выдвигал версию о том, что крепостью Муканны служил кишлак Лангар в Камаше. Но в кишлаке Лангар, кроме мечети

построенной в эпоху Тимуридов, не обнаружено никаких свидетельств о крупных сооружениях. Попытку обнаружить курган на территории Камашинского района в 1970-1980 годах предпринимали Э.Ртвеладзе и А.Сагдуллаев. В археологическом плане горы Китабского района исследовал К.Абдуллаев, горы Шахрисабза – Ю.Карев и они отмечали отсутствие кургана, упоминаемого в письменных источниках, а Ф.Грне предполагал, что курган мог располагаться в окрестностях города Китаб.

В горных районах архитектурные сооружения возводятся своеобразным методом, в основном, из камня и валунов. Основным признаком в определении времени строения таких сооружений служит заплесневелость на стенах (латинизация).

Заслуживает внимания архитектурное сооружение, возведенное из каменных глыб на высоте 2500 м над уровнем моря на территории Гиссарских гор у границ Яккабагского и Камашинского районов. Этот памятник известен под названием Кургонча, в который можно попасть по узкому коридору именуемому "Дарвоза" расположенному в ущелье Турнасой.

Поверхность каменных стен Кургонча обильно покрыта плесенью, архитектурное сооружение окружено многовековыми арчовыми деревьями.

Протяженность южной и северной стены памятника состоящей из двух строительных элементов равно 180 м, восточная и западная – 276 м, в целом памятник занимает 5 гектаров. На южной стороне Кургонча на промежуточном расстоянии в 46 м имеется место для ворот. Восточная сторона Кургонча окружена вертикальной покатостью.

На юго-восточной стороне Кургонча есть возведенная из каменных глыб стена шириной 1,10 м, которая соединяясь со стенами цитадели, продолжается до кишлака Тотор Яккабагского района (10 км).

Есть находки, способствующие определению даты построения памятника, это два наконечника стрел и одно керамическое изделие. Один из наконечников с тремя оперениями в хронологическом аспекте относится к античному периоду, второй, к средневековью. Керамическое изделие тоже относится к средним векам.

При сопоставлении памятника Кургонча с данными письменных источников, возникают интересные научные гипотезы. В VIII веке основные центры восстания Муканны против арабского халифата находились в областях Кеш и Насаф. Актуальным является определение и локализация кургана на горной территории Кеша. В.Бартольд на основе письменных источников утверждал, что курган Муканны располагался на горе Сиём, в произведении Наршахи эта гора дана под названием Сом. У Ибн Руста – Сином. В источниках есть сведения о том, что в шахристане крепости Муканны было более 50.000 воинов, и в крепости были родники.

Муканна на протяжении 14 лет воевал против арабов на территориях Кеша и Насафа, и, как мы думаем, в этот короткий период он не располагал временем и экономическими возможностями для строительства большого оборонительного сооружения. Вполне вероятно, что он заранее приспособил для обороны уже имевшуюся в Гиссарских горах большую горную крепость.

Для определения места расположения кургана есть указание в произведении Махмуда Кашгари "Девону луготит турк". В нем есть следующие сведения: "Инчканд – название города, в котором жили люди Муканны. Затем он был разорен". Слово "Инч" означает "тинч" – "спокойный". Возможно, селение Ишкент Яккабагского района, расположенного в предгорьях Гиссара и был Инчкандом. Ишкент – самое близкое село к кургану и отлично видно сверху.

Приводимые в письменных источниках сведения о военной и политической деятельности Муканны соответствуют периоду, когда он был военачальником и наместником Аббасида Абу Муслима. В произведениях Абусаида Гардизи ("Зайн ул-ахбор"), Абу Али Мухаммада Бальями ("Таржимаи тарихи Табарий"), Абу Рейхана Беруни ("Памятники минувших веков"), Абу Бакр Мухаммада ибн Джаъфара ан-Наршахи ("История Бухары"), Ибн ал-Асира ("Тарихи ал-комил") и Махмуда ибн Вали ("Бахр ул-асрор") утверждается, что главная резиденция Муканны располагалась в крепости в кешских горах Сом (в некоторых источниках – Сиём). Термин "Сом" или "Сиём" согдийского происхождения и арабские географы называли эти горы Гиссарскими. "Гиссар" означает крепость или шахристан.

По сведениям, приводимым в произведении Абу Али Мухаммада Бальями "Таржимаи тарихи Табарий", военачальник арабов Маоз ибн Муслим направлял посла в крепость Муканны. Посол собрал важные сведения о том, что крепость состоит из двух курганов, есть резерв продовольствия на 10 лет, и что в зимнее время штурмовать крепость бесполезно.

В заключении можно сказать, что памятник Кургонча – это самый большой курган в горах Гиссара, состоящий из цитадели и шахристана, в географическом аспекте очень удобно расположенный для обороны. Возможно, сооружение, возведенное в античный период правителями Кеша, Хошим ибн Хаким – Муканна боровшийся против арабского завоевания преобразовал в военное укрепление.

В будущем необходимо стационарное изучение этого памятника. После проведения масштабных археологических раскопок можно пролить свет на вопрос о том, где была расположена оборонительная крепость, в которой находил убежище Муканна в ходе борьбы с арабскими завоевателями.

Kurgoncha monument

By Nabi KHUSHVAKOV

Kozim ABDULLAEV

Staff at the Museum of History of Material Culture named after Amir Temur in Shakhriyabz of Kashkadarya region and the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan conducted archaeological research in areas located in Hissar foothills of Yakkabag and Kamashi districts. Aim of the expedition, which included anthropologists, archaeologists and textual critics, was to determine the historic area frequently mentioned in, written sources related to the revolt of Mukanna - Khoshim ibn Khakim against the Arab Caliphate in the VIII century BC.

In order to determine this historic place several archaeological researches initiated by M.Masson were repeatedly carried out. The scientist put forward the version that Langar village in Kamashi served as a fortress for Mukanna. But in the village no evidence of large-scale structures except the mosque built in the Timurid era was revealed. Attempt to discover the mound in Kamashi district was undertaken by E. Rtveldze and A.Sagdullaev in 1970-1980. In archaeological terms mountains of Kitab district were investigated by K.Abdullaev, mountains of Shahrizabz – by Yu.Karev and they noted the absence of the mound mentioned in the written sources, but F. Kramp suggested that the mound could be located in the vicinity of Kitab.

In mountainous areas, architectural structures were erected in original manner, mainly of stone and boulders. The main feature for timing of such constructions is mouldiness of the walls (covering with patina).

The architectural structure, erected from stone blocks at a height of 2500 m above sea level in Gissar mountains area near the border between Yakkabag and Kamashi districts is noteworthy. This monument is known as Kurgoncha, which can be reached through a narrow corridor called "Darvoza" located in Tournas gorge.

The surface of the stone walls of Kurgoncha abundantly covered with mold, and the architectural structure is surrounded by centuries-old juniper trees.

The length of the north and south walls of the monument consisting of two building elements is 180 m, the east and west ones - 276 m, the whole monument is 5 hectares. On the south side at the intermediate distance of 46 m there is a place for the gate. The eastern side of Kurgoncha is surrounded by vertical declivity.

In the south-eastern side of Kurgoncha there is 1.10 m wide wall erected of boulders, which is connected with the walls of the citadel, and continues to Totor village of Yakkabag district (10 km).

There are findings contributing to determine the date of the monument constructions, they are two arrowheads and one piece of pottery. One of the arrowheads with three plumages refers in chronological aspect to the ancient period, and the second one to the Middle Ages. The pottery also

The architectural structure, erected from stone blocks at a height of 2500 m above sea level in Gissar mountains area near the border between Yakkabag and Kamashi districts is noteworthy. This monument is known as Kurgoncha, which can be reached through a narrow corridor called "Darvoza" located in Tournas gorge.

refers to the Middle Ages.

Comparison of Kurgoncha monument with the data of written sources revealed interesting scientific hypotheses. In the VIII century the main centers of the Mukanna revolt against the Arab Caliphate were in Kesh and Nasaf areas. Identification and localization of the mound on the mountain territory of Kesh is relevant. V. Bartold based on written sources claimed that Mukanna's mound was located on the Siyom Mount, in Narshahi's product the mountain is given as Som, and in Ibn Rusta's product – as Sin. The sources have information that in Mukanna fortress there were more than 50,000 soldiers and the fortress had springs.

Mukanna during 14 years fought against Arabs in Kesh and Nasaf areas, and as we think, at that short period he did not have the time and economic opportunities for construction of a large defensive structure. It is likely that he had beforehand adapted a big fortress already existing in the Hissar Mountains for defense purposes.

The product by Mahmud Kashgari "Devoni Lugotit Turk" has mentioning about location of the mound. It includes the following information: "Inchkand is the name of the city where Mukanna's people lived. Then it was busted". The word "Inch" means "Tinch" - "calm". Perhaps the village Ishkent of Yakkabag district, located in the foothills of Hissar was Inchkand. Ishkent is the closest village to the mound and is clearly visible from above.

Information given in the written sources about Mukanna's military and political activities corresponds to the period when he was Abbasidian Abu Muslim's military commander and governor. In the works by Abusaid Gardizi ("Zain-ul-Akhor"), Abu Ali Muhammad Bal'ami ("Tarzhimai Tarihi Tabariy"), Abu Rayhan Biruni ("The monument of the last century"), Abu Bakr Muhammad ibn Zhafar an-Narshahi ("Bukhara Tarikhi"), Ibn al-Asir ("Tarikhi al-Komil") and Mahmud ibn Wali ("Bahr ul-Asror") it is stated that Mukanna's main residence was situated in a fortress of Som in Kesh mountains (in some sources - Siyom). The term "Som" or "Siyom" has the Sogdian origin and Arab geographers call those mountains as Gissars. "Gisar" means castle or shakristan.

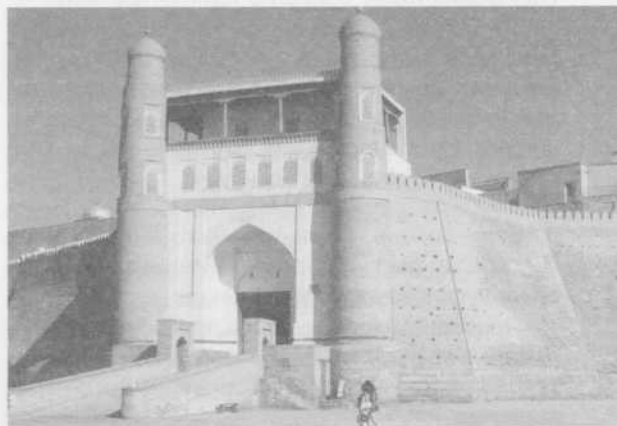
According to the data given in the work by Abu Ali Muhammad Bal'ami "Tarzhimai Tarihi Tabari" an Arabian warlord Maoz Ibn Muslim sent an ambassador to the Mukanna's fortress. The ambassador gathered important information that fortress consisted of two mounds; there was a reserve of food for 10 years, and storm the fortress in winter was useless.

In conclusion, Kurgoncha monument is the largest mound in the Hissar Mountains consisting of the citadel fortress and in geographical aspect is very conveniently located for defense. Probably the building, erected in the ancient period by Kesh rulers was transformed into a military fort by Khoshim ibn Khakim - Mukanna who fought against the Arab conquest.

In the future this monument needs permanent strengthening. Following a large-scale archaeological excavations we can shed some light on the question about location of the fortress, which Mukanna took refuge during the struggle with the Arab invaders.

Бухоро – Буюк Ипак йўлидаги шаҳар

Хайрулла СУЛТОНОВ

Бухоро – Марказий Осиёнинг Балх, Ҳирот, Марв (Мари), Самарқанд, Термиз, Насаф (Қарши), Чоч – Шош (Тошкент) ва Хоразм (Хива) каби қадимий шаҳарлари орасида ўзининг муносиб ўрнига эга.

Кўп асрлар давомида Бухоро Мовароуннахрнинг йирик савдо-хунармандчилик ва маъмурий маркази ролини сақлаб келган. Яқин ва Ўрта Шарқ давлатларини Ҳиндистон, Хитой билан боғлаган савдо йўлининг асосий шоҳобчаси ушбу шаҳардан ўтган эди. Қадимда Бухоро неча бор босқинчилар талафотига дучор бўлди, аммо шаҳар харобалари қайта-қайта тикланиб, Турон заминнинг маданий-маърифий марказига айланди. Шаҳар кўп асрлар давомида Бухорхудотлар (V-VII аа.), Сомонийлар (IX-X аа.), Шайбонийлар (XVI а.), Аштархонийлар (XII-XVIII аа.), Бухоро амирлиги (XVII-XIX асрлар боши) давлатларининг пойтахти бўлиб келди.

Ёзма манбаларда Бухоро атамаси хитой сайёҳи Сюань Цзань (милодий 650-йиллар) томонидан биринчи марта қайд этилган. Мазкур ном суғд транскрипциясида Варахран тангаларида учрайди. Жувайний (XII а.) маълумотларига таянган ҳолда қатор олимлар у санскритчадаги "Vihara" – "Будда ибодатхонаси"дан келиб чиққан дейишади, шу билан бирга, бошқа тахмин ҳам мавжуд, унга кўра "Vikara" топоними – суғдчадаги "вихатак" – "бахтли ер"ни англатади.

Шаҳарнинг хитой ва араб ёзма манбаларида учрайдиган Нуми, Наулум, Нумижкат ном вариациялари ҳам суғдча "Namich" – "таниқли", "бош" атамасидан келиб чиққан.

Ўрта асрлар даврида исломий фан ва шарқ маърифати тараққиётига қўшган беқиёс ҳиссаси эътирофи сифатида шаҳар "Қуббат ул-ислом" ёки "Бухоройи шариф" деб шарафланган. Муҳаммад Наршахий (Абу Бакр)нинг "Бухоро тарихи" ри-

соласи шаҳар тарихи бўйича асосий манба ҳисобланади, унга кўра шаҳарга VI асрнинг 60-80-йилларида Турк ҳукмдори Шири Кишвар асос солган.

Фирдавсий "Шоҳнома"да Бухорони афсонавий Сиёвуш (авесточа Сияваршан), шоҳ Кайковус (Кави-Уса) нинг ўғли қурган дейди. Ўрта асрлар муаллифи Абулҳасан ан-Нишопурий Бухоро вилоятида Сиёвушнинг истеҳком қургани ҳамда шарқий дарвоза олдида кўмилгани ҳақида маълумот беради. XIX асрнинг кўплаб тадқиқотчилари Птоломей Бухорони Окс ва Яксарт оралигида деб белгиланган Трибақтра билан қиёслашади. Мустақил мамлакат сифатида Бухоро бошига тиара – кулоҳ кийган маҳаллий ҳукмрон тасвири туширилган ва суғд тилидаги афсона илова қилинган ўз тангасини зарб қилади.

Академик Я. Фуломов раҳбарлигидаги қадим-шунослик тадқиқотлари шаҳар тарихини ўрганишда алоҳида аҳамият касб этади. 1970-1980 йилларда Бухоро ҳудудида комплекс қадим-шунослик тадқиқотлар, жумладан, Бухоронинг эски шаҳар қисмида қазув ишлари олиб борилди. Уйлар зич жойлашгани сабаб тадқиқ ишлари эҳтиёткорлик билан, "Зиндон", Минораи Калон, Мир Араб мадрасаси, Тоқи Заргарон қуббаси ва Абдуллахон Тими, Арк майдонининг шарқий қисми ва майдони 11-13 га келадиган қадимги Шаҳристон каби меъморий ёдгорликлар билан ёнма-ён олиб борилди.

Натижада, Бухоронинг маданий қатламлари 14 м дан 20 м гача етгани ва Наршахий қайд этганидек, шаҳар ботқоқ жойда қад кўтаргани аниқланди. Турли тарихий даврларга мансуб топилмалар шаҳарнинг пайдо бўлишидан тортиб то XX аср бошигача бўлган даврни қамраб олади. Милоддан аввалги I минг йиллик ўртаси деб саналган энг дастлабки маданий қатламлар Арк ва Шаҳристон ҳудудларида аниқланган.

Археологик ишлар жараёнида олинган бой артефактлар мажмуининг таҳлили Бухоронинг 2500 йиллик тарихга эга эканлигини асосли равишда исботлади ҳамда Зарафшон водийсидаги урбанизациянинг ўзига хос жараёнларини ўрганишга асосий манба бўлиб хизмат қилди.

Археологик-топографик тадқиқотлар натижасида, IX асрга келиб Бухоро бир неча деворлар билан ўраб олингани, улар шаҳар ва унинг атрофини мудофаа қилганлиги аниқланди. Ташқи мудофаа девори 11 та дарвозага эга бўлган.

Арабларнинг Бухоро воҳасига дастлабки юришлари ҳижрий 54 йилга (милодий 677 йилга) мансуб.

Дастлаб, вайронагарчиликлар келтириб чиқарган босқинчилик юришлари IX аср охирига келиб илгари сиёсий яхлитликка эга бўлмаган Суғдга ягона ислом динини олиб келди.

Минг йиллар давомида жуда баян ва мустаҳкам деворлар билан қуршалган Арк-истеҳком-кўҳандиз шаҳарнинг ўзак қисмини ташкил этган. Аркнинг шарқий томонида шаҳар – шаҳристон жойлашган бўлиб, у ҳам буржли деворлар билан ҳимояланган. Рабодларнинг ҳам деворлари бўлган ва улар ички ҳамда ташқи рабодга бўлинган. Аркнинг ғарбий этагида кенг

Регистон майдони, унинг атрофида эса ўнта асосий давлат идоралари – девонлари жойлашган. Шу ерда қаср қад кўтарган. Регистонда, шунингдек, мусалло – Жомеъ масжид ҳам бўлган. Сомонийлар даврида эски мусалло барча намозхонларни сиғдирилмаганлиги боис, 971 йилда қалъадан ярим фарсаҳ (3-4 км) узоқликда янги мусалло – намозгоҳ қурилган. Бундан ташқари, Жўйи Мўлиён анҳори ёнида яна бир шоҳ саройи ҳам тикланган.

Бухородаги Сомонийлар даври иншоотларидан фақат Сомонийлар мақбарасигина сақланиб қолган, бу Марказий Осиёдаги пишиқ гиштдан қурилган энг қадимги мусулмон ёдгорлик иншооти саналади. Ушбу бино ўз маҳобати, ҳашами ва бадий нафислиги туфайли шарқ меъморичилигининг дурдонаси деб эътироф этилган.

X асрнинг охири – XI асрнинг бошида Бухоро Сомонийлар ва Қорахонийлар ўртасидаги талотўплар жараёнида бир неча марта қўлдан-қўлга ўтиб турган.

Гарчи, Сомонийларнинг мағлубияти билан Бухоро ўзининг сиёсий марказ сифатидаги олдинги куч-қудратини йўқотган бўлса-да, XI-XII асрларда барибир унинг аҳамияти катта эди. Қорахонийлар ҳукмдори Шамс ал-Мулк Бухорога яқин жойда саройи, боғлари, яйловлари бўлган Шамсобоод кўриқхонасини барпо этади. Шаҳарнинг ўзида эса, жума масжидининг янги биноси қад ростлаган (1069 й.). Шамс ал-Мулкнинг ворисларидан бири Арслонхон Муҳаммад арк ва шаҳар ташқи деворларини тиклади, янги минорали Жомеъ масжиди, иккита минора ва иккита сарой қурдирди. Саройлардан бири кейинчалик мадрасага айлантирилди, шаҳар ташқарисиди ҳам намозгоҳ бунёд этилди. Ушбу иншоотлардан намозгоҳнинг меҳробли, сербе-заклиги билан ажралиб турувчи ғарбий девори ҳамда Жомеъ масжид минораси, яъни бутун дунёга машҳур Минораи Калон сақланиб қолган. Мазкур маҳобатли минора бошдан-оёқ ўйма гулли гишт билан қопланган. У бугунги кунда ҳам Бухоронинг бетакрор қиёфасига зеб бериб турибди.

Магоки Атторий масжиди ҳам XII асрга тааллуқли бўлиб, унинг ажойиб пештоқи ўз даври меъморий беаганининг бойлиги ва хилма-хиллигини намоиш этади.

1220 йилда Бухорони мўғуллар босиб олгач, Жомеъ масжидини таҳқирладилар, шаҳар эса аёвсиз талон-торож қилинди.

Қирқ йил давомида Бухоро харобазорга айланиб ётди ва фақат XII аср охирига келибгина шаҳар қайта тикланди, шу билан баравар қурилиш санъати ҳам тараққий топди. Бизгача сақланиб қолган ёдгорликлар орасида энг машҳурлари Бухоронинг шарқий чеккасидаги Фатҳобод деган жойда қад ростлаган иккита мақбара ҳисобланади. Бинолардан бири, Кубровия сўфийлик тариқатининг таниқли шайхи Сайфаддин Бохарзий қабри устида қурилган. Унинг ғарб томонида Чингизийлардан бири Баянқулихон даҳмасининг устида мўъжазгина мақбара бунёд этилган.

Ҳар иккала мақбара бой меъморий безакка

Мирзо Улуғбек 1417-1418 йилларда шаҳарда улуғвор мадраса барпо этган. У буюк фалакшунос олим қурдирган илк иншоотлардан биридир. Айниқса, унинг мадраса эшигига ўйиб ёздирган бир ҳикмати жаҳонга машҳур: "Ҳар бир муслим ва муслима илм олмоғи фарздир".

эга, шайхнинг дахмаси эса бадий ёғоч ўймакорлиги санъатининг энг ажойиб намунасини ўзида намоян этади.

Соҳибқирон Амир Темури Бухорони онасининг ватани сифатида хурмат қилар эди. Унинг ҳукмронлиги даврида бу ердаги Намозгоҳ масжиди қайта тикланди ва Чашмаи Айюб мақбараси қурилди. У 1383-1384 йилларда қадимги ва машҳур мазордаги пайғамбар Айюбнинг тахминий қабри устида қад ростлаган. "Чашма" номи эса, унинг ичида жойлашган булоқ билан боғлиқ, яъни ушбу булоқ пайғамбар Айюбнинг ҳассаси теккан жойдан отилиб чиққан эмиш. 1404 йилнинг ноябрида испан элчиси Руи Гонсалес де Клавихо Самарқанддаги Амир Темури саройидан қайтаётганда Бухорога қўниб ўтади. У шаҳарнинг қисқача таърифини келтириб, Бухоро қалъасининг катта бинолари, дон-дун, гўшт, мусаллас ва бошқа озиқ-овқатлар мўллигига эътиборни қаратади.

Нақшбандия тариқатининг машҳур вакили Баҳоуддин Нақшбандийнинг Бухородаги фаолияти мана шу даврга тўғри келади.

Бухоро руҳонийларининг қудратини яхши англаган Мирзо Улуғбек 1417-1418 йилларда шаҳарда улугвор мадраса барпо этган. У буюк фалакшунос олим қурдирган илк иншоотлардан биридир. Айниқса, унинг мадраса эшигига ўйиб ёздирган бир ҳикмати жаҳонга машҳур: "Ҳар бир муслим ва муслима илм олмоғи фарздир". 1432-1433 йилларда унинг фармойиши билан Ғиждувонда Баҳоуддин Нақшбанднинг устози Ҳожи Абдуҳолиқ Ғиждувоний қабри ёнида тикланган мадраса улугворликда бошқаларидан қолишмайди. Мирзо Улуғбек ҳукмронлиги даврида Бухоронинг Калон масжиди тўлиқ қайта тикланган.

Шайбонийлардан Абдуллаҳон II ҳукмронлиги даврида Марказий Осиё минтақасининг ижтимоий, сиёсий ва маданий ҳаётида Бухоронинг роли анча ошди.

Абдуллаҳон II нинг қурилиш бобидаги фаолияти Бухоро шаҳрини ўзгартириб юборди. Унинг ҳукмронлиги даврида бунёд этилган Лаби Ҳовуз меъморий мажмуаси, савдо гумбази, расталар, бир қанча мадраса ва масжидлар, Саррофон ҳаммоми, шу вақтга оид яна кўплаб бошқа бинолар ва иншоотлар ҳозиргача сақланиб қолган.

XIX асрнинг биринчи ярмида Бухоро Россия ва бошқа мамлакатлар, жумладан, Хитойга олиб

чиқиладиган ип-газлама ва шойи матолар ишлаб чиқаришнинг муҳим марказига айланди. Е. К. Мейендорф сўзларига кўра, "Искандар Зулқарнайн замонидан буён Буюк Ипак йўли муқаррар бўлиб, ундан ҳозирги вақтда ҳам Бухородан Самарқанд ва Кошғар орқали, ундан Қўқон ва Тахти Сулаймон орқали ўтадиган карвонлар қатнайди".

1740 йилда Эрон шоҳи Нодирхон феодал парокандалик ва оталиқ Муҳаммад Ҳакимнинг сотқинлигидан фойдаланиб, Бухорони жангсиз қўлга киритишга муваффақ бўлди ва уни талон-торож қилди. Нодиршоҳ Муҳаммад Ҳакимни Бухоро ҳукмдори этиб тайинлади. Унинг ўлимидан кейин ҳокимият Муҳаммад Ҳакимнинг ўғли амир Муҳаммад Раҳимнинг қўлига ўтди ва Мангитлар сулоласи ҳукмронлигига асос солинди. Шу вақтдан то XX асрнинг 20-йилларигача Бухоро сиёсий, маъмурий ва иқтисодий марказ, давлат пойтахти бўлиб қолди ва у энди "амирлик" деб атала бошлади.

Ёши икки ярим минг йилга тенг Бухоро кўп асрлар давомида Марказий Осиёнинг етуқ маданий марказларидан бири бўлиб келди. Масалан, Сомонийлар даврида бу ерда атоқли шоир Абулҳасан Рўдакий яшади ва ижод қилди, бу ерда буюк Абу Али ибн Синонинг тиббий билимлари ва фалсафий дунёқараши шаклланди.

Бухоронинг буюклиги шундаки, у мусулмон ақоидларининг марказларидан бири бўлган эди, улар ичидан энг етуқлари деб Имом ал-Бухорий, Сайфиддин Бохарзий, Баҳоуддин Нақшбандий тилга олинади.

Бухара – город на Великом Шелковом пути

Хайрулла СУЛТОНОВ

Бухара – занимает достойное место среди древних городов Центральной Азии, таких как Балх, Герат, Мерв (Мары) Самарканд, Термез, Насаф (Карши) Чач – Шаш (Ташкент) и Хорезм (Хива).

На протяжении многих веков Бухара сохраняла роль крупного торговоремесленного и административного центра Мавераннахра. Через этот город пролегала главная трасса торгового пути, соединявшего государства Ближнего и Среднего Востока с Индией, Китаем. В древности Бухара неоднократно подвергалась нашествиям завоевателей, но город возрождался из руин и к периоду раннего средневековья превратился в культурно - просветительский центр древнего

Турана. Многие столетия город последовательно служил столицей государства Бухар-хадатов (V – VII вв.), Саманидов (IX–Xвв.), Шейбанидов (XVI в.), Аштарханидов (XII–XVIII вв.), Бухарского эмирата (XVII – начало XIX вв.).

В письменных источниках термин Бухара впервые упоминается китайским путешественником Сюань Цзанем (630 г. н.э.) Это же название, но в согдийской транскрипции зафиксировано на монетах Варахрана V. Опираясь на сведения Джувайни (XII в.), ряд ученых считают, что оно восходит к санскритскому "Vihara" – "Буддийский монастырь", вместе с тем, существует другое предположение, согласно которому топоним "Vihara" – это согдийское слово "вихатак" – "счастлиное место".

Вариации наименования города – Нуми, Наулум, Нумиджкат – встречающиеся в китайских и арабских письменных источниках, также восходят к согдийскому термину "Namich" – "знаменитый, "главный".

В эпоху средневековья город прославился как "Куббат ул-ислам" или "Бухорои шариф" благодаря его весомому вкладу в развитие науки и просвещения мусульманского Востока.

Главным источником по истории города является трактат Мухаммада Наршахи (Абу Бакр) "История Бухары", согласно которому он был основан Тюркским правителем Шири-Кишваром в 60-80 гг. VI в.

В "Шахнаме" Фирдоуси, строителем Бухары назван легендарный Сиявуш (авестийский Сияваршан), сын царя Кей-Кауса (Кави-Уса). О возведении Сиявушем крепости в области Бухары и на место его захоронения у восточных ворот указывает средневековый автор Абул-Хасан ан-Нишапури. Многие исследователи XIX в. отождествляли Бухару с отмеченным Птоломеем (II в. н. э.) между Оксом и Яксартом городом Трибактра. В качестве самостоятельного владения Бухара чеканит собственные монеты с портретом местного правителя в тиаре и в сопровождении легенды на согдийском языке.

Значительный вклад в познание истории города внесла археологическая экспедиция под руководством академика Я.Гулямова, которая проводила комплексные археологические исследования на территории Бухары в 1970 – 1980 гг. когда были произведены раскопки в нескольких частях старого города Бухары. Из-за плотной застройки исследования приходилось проводить с риском, рядом с памятниками архитектуры "Зиндан", минарет Калон, медресе Мири Араб, купол Таки Заргарон и Тим Абдулла – хана, в восточной части площади Арка и на древнем Шахристане площадью 11 – 13 га.

В результате было установлено, что культурные напластования достигали от 14 м до 20 м., а сама Бухара построена на болотистой местности, что подтверждает сведения Наршахи. Археологические находки, относящиеся к различным историческим периодам, позволили проследить процессы урбанизации города – от момента его воз-

никновения до начала XX в. Наиболее ранние культурные слои датируемые серединой I тыс. до н. э. обнаружены в шурфах на территории Арка и Шахристана.

Полученный в ходе археологических работ богатейший комплекс артефактов послужил основным источником для исследования не только истории возникновения города Бухары, но и своеобразных процессов урбанизации в Зарафшанской долине. Одновременно их анализ убедительно доказал, что Бухара имеет более 2500-летнюю историю.

Археолого-топографическими обследованиями установлено, что к IX в. Бухара была обнесена несколькими стенами, которые обороняли и сам город и пригородные части. Внешняя оборонительная стена имела 11 ворот.

Первые арабские походы в Бухарский оазис относятся к 54 году хиджры (674 г. н.э).

Завоевание растянувшееся на столетие, сопровождаемое разорениями и разрушениями к концу IX в. принесло в Согд, не знавший прежде конфессионального единства, единую религию – ислам.

Тысячелетним ядром города служит Арк-кухендиз-цитадель, окруженный очень высокими и мощными стенами. Восточнее Арка располагался собственно город – шахристан – также защищенный укрепленной башнями стеной. Пригород (рабад) тоже имел стены и делился на внутренний и внешний рабад. У западного подножья Арка находилась обширная площадь Регистан, а вокруг нее присутственные места для 10 главных государственных ведомств (диванов). Здесь же был выстроен дворец. На Регистане так же находилась мусалла – праздничная мечеть. Но при Саманидах старая мусалла уже не могла вместить всех молящихся, и в 971 г. была устроена новая мусалла – намазгах в полу фарсах (3 – 4 км) от цитадели. Кроме того, был построен еще один царский дворец на берегу канала Джуйи Мулиён.

Из построек Саманидской эпохи в Бухаре уцелел только мавзолей Саманидов – древнее в Центральной Азии мусульманское мемориальное сооружение кирпича. Этот памятник по праву считается жемчужиной архитектуры востока из-за его виртуозной кладки, монументальности и удивительной гармонии.

В конце X – начале XI в. Бухара в ходе борьбы между Саманидами и Караханидами неоднократно переходила из рук в руки.

Хотя с падением Саманидов Бухара утратила прежнюю роль политического центра, значение ее было велико и в XI – XII вв. Караханидский правитель Шамс ал-Мульк, устроил в предместье Бухары заповедник Шамсабад с дворцом, садами, пастбищами, а в самом городе соорудил новое здание соборной мечети (1069 г.). Один из преемников Шамс ал-Мулька Арслан – хан Мухаммад восстановил цитадель и внешние стены города, возвел новую соборную мечеть с минаретом, две большие башни, два дворца,

Улугбек в 1417 – 1418 гг. возводит в Бухаре величественное медресе. Оно было одной из ранних построек Улугбека. Особенно примечателен афоризм, начертанный на его деревянной резной двери: "Стремление к знанию является обязанностью каждого мусульманина и мусульманки".

один из которых был затем перестроен в медресе, а за городом был построен намазгах. Из этих построек уцелела западная стена Намазгаха с михрабом богато декорированная, а также минарет соборной мечети – всемирно известный минарет Калон. Это монументальная башня сплошь покрытая фигурными кирпичами, и по сей день образует неповторимый силуэт Бухары.

К XII веку относится так же мечеть Магоки Аттари, чудесный портал которого демонстрирует все богатство и разнообразие архитектурного декора своей эпохи.

В 1220 г. Бухару захватили монголы, соборная мечеть была занята монголами и осквернена, а город был жестоко разграблен.

На протяжении 40 лет Бухара оставалась разрушенной и лишь к концу XIII столетия город стал возрождаться а заодно и строительное искусство. Из сохранившихся до нас наиболее известными являются два мавзолея, воздвигнутые у восточного пригорода Бухары, в местечке Фатхабад. Одно из зданий построено над могилой известного шейха суфийского братства Кубравийа – Сайф ад Дина Бахарзи. А к западу от него возвышается небольшое здание усыпальницы одного из Чингизидов – Буян Кули Хана.

Оба мавзолея имели богатую архитектурную отделку, а надгробие шейха представляет собой наиболее выдающийся образец искусства художественного оформления по дереву.

Амир Тимур глубоко чтит Бухару как родину своей матери. В период его правления здесь была реконструирована мечеть Намазгах и построен мавзолей Чашма-Аюб, который возведен на месте древнего и популярного мазара над мнимой могилой пророка Иова (по арабски - Аюб) в 1383 – 1384 гг. А своим названием "Чашма" мавзолей обязан расположенному внутри него источнику, который появился, по легенде, после удара посохом библейского пророка. В ноябре 1404 г. Бухару на обратном пути из Самарканда посетило испанское посольство, возвращавшееся из дворца Амира Тимура. Рюи Гонсалес де Клавихо, оставил краткое описание города с крепостью, большими зданиями и богатым хлебом, мясом, вином и другими товарами.

На этот период приходится деятельность в Бухаре известного представителя суфийского дервишского ордена Накшбандийа – Баха ад-Дина Накшбанди.

Улугбек, прекрасно осознавший значение бухарского духовенства в 1417 – 1418 гг. возводит в Бухаре величественное медресе. Оно было одной из ранних построек Улугбека. Особенно приме-

чателен афоризм, начертанный на его деревянной резной двери: "Стремление к знанию является обязанностью каждого мусульманина и мусульманки". В 1432 – 1433 гг. по его указанию строится не менее великолепное медресе в Гиждуване у могилы Ходжи Абдухалика Гиждувани, являвшегося наставником Баха ад-Дина Накшбанди. При Улугбеке осуществлена полная реконструкция соборной мечети Бухары – Калон.

В период правления шейбанида Абдулла-хана II роль Бухары в общественной, политической и культурной жизни Центральноазиатского региона значительно возросла.

Строительная деятельность Абдулла-хана II преобразила город Бухару. Созданные при нем архитектурный ансамбль Ляби-Хауз, торговые купола, пассажи, многочисленные здания медресе, мечети, баня Саррафон, многие другие здания и сооружения этого времени сохранились и в наши дни.

В первой половине XIX в. Бухара выступает как важный центр производства хлопчатобумажных и шелковых тканей, вывозимых на рынки России и другие государства, в том числе, и в Китай. По словам Е.К.Мейендорфа: "Еще со времен Александра определился великий путь, которым и нынче следуют караваны, идущие из Бухары через Самарканд и Кашгар и проходящие через Коканд и Тахти-Сулейман".

В 1740 г. шах Ирана Надир, воспользовавшись феодальной раздробленностью и предательством аталыка Мухаммад Хакима, смог без боя захватить Бухару и разграбить ее. Правителем Бухары Надир – шах признал Мухаммада Хакима. После его смерти власть перешла в руки амира Мухаммад Рахима, сына Мухаммад Хакима, положив начало правлению династии Мангытов. С этого времени вплоть до 20-х годов XX в. Бухара оставалась политическим, административным и экономическим центром, столицей государства, которое стало теперь называться "эмират".

Насчитывающая два с половиной тысячелетия Бухара на протяжении многих веков была одним из выдающихся культурных центров Центральной Азии. Так, при Саманидах здесь жил и творил выдающийся поэт Абдулхасан Рудаки, здесь формировались медицинские познания и философское мировоззрение великого Абу Али ибн Сины.

Величие Бухары заключается в том, что она была одним из центров мусульманского богословия, среди выдающихся из них являются Имам ал-Бухари Сайф ад-дин Бахарзи, Баха ад-дин Накшбанд (XIV в.)

Использованная литература:

1. Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар. История Бухары. Ташкент, 1966.
2. И. Ахроров, З. Усманова. Новые данные к истории Бухары. История и археология Средней Азии.
3. Э. В. Ртвеладзе. Легенды об основании Среднеазиатских городов и археологическая действительность. Культура юга Узбекистана в древности и средневековья. Ташкент, 1987.

Bukhara, a city on the Great Silk road

By *Khayrulla SULTONOV*

Bukhara occupies a prominent place among the ancient cities of Central Asia, such as Balkh, Herat, Merv (Mary), Samarkand, Termez, Nasaf (Karshi), Chach - Shash (Tashkent) and Khorezm (Khiva).

For many centuries, Bukhara retained the role of big trade, crafts and administrative center of the Maverannahr. The main trade route that connected the states of the Middle East to India and China passed through the city. In antiquity, Bukhara was subjected to repeated invasions of conquerors, but the city was reborn from the ashes, and to the period of the early Middle Ages became a cultural and educational center of the ancient Turan. During many centuries it successively served as the capital city of the states of Bukhar-Hudats' (V- VII centuries), Samanids (IX-X centuries), Sheibanids (XVI century), Ashtarkhanids (XII-XVIII centuries), the Bukhara Emirate (XVII - early XIX centuries).

In written sources, the term Bukhara was first mentioned by a Chinese traveler Xuan - Jin (630 AD). The same name, but in Sughd transcription was inscribed on the coins of Varakhran V (412- 439). Relying on information by Juwayni (XII c.), a number of scientists believe that it goes back to Sanskrit "Vikara" - "Buddhist Monastery", at the same time there is another hypothesis, according to which the place-name "Vikara" is a Sogdian word "vihatak" - "happy place."

In Chinese and Arabic written sources there are variations of the city name as Numi, Naulum, Numdzhkat, which also go back to Sogdian term "Namich" - "famous", "the main."

In the Middle Ages the city was famous as "Qubbat ul- Islam" or "Bukhoroi sharif" because of his important contribution to the development of science and education of the Muslim East.

The main source for the history of the city is a treatise by Narshahi Muhammad (Abu Bakr) "History of Bukhara" according which it was founded by the Turkic ruler Shiri - Kishvar 60-80 of the VI century.

In the "Shahnameh" by Firdavsi, the legendary Sayavush (Avestian Siyavarshan), son of King Key Kaus (Kavi - Usa) was named as a builder of Bukhara. The medieval author Abul-Hassan An Nishapuri indicated the fact of construction of a fortress in Bukhara area by Siyavush and the place of his burial at the eastern gate. Many researchers of the XIX century identified Bukhara with Tribaktra city noted by Ptolemy (II century) between the Oxus and Yaxart. Being an independent Bukhara minted own coins with the portrait of the local Governor in tiara and accompanied by a legend on soghdian language.

A significant contribution to the knowledge of the history of the city made by an archaeological expedition led by academician Y. Gulyamov that conducted comprehensive archeological researches

of Bukhari in 1970-1980, during which excavations were conducted in several parts of the old city of Bukhara. Due to dense housing the studies were carried to the risk, next to such architectural monuments as "Zindan", Kalon minaret, Miri Arab, dome of Taki Zargaron and Tim of Abdullah-Khan, in the eastern part of the Arch and the ancient Shakhristan square on the area of 11-13 ha.

As a result, it was found that the cultural stratification reaches from 14 to 20 meters, and Bukhara itself is built on marshland, which confirms the information by Narshahi. Archaeological finds from the various historical periods made it possible to trace the processes of urbanization of the city since its inception to the early XX century. The earlier cultural layers dating from the midst of the I millennium BC were found in pits located in the Arch and Shahrstan areas.

Rich set of artifacts obtained in the course of archaeological excavations served as the main source for study not only the history of the city of Bukhara, but the peculiar urbanization processes in the Zarafshan Valley. At the same time their analysis conclusively proved that Bukhara has a 2500 year old history.

Archaeological and topographical surveys found that in the IX century Bukhara was surrounded by several walls that defended the city itself and the suburban parts. The outer defensive wall had 11 gates.

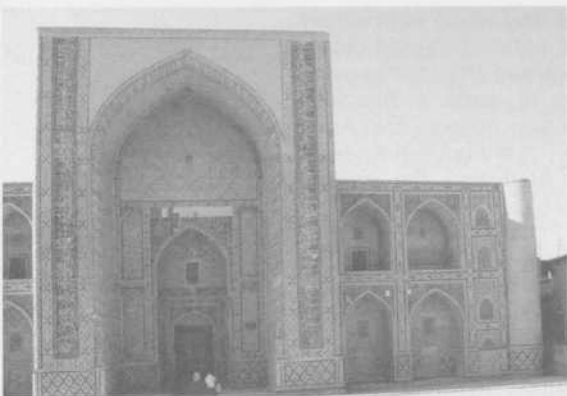
The Muslim calendar relates the first Arab campaigns to Bukhara oasis to 54 AH (674 AD).

The conquest dragged on a century accompanied by discord and destruction, at the end of the IX century brought to Sughd which had not known before confessional unity, a common religion of Islam, defined the foundations of all spheres of society.

For thousands of years the core of the city is the Arch - kuhendiz citadel, surrounded by very high and strong walls. To the east of the Arch there was the city - shahrstan protected also by walls with fortified towers. Suburb (rabad) as well had the wall and divided into inner and outer rabad. At the western foot of the arch there was vast Registan Square surrounded by the government offices for 10 major government departments (divans). Muqaddasi who visited Bukhara at the end of the X century noted that a palace was built there, more majestic of which he had never seen before in the Muslim world. The Registan had also a Musalla - a Holiday mosque. But at Samanids ruling the city's population grew so much that the old Musalla could not accommodate all worshipers, and in 971 a new Musalla - Namazgah was built in a half farsahs (3 - 4 km) from the citadel. More of that another royal palace was built on the banks of Dzhuyi Muliyon canal.

In Bukhara among constructions of the Samanidian era, only Samanids mausoleum - the ancient Central Asian Muslim memorial structure and the earliest building, entirely built of burnt bricks escaped destruction. This monument is considered the pearl of

Ulugbek, being well aware of the importance of the clergy of Bukhara in 1417-1418 erected a majestic madrasah in Bukhara. It was one of the earliest buildings of Ulugbek. Particularly notable is the aphorism, written on its wooden carved door, "The aspiration for knowledge is a duty of every Muslim man and woman".

the Ori-ent architecture - for his virtuoso masonry, monumental and surprising harmony.

At the end of X - early XI centuries Bukhara in the course of the struggle between the Sa-manids and Karahanids repeatedly passed from hand to hand.

Although after fall of the Sa-manids' reign Bukhara lost its former role of the political center, its significance was large

even in XI - XII centuries. Karahanidian ruler Shams al - Mulk, arranged in the outskirts of Bukhara a natural Reserve - Shamsabad with the palace, gardens and pastures, and in the city he built a new building of the cathedral mosque (1069). One of the receivers of Shams al - Mulk Arslan - Muhammad Khan restored the citadel and outer walls of the city, built a new cathedral mosque with a minaret, two large towers, two palaces one of which was later rebuilt into a madrasah and a suburban mosque (Namazgah or Musalla). Of these buildings only the western richly decorated wall of the Namazgah with mihrab and the minaret of the mosque, the world-famous Kalyan Minaret come off unhurt.

This is a monumental tower nearly fifty-meter heights, completely covered with curly bricks, and to this day forms the unmistakable silhouette of Bukhara.

The Mosque Magoki Attari a wonderful portal of which demonstrates the richness and diversity of architectural decoration of that era also concerns to the XII century.

In 1220 the Mongols captured Bukhara; the cathedral mosque was occupied by the Mongols and defiled, and the city was severely looted.

For 40 years, Bukhara remained destroyed, and only at the end of XIII century the city began to revive along with the monumental art. Among reached to us constructions the most famous are two mausoleums erected at the eastern suburbs of Bukhara, in Fatkhabad Township. One of the buildings was built over the tomb of the famous Sheikh of Sufi community Kubraviya - Sayf ad Din Bakharzi died in 1261. And to the west of it there is a small tomb building of one of Genghis - Buyan Kuli Khan who died in 1358.

Both mausoleums had a rich architectural decoration, and the Sheikh's tombstone is the most outstanding example of a wood art decorating.

Amir Timur deeply revered Bukhara as the birthplace of his mother. During his reign, Namazgokh mosque was reconstructed there and the Mausoleum of Chashma-Ayub was built on the site of an ancient and popular cemetery over the imaginary grave of the Prophet Job (in Arabic -

Ayub) in 1383-1384. And the name "Chashma" the mausoleum received due to a spring located inside, which had been emerged according to a legend, after hitting a staff of the biblical prophet. In November 1404 Bukhara was visited by a Spanish Embassy, on the way back from Samarkand the palace of Amir Timur. Gosales Ruy de Clavijo left a brief description of the city with a castle, large buildings and rich of bread, meat, wine and other goods.

The period witnessed the activity in Bukhara the known representative of the Sufi dervish order Nakshbadiya - Baha ad-Din Naqshbandi (d. 1389).

Ulugbek, being well aware of the importance of the clergy of Bukhara in 1417-1418 erected a majestic madrasah in Bukhara. It was one of the earliest buildings of Ulugbek. Particularly notable is the aphorism, written on its wooden carved door, "The aspiration for knowledge is a duty of every Muslim man and woman." In 1432-1433 under his direction another no less majestic madrasah was built in Gizhduvan at the grave of Khodzha Abduhalik Gijduvani, who was a mentor of Baha ad - Din Naqshbandi. During Ulugbek's reign complete reconstruction of the cathedral mosque of Bukhara - Kalon was made.

During the reign of Sheibanid Abdllahan II () the role of Bukhara in social, political and cultural life of the Central Asian region increased significantly.

Construction activity of Abdullah - Khan transformed the city of Bukhara. Built at his period the architectural ensemble Labi-khauz, trade domes, arcades, many madrasahs, mosques, Sarrafon baths, many other buildings and structures have survived to this day.

In the first half of the XIX century Bukhara served as an important center of cotton and silk fabrics which were exported to markets in Russia and other countries, including China. According E.K.Meyendorf: "Since the time of Alexander the Great a Main Road has been determined which is still used by caravans coming from Bukhara and Samarkand via Kashgar and Kokand and passing through Takhti - Suleiman."

In 1740 Nadir Shah of Iran, taking advantage of the feudal fragmentation and betrayal of atalyk Muhammad Hakim, was able to capture Bukhara without a fight and plunder it. Nadir - Shah declared Hakim Muhammad as a ruler of Bukhara. After his death (1743) the power passed into the hands of Amir Muhammad Rahim, the son of Muhammad Hakim (1753-1758), beginning the reign of Mangits' dynasty. From that time until 20-ies of the XX century Bukhara remained the political, administrative and economic center, the capital of the state, which later become known as "amirat."

Numbering two and a half millennia age Bukhara over the centuries was one of the foremost cultural centers of Central Asia. Thus, during the Samanids' reign the outstanding poet Abulhasan Rudaki lived and worked there and medical knowledge and philosophical outlook of the great Abu Ali Ibn Sina were formed here.

The greatness of Bukhara consists in the fact that it was one of the centers of Muslim theology, among the outstanding ones are Imam al - Bukhari (IX century), Sayf ad - Din Bakharzi (XIII century) and Baha ad - Din Naqshband (XIV century).

Марказий Осиё меъморчилигида миноралар

Абдулла ЯХЯЕВ

Миноралар ёки минорасимон иншоотлар Марказий Осиё меъморчилигида мавжуд бўлса-да, Марказий Осиёда аниқланган ва сақланиб қолган бу турдаги иншоотлар, асосан, ислом даврига мансубдир. X асрда араб сайёҳи Мақдисий Хуросон шаҳарлари таърифни келтирганда, "Охур – Деҳистоннинг асосий шаҳри бўлиб, у ердаги минора узокдан кўриниб туради", деб ёзади. 1904 йили Самарқандда В.В.Бартольд томонидан Афросиёбдаги Жомеъ масжиди ўрнида олиб борилган қазилмалар орқали қадимий миноранинг асоси аниқланган. Пойдевор ва унинг яқинидан топилган тангаларга кўра бу минора, чамаси X асрда қурилган.

Жанубий Туркманистон археологик экспедицияси томонидан Қадимий Марвда олиб борилган қазилмалар натижасида X асрда оид минора қолдиқлари топилган. Ўзбекистон ҳудудида XI-XII асрларга оид минораларнинг аксариятининг эса юқори қисмлари ва мезаналари сақланиб қолмаган. Масалан: Жарқўрғон минораси, Қадимги Термиздаги миноралар. Фақат Бухоро ва Вобкент миноралари тўлалигича сақланган бўлиб, Наршахийнинг ёзишича, 918-919 йилдаги Бухоро минорасининг юқори қисми ёғочдан қилинган. Эрон минораларининг илк намуналарида ҳам азон айтиладиган юқори қисмида ёғоч майдончали айвон бўлган. XI асрга келиб, Ўзбекистон ҳудудидаги кўплаб минораларнинг юқори қисмларининг меъморий ечими шу кўринишда шаклланиб бўлган, деган тахминлар мавжуд.

Марвдаги минора конуссимон, Термиздаги минора эса, цилиндрик кўринишга эга бўлган. Минора тузилишида марказий устун ва унинг ташқи девор оралигида юқорига чиқадиغان зинапоялар ишланиши одатий қурилмавий ечимга айланган. Марказий Осиё минораларида ташқи айланма зиналар бўлмаган. Миноралар, асосан, масжиддан алоҳида ёки масжид ҳовлисини ўраб турган девор бурчакларига жойлаштирилган. Илк миноралар хом гишт ва пахсадан ишлангани ҳақида тадқиқотчи В.Л.Воронина маълумот беради. Масжид девори бурчагига жойлаштирилган минора сиртига пишиқ гиштдан қоплама безакли айлана ҳошияли белбоғ қилинган. Қадимий Марв шаҳри яқинида жойлашган миноранинг кўриниши ва меъморий ечимида X аср минораларида қўлланилган қурилиш технологияси ва материалларига кўра, ўша давр миноралари қурилиш услуби ҳақида маълум тасаввурга эга бўлиш мумкин. Тадқиқотчилар фикрича, X-XII асрга тааллуқли Зарафшон дарёсининг юқори оқимидаги айрим қишлоқ масжидларида ҳам хом гиштдан қурилган минора қолдиқлари сақланган (масалан, Тожикистоннинг Айний қишлоғидаги минора).

XI асрга келиб бу турдаги иншоотларнинг аксарият қисми пишиқ гиштдан ишлана бошланди. Шунинг учун уларнинг нодир намуналари ҳозиргача сақланиб қолган. А.М.Прибиткованинг XX аср ўрталарида минораларнинг конструктив хусусиятларига оид тадқиқотларида, Марказий Осиёдаги мавжуд айрим минораларнинг ўлчамлари келтирилган бўлса-да, кейинчалик уларга янада аниқлик киритиш зарурияти туғилди. Масалан, Вобкент минорасининг дастлабки ўлчами ер сатҳидан 38,7 метр баландликда белгиланган бўлса, кейинчалик маданий қатламни тозалаш натижасида баландлиги 40 метрдан ошиқлиги аниқланган. Бухородаги Калон минораси эса ундан ҳам юқори бўлган. Кўҳна Урганчда XIV асрда қурилган миноранинг баландлиги 60 метрга етган.

Урта Осиёнинг зилзила бўладиган ҳудудларида бундай баланд минораларнинг қурилиши тадқиқотчилар орасида катта қизиқиш уйғотди. Ер ости силкинишларида миноранинг пастки қисмига қаттиқ туртки содир бўлиб, ғишларда ёриқлар пайдо бўлади, қоришма эса ўзининг боғловчи хусусиятларини йўқотиб тўкилиб тушади. Юқори қисмидаги ғишт қатламида эса ганч қоришманинг эластиклик хусусияти туфайли силкинишдаги зарба нисбатан кам таъсир этади. Лекин кучли ер силкинишида миноранинг юқори қисми йиқилади. Шунинг учун айрим қадимги минораларнинг юқори қисми ҳозир сақланиб қолмаган. Масалан, Темурийлар даври иншоотларидаги (Бибиҳоним масжиди, Гўри Амир мақбараси, Улуғбек мадрасаси ва бошқалар) минораларнинг икки юқори яруси қулаб тушган.

Урта аср иншоотларида ишлатилган пишиқ ғишлар ўзининг физик-механик хусусиятлари жиҳатидан жуда мустаҳкам бўлган. Минора одатда пишиқ тўғри бурчакли чорси ғиштдан терилса-да, айрим ҳолларда эса лекала (турли айлана, ёй шаклдаги) ғишлар ҳам ишлатилган. 1011 йили Кўҳна Урганчда қурилган минора ғишлари трапеция шаклида, кўп ҳолларда эса ғишт қирралари чопилган ҳолда учрайди. Минораларнинг X-XI асрларга тааллуқли ғишт қатламида нақшинкор белбоғлар шу қурилиш материалнинг ўзидан кесиб, ўйиб ишланган. Минораларнинг меъморий-бадий сифатларини белгиловчи бу ғишлар, асосан, қоплама қатлам ҳисобланиб, нисбатан майда ўлчамли бўлган. Бу ўз навбатида, конуссимон сиртнинг айлана шаклини тўла қоплаш имкониятини берган. Минораларнинг аксарияти ганч қоришмада тикланган бўлса, Қирғизистоннинг Бўрон минораси ичкарасига хом гишт ишлатилгани маълум. Ганч қоришма Марказий Осиё меъморчилигида алоҳида ўрин тутиб, унинг тез қотиб, ғишларни бириктириш хусусияти равоқларни "опалубкаси" қуришга имкон беради. Бу эса қурилмаларнинг меъморий жиҳатдан турли шаклланишига олиб келди. Кўриб чиқилган минораларнинг аксарият қисми

**Ўзбекистон
худудда XI-XII
асрларга оид
минораларнинг
аксариятининг эса
юқори қисмлари ва
межаналари
сақланиб қолмаган.
Масалан: Жаркўргон
минораси, Қадимги
Термиздаги
миноралар. Фақат
Бухоро ва Вобкент
миноралари
тўлалигича
сақланган бўлиб,
Наршахийнинг
ёзишича, 918-919
йилдаги Бухоро
минорасининг
юқори қисми
ёғочдан қилинган.**

юқорига ингичкалашиб боради, фақат Термиздаги минора нисбатан кичик диаметрли бўлгани учун цилиндрсимон кўринишга эга бўлган.

Минораларнинг конуссимон шакли уларнинг статик хусусиятларини кучайтиришга ёрдам берган. Шунингдек, ташқи девор қалинлиги ички томондан зинасимон қилиб кичрайиб бориб, оғирлик маркази эса пастки қисмида шаклланган. Конуссимонлик айлана деворнинг ташқариси юқалаштирилиб ички томонидан баландлиги бўйича икки-уч зинасимон кичрайтирилган. Миноранинг марказий ўзаги ҳам пастдан юқорига ингичка қилинса, баъзиларида қалинлиги баландлик бўйича бир диаметрда қилинганлари ҳам учрайди. Фиштин пиллапоялар зинасимон равоқчалар устига минора ўзаги ва девор оралиғига ўрнатилган, шунингдек, спиралсимон йўналишда гишт қаторида зиналар ҳам ишланиб, зинапоянинг қурилмаси минора ўзагини девор билан ўзаро боғлаб турган. Бундан ташқари, радиал йўналишида арча дарактидан қилинган ходалар билан боғланган. Масалан, Работи Малик минорасида бундай ходалар уч қаторда, шунингдек, Бухородаги Калон минораси муқарнаси тагида ҳам мавжудлиги уни тушиб кетишдан сақлаган. Минораларнинг айлана шаклли кўриниши шамол кучини кесган. Баланд қалъа иншоотларидаги кузатув-сигнал минораларининг айлана кўриниши кейинчалик миноралар шаклланишига, уларнинг қурилмавий тизими таъсир қилган. Минораларнинг тик, оғишмай туришида пойдеворнинг чуқурлиги ва шакли ҳам муҳим аҳамиятга эга бўлган. Улуғбек мадрасаси минорасида олиб борилган тадқиқотлар натижасида пойдевори 8 метр чуқурликда, минора-буржнинг баландлиги эса 36 метрни ташкил этганлиги аниқланди.

Кўпчилик минораларнинг юқори қисми сақланмаганлиги сабабли уларнинг баландлиги билан диаметри орасидаги нисбатни аниқлаш қийинчилик туғдиради. Фақат, Вобкент ва Бухородаги минораларни ҳисобга олганда, 1:5, 1:6 нисбат чегарасида аниқлаш мумкин. XI-XII асрда кенг тарқалган бу турдаги қурилмалар, кейинчалик Хоразм, Андижон ва Тошкент яқинидаги Зангиота миноралари XIX-XX аср бошларида нисбатан баланд қилиб қурилган. Фарғона водийси шаҳарларида алоҳида турадиган миноралар унча баланд бўлмаса-да, ҳар бир йирик масжид яқинида қурилган. Уларнинг тузилмаси, ўлчамлари турлича бўлиб, бирон-бир меъморий нисбат асосидаги умумий қонуниятга бўйсунмаган.

Фойдаланилган адабиётлар:

1. М.Е. Массон. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах. Т.1933.
2. Л.Воронин. Сооружения башенного типа в архитектуре Востока и их генезис.
3. Додо Нозилов. Минора рамзи (Одатлар, қоидалар ва рамзий ифодалар). Т.: Санъат, 2006.
4. В.Л.Воронина. Сырцовые минареты верховьев Зарафшона. Труды АН Таджикской ССР. т. СХХ. 1960.

Минареты в зодчестве Центральной Азии

Абдулла ЯХЯЕВ

Минареты и башенные сооружения – неотъемлемая часть зодчества Центральной Азии, выявленные и сохранившиеся на этой территории сооружения такого типа относятся, в основном, к исламскому периоду. Арабский путешественник X века Макдиси, характеризуя города Хорасана, писал: “Охур – главный город Дехистана, его минарет виден издалека”. Во время проводившихся в Самарканде в 1904 году раскопок на месте большой мечети в Афрасиабе, В.В. Бартольд обнаружена основа древнего минарета. По этой основе и найденным вблизи нее монетам можно предположить, что минарет построен приблизительно в X веке.

В ходе раскопок в Древнем Мерве, проводившихся археологической экспедицией Южного Туркменистана, обнаружены развалины минарета X века. У размещенных на территории Узбекистана большинства минаретов XI-XII веков не сохранились верхние части и башенки. Например, это минарет Джаркурган, минареты в древнем Хорезме. Полностью сохранились только минареты в Бухаре и Вобкенте, Наршахи писал, что верхнюю часть минаретов Бухары, возводившихся в 918-919 годах, строили из древесины. В верхней части первых минаретов Ирана, с которых читался азан, были деревянные площадки. Есть предположения о том, что в XI веке в архитектурном решении верхних частей многих минаретов Узбекистана были именно такие формы.

В Мерве минарет имел конусообразную, а в Термезе цилиндрическую форму. В структуре минаретов ступени, ведущие вверх между центральной колонной и внешними стенами, выполнялись в общепринятом строительном решении. В минаретах Центральной Азии не было внешних винтовых лестниц. Минареты возводились, в основном, или отдельно от мечети, или по углам стен, окружавших двор мечети. Исследователь В.Л.Воронина писала, что первые мечети строились из кирпича-сырца и пахсы. На внешней стороне размещавшегося во дворе мечети минарета из жженого кирпича делали круговой пояс с узорами. По внешнему виду и архитектурному решению минарета у древнего города Мерве с учетом технологии строительства и применявшихся материалов в X веке можно сделать определенные заключения о методе строительства минаретов той эпохи. По мнению исследователей, в мечетях X-XII веков в отдельных кишлаках в верхнем течении реки Зерафшан сохранились развалины минаретов из кирпича-сырца (например, минарет в кишлаке Айни в Таджикистане).

К XI веку большинство сооружений такого типа стали возводить из жженого кирпича. Поэтому некоторые из них сохранились до наших дней. В исследованиях А.М.Прибытковой о

конструктивных особенностях минаретов середины XX века приводятся параметры некоторых минаретов Центральной Азии, но в дальнейшем возникла необходимость внесения уточнений в эти данные. Например, первоначально высота минарета в Вабкенте была определена как 38,7 метра над уровнем земли, впоследствии в результате очистки культурного слоя было установлено, что его высота превышала 40 метров. Выше этого памятника был минарет Калон в Бухаре. Высота построенного в XIV в. в древнем Ургенче минарета достигала 60 метров.

Возведение таких высоких минаретов на сейсмически опасных территориях Средней Азии вызвало большой интерес среди исследователей. Подземные толчки сильно воздействуют на нижнюю часть минаретов, в кирпичах появляются трещины, использованные растворы утрачивают свои связующие особенности и осыпаются. На кирпичном слое в верхней части ганчевые растворы благодаря своим эластичным особенностям относительно меньше подвергаются воздействию толчков землетрясения. Но при сильных землетрясениях верхняя часть минаретов разваливается. Именно поэтому у отдельных древних минаретов не сохранились верхние части. Например, в сооружениях эпохи тимуридов не сохранились два верхних яруса (мечеть Бибиханум, мавзолей Гур-Эмир, медресе Улугбека и другие).

Жженный кирпич, использовавшийся в средневековых сооружениях, по своим физико-механическим особенностям был очень прочным. Как правило, минарет возводился из квадратного кирпича с прямыми углами, но иногда использовали кирпичи-лекала кольцеобразной и лукообразной формы. В 1011 году в древнем Ургенче были минареты, в которых кирпичи клали в форме трапеции, а в большинстве случаев использовали кирпичи с усеченными гранями. В кирпичных слоях минаретов X-XI веков узорчатые пояса вырезались из этого же материала. Такие кирпичи, определявшие архитектурно-художественное решение минаретов, служили облицовкой и были меньших размеров. Это, в свою очередь, позволяло полностью облицовывать круговую форму конусообразной поверхности. Большинство минаретов возводились при помощи ганчевых смесей, но известно, что во внутренней части минарета Буран в Кыргызстане использовался кирпич-сырец. Ганчевая смесь занимала особое место в зодчестве Центральной Азии, быстрое твердение и особенность закрепления кирпичей позволяли поднимать сооружение без опалубки. Это привело к различным архитектурным формам сооружений. Большая часть изученных минаретов кверху суживается, только минарет в Термезе из-за относительно маленького диаметра имеет цилиндрическую форму.

Конусообразная форма минаретов способствовала усилению их статических особенностей. Толщина внешней стены с внутренней стороны суживалась в форме ступеней, и центр тяжести концентрировался в нижней части. Внешняя часть конусообразной круговой стены

утощалась с внутренней стороны и кверху суживалась на две-три ступени. Центральная колонна тоже суживалась снизу вверх, а некоторые минареты до верха возведены в одном диаметре. Кирпичные ступени выкладывались на лестничных портиках между основанием и стенами минарета, ступени выкладывались в спиралеобразной форме и служили связующим звеном между основой и стенами минарета. Кроме того, в радиальном направлении связывались балками из арчевой древесины. Например, в минарете Рабат-и Малик такие балки выложены в три ряда, в минарете Калян (Бухара) наличие таких балок под капителью сохраняло минарет от падения. Круговая форма минаретов препятствовала силе ветра. Круговые формы высоких наблюдательно-сигнальных минаретов на крепостных сооружениях впоследствии оказали влияние на форму минаретов, систему их строительства. В сохранении вертикального положения минаретов большую роль играли глубина и форма фундамента. В результате исследования минарета в медресе Улугбека было установлено, что глубина основы составляла 8 метров, высота минарета-башни – 36 метров.

Из-за того, что верхние части многих минаретов не сохранились, довольно сложно определить соотношение их высоты и диаметра. Если учитывать данные по минаретам Вабкента и Бухары, можно определить соотношение в рамках 1:5, 1:6. Такие сооружения, широко распространенные в XI-XII веках, но уже более высокие были построены в XIX-XX веках в Хорезме, Андижане и Зангиате (вблизи Ташкента). В городах Ферганской долины отдельные минареты, не очень высокие, построены у каждой большой мечети. Их формы и параметры разнообразны и не соответствуют общим правилам зодчества.

Minarets in central Asia architecture

By Abdullah YAKHYAEV

Minarets and tower structures that were preserved and revealed on this territory being an integral part of the architecture of Central Asia mainly belong to the Islamic period. Arab traveler of the tenth century Maqdisi, describing cities of Horasan wrote: "Ohur is the main town of Dehistan; its minaret is visible from afar." During excavations in the site of the Grand Mosque of Afrasiab in Samarkand in 1904, V.V.Bartold discovered foundation of an ancient minaret. With the help of the foundation and coins found near it we can assume that the minaret was built approximately in the tenth century.

В сохранении вертикального положения минаретов большую роль играли глубина и форма фундамента. В результате исследования минарета в медресе Улугбека было установлено, что глубина основы составляла 8 м, высота минарета-башни – 36 метров.

Depth and shape of the foundation played a grate role in maintaining of vertical position of minarets. Studies of the minaret in Ulugbek madrasah determined that the depth of its foundations was 8 meters, the height of the minaret tower was 36 meters.

During excavations in the ancient Merv, an archaeological expedition of the Southern Turkmenistan discovered ruins of a minaret of the tenth century. Tops and turrets of majority of minarets of the XI-XII centuries located on the territory of Uzbekistan are not preserved. For example: Zharkurgan minaret and minarets of the ancient Khorezm. Only minarets in Bukhara and Vabkent are fully preserved. Narshahi wrote that tops of Bukhara minarets which were erected in 918-919 were built of wood. Top of the first Iranian minarets had wooden platforms which were used for azan reading. There is an assumption that in the XI century upper parts of many minarets of Uzbekistan had the same form.

The minaret in Merv had a conical and the Termez one cylindrical shape. In the structure of the minarets steps leading upward between the central column and exterior walls were made according to the construction decision. Central Asian minarets had no external spiral staircases. The minarets were built, mostly separately from a mosque, or in the corners of walls surrounding the mosque's courtyard. A researcher V.L.Voronina wrote that the first mosques were built of mud bricks and pahsa. On the outside of minarets which were built in the courtyard of the mosque there were circular belt patterns from burnt bricks. Through appearance and architectural design of the minaret in the ancient city of Merv taking into consideration construction technology and materials used in the tenth century, we can draw definite conclusion about minaret construction methods of that period. According to researchers, in the mosques of X-XII centuries located in some villages in the upper reaches of the Zarafshan River, there are ruins of minarets built of mud-brick (for example, the minaret in Ayni village of Tajikistan).

By XI century, most buildings of this type began to be built of burnt bricks. Therefore, some of them have been preserved to the present day. In A.M.Pribytkova's studies on constructional features of minarets in the middle of the XX century there are some parameters of Central Asian minarets, but later it became necessary to give more precise definitions to the data. For example, the original height of Vabkent Minaret was defined as 38.7 meters above the ground, then by purification of the cultural layer it was found that its height was more than 40 meters. Kalon minaret in Bukhara was higher than the monument. The height of the ancient Urgench minaret built in XIV century was 60 meters.

Construction of such high minarets on seismically dangerous areas of Central Asia has caused great interest among researchers. Earth tremors strongly influence on the bottom of minarets, cracks appear in bricks, and solutions lose their viscosity and crumble.

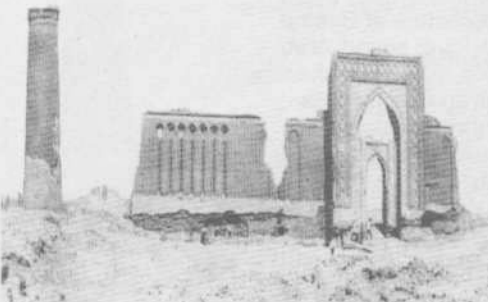
The brick layer of the upper part due to elastic characteristics of ganch solution is relatively less exposed to shocks of the earthquake. But during strong earthquakes top of the minaret falls apart. That's why tops of some ancient minarets are not preserved. For example, in the structures of Timurids' era two upper tiers are not kept (Bibi

Khanum Mosque, Gur –Emir Mausoleum, Ulugbek madrasah and others).

Burnt bricks used in medieval buildings due to their physical and mechanical characteristics were very strong. As a rule, a minaret was built of square bricks with right angles, but sometimes they used ring or bulbous shaped template bricks. In 1011 in the ancient Urgench there were minarets where trapezoid shaped bricks were laid, and in the most cases they used the bricks with truncated edges. In the brick layers of the minarets of X-XI centuries patterned belts were cut out from the same material. These bricks that defined architectural and artistic design of minarets were facing and smaller. This, in turn, allowed to fully coat circular form of a cone-shaped surface. Most of the minarets were built with stucco solution, but we know that in the inner part of Buron minaret in Kyrgyzstan they used adobe brick. Stucco solution had a special place in the architecture of Central Asia, rapid hardening and fixing bricks feature allowed to raise construction without formwork. This led to various forms of architectural structures. Most of the studied minarets are tapered towards the top, only the minaret in Termez, due to relatively small diameter has a cylindrical form.

The conical shape of minarets helped to strengthen their static characteristics. The thickness of the outer wall got narrow on the inner side through the form of the steps, and the center of gravity was concentrated in the lower part. The outer part of the cone-shaped circular wall became thinner on the inside and narrowed to the top after each two or three steps. The central column also tapered from the bottom up, and some minarets were built with the same diameter up to the top. Brick steps were laid on the porticoes of staircase between the base and walls of the minaret; the steps were laid in a spiral form, and served as a link between the base and walls of the minaret. Furthermore, they were connected with in the radial direction. For example, in Rabat-i Malik minaret such beams were laid out in three rows, in Kalyan Minaret (Bukhara) such beams under caps kept the minaret from falling. The circular shape of minarets prevent from the power of wind. Circular forms of high observation-signal minarets on fortifications subsequently had an impact on the shape of other minarets and the system of their construction. Depth and shape of the foundation played a grate role in maintaining of vertical position of minarets. Studies of the minaret in Ulugbek madrasah determined that the depth of its foundations was 8 meters, the height of the minaret tower was 36 meters.

Due to the fact that the upper parts of many minarets are not preserved, it is difficult to determine the ratio of their height and diameter. If we consider the data on Babkent and Bukhara minarets, we can determine the ratio within 1:5 1:6. The same constructions which were widespread in the XI- XII centuries but some higher were built in the nineteenth and twentieth centuries in Khorezm, Andijan and Zangiata (near Tashkent). In the cities of the Ferghana Valley individual small minarets were built in every major mosque. Their shapes and parameters are varied and do not conform to the general rules of architecture.

Нуротадаги Чилустун масжиди

Хайриддин БЕРДИЕВ

Оқтоғ тизмасининг Бахилтов этакларида жойлашган қадимги Нур шаҳристонидаги тадқиқотлардан аён бўладики, бу ерда ибодатхоналар, масжид ва мадрасалар мўғуллар истилоси натижасида бир неча маротаба бузилиб, яна қайта тикланган.

Х асрда яшаган Наршахий "Бухоро тарихи" китобида: "Нур катта жой. Унда масжиди жоме бор; у кўпгина рабодларга эга. Бухоро аҳолиси бу ишда кўп муболага қиладилар; Нур зиёратига борган киши ҳаж қилган (кишининг) фазилатига эга бўлади; у зиёратдан қайтиб келганида табаррук жойдан келганлиги сабабли шаҳарни ҳавозабанд қилиб безатадилар. Бу Нурни бошқа вилоятларда "Нури Бухоро" деб атайдилар. Тобеинлардан кўп кишилар у ерга дафн этилган, Худо уларнинг ҳаммаларидан то қиёматгача рози бўлсин!" деб ёзган.

XV-XIX асрларда исломий анъаналарнинг кенг ёйилишига замин яратган Нурота шаҳристони тарихини ўрганишда В.В. Бартольд, Я.Х. Ғуломов, В.Шишкин, Х. Муҳаммедов, Л.Ю. Маньковская, В.А.Нильсен, О.М. Ростовцев каби олимларнинг хизматлари катта бўлган. Нурота шаҳри маҳаллий архивида сақланаётган манбалар Чилустун жоме масжиди қурилиши ва ундаги эпиграфик битиклар ҳақидаги илмий мулоҳазаларнинг асосли бўлишини таъминлайди. Тошкент шаҳридаги "Маданий мерос объектларини муҳофаза қилиш, улардан фойдаланиш ва илмий ишлаб чиқариш" архивида сақланаётган манбаларда кўрсатилишича, масжид қурилишида гулганж услуги қўлланилган, шунингдек, қадим Нур шаҳри, Пироста девори, Чилустун жоме масжиди, Чашма мажмуасига доир фотосуратлар ҳамда турли ҳажмдаги араб ёзувли мрамартош лавҳлар бор.

Чилустун масжиди Чашма булогининг шимолӣ қисмида жойлашган бўлиб, икки марта қайта қурилган, бир неча бор таъмирланган. XV асрда Чилустун масжиди ёнида кичкина хонақоҳ бунёд қилинган ва у масжид вазифасини ўтаган. Табиий иқлим таъсирида бинога зиён етган. Таъмирталаб хонақоҳ бузилиб, унинг ўрнида 40 устунли, айвонли масжид қурилган ва у Чилустун деб атала бошлаган. Д.Нозиловнинг маълумотича, Чилустун жоме масжидининг ёғочдан икки равоқли қилиб ясалган кириш эшигининг ҳар бир равоғи 239×198 см ўлчамда бўлган. 1975 йилларга қадар Чилустун жоме масжидида ҳам минора бўлган, аммо у кейинчалик қулаб тушган.

Чилустун жоме масжидининг кираверишидаги равоқ тепасида айлантириб ҳандасавий шаклда нақшланган 16 қисмли мрамар лавҳдаги форс тилида настаълиқ хатидаги битикда масжиднинг қурилиши ва таъмирланишига оид қимматли маълумотлар мавжуд:

1.Амир ал-мўминин Саййид Мир Олимни кўргинким 2. Подшолик тахтада узукнинг дурдона кўзига ўхшайди 3. Адл этмоқ учун Бухоро шаҳрига келди 4. Унинг муборак қадамидан у ер жаннатга айланди 5. Масжид ва минбар(лар) унинг номидан янги чиройга эга бўлди. 6. Халойиқ сано ва фаришталар офарин ўқидилар 7. "Нур" тоғида одилликдан насиба берди 8. Саййид (Олимхон) томонидан ёқимли хонақоҳ қурилганда 9. "Чашм асор" мозорида барча халойиқ дуо айтдилар, 10. Абул Ҳасаннинг руҳи унинг (пайғамбар) руҳига энг яхши ёрдамчи бўлсин! 11. Мир Йўлдош Бий замона шоҳининг буйруғи билан ҳоким эди. 12. Ҳар дам дуо қилади шояд ижобат бўлса деб 13. Эй (*) унинг таърихи учун ақл нидо қилдиким, 14. Хожа томонидан бу жой энг яхши жой бўлди деб.

Ушбу битикдан сўнг, қолган икки тош лавҳда Пайғамбар(с.а.в.)имизнинг қуйидаги ҳадиси ва бинонинг қурилган йили ёзилган:

Пайғамбар – унга салом бўлсин! – айтди: дунё бир соатдир, уни тоатга айлантиргин (яъни ибодат билан ўтказгин)! 1331.

Ушбу байтдан маълум бўлишича, "хонақоҳ" деб аталмиш бу бино ҳижрий 1331 йил, милодий 1908 йили Амир Олимхон буйруғи билан Нурота ҳокими Амир Йўлдошбой томонидан қурилган. Чилустун жоме масжидининг қурилиши ва таъмирланиши эса, тахминан 1908-1914 йилларга тўғри келади.

2010-2012 йилларда Нурота шаҳри ва Чашма мажмуасида улкан бунёдкорлик ишлари амалга оширилиб, ободонлаштирилди.

Фойдаланилган адабиётлар:

1. Я.Г.Гулямов. Нур Бухарский. //Этнография и археология Средней Азии. – Ташкент: 1979.
2. О.М.Ростовцев. Нурата: исследование крепости Нур. 1981.
3. Д.Нозилов. Горные селения Нураты в Узбекистане X-начала XX вв.//Архитектурное наследие.1999. №43.

Чилустун жоме масжидининг кираверишидаги равоқ тепасида айлантириб ҳандасавий шаклда нақшланган 16 қисмли мрамар лавҳдаги форс тилида настаълиқ хатидаги битикда масжиднинг қурилиши ва таъмирланишига оид қимматли маълумотлар мавжуд.

Мечеть Чилустун в Нурате

Хайриддин БЕРДИЕВ

На портале мечети Чилустун есть мраморные плиты, на которых в кольцеобразной форме геометрическим орнаментом выведены 16-частевые надписи на персидском языке, выполненные письмом наста'лик о строительстве и реконструкции мечети.

Исследования древнего городища Нур, расположенного в предгорьях Бахилтов горной системы Актаг, свидетельствуют о том, что молельни, мечети и медресе городища неоднократно разорялись в период монгольского ига и вновь восстанавливались.

Наршахи (X в.) в своей «Истории Бухары» писал: «Нур – обширная местность. В ней есть большая мечеть. Человек, посетивший местность Нур, приравнивается к человеку, совершившему хадж. В честь возвратившегося с поклонения святого места человека город красочно украшали. В других областях местность Нур называют «Нур-и Бухоро». Многие из последователей сподвижников пророка Мухаммада похоронены здесь, да благословит Аллах их души!»

В изучение истории городища Нур, который был центром распространения исламских традиций в XV-XIX веках, большой вклад внесли ученые В.В. Бартольд, Я.Х. Гулямов, В. Шишкин, Х. Мухаммедов, Л.Ю. Маньковская, В.А. Нильсен, О.М. Ростовцев. Источники, хранящиеся в местном архиве города Нурата, обеспечивают обоснованность научных предположений о строительстве большой мечети Чилустун и ее эпиграфики. Из источников, хранящихся в архиве «Защиты, использования и научной разработки объектов культурного наследия города Ташкента», очевидно, что при строительстве мечети применялся метод гулганж, также, там хранятся фотографии города Нур, стены Пироста, большой мечети Чилустун, комплекса Чашма и фрагменты различных размеров мраморных плит с арабскими надписями.

Мечеть Чилустун размещалась в северной части родника Чашма, дважды перестраивалась и несколько раз реконструировалась. В XV веке рядом с мечетью Чилустун была возведена маленькая молельня, выполнявшая роль мечети. Природные климатические условия негативно отразились на здании. Пришедшая в негодность молельня была снесена и на

ее месте была построена мечеть с террасой и 40 колоннами, получившая название Чилустун. По сведениям Д. Назилова, две входные двери мечети были выполнены из древесины с двумя сводами, размер каждой составлял 239x198 см. До 1975 года сохранялся минарет мечети Чилустун, но впоследствии он разрушился. На портале мечети Чилустун есть мраморные плиты, на которых в кольцеобразной форме геометрическим орнаментом выведе-

дены 16-частевые надписи на персидском языке, выполненные письмом наста'лик о строительстве и реконструкции мечети:

1. Посмотри на Амир ал-му'минин Саййида Мир Алима 2. На троне падишаха подобен драгоценному камню в оправе 3. Ради справедливости прибыл в город Бухару 4. Благодаря его священной поступи эта земля стала подобна раю 5. Мечети и трибуны от его имени приобрели новый облик 6. Народ и ангелы восславили 7. На горе "Нур" получили справедливость 8. Саййидом (Алимханом) построена красивая молельня 9. На могиле "Чашма асор" народ прочитал молитвы 10. Пусть дух Абу-л-Хасана будет лучшей поддержкой его (пророка) духа! 11. Мир Йулдаш Бий правил по велению правителя времени. 12. Постоянно молится во имя добра 13. Эй, (*) разум увековечил его историю 14. Благодаря Ходже эта местность стала лучшим местом.

После этих надписей на двух каменных плитах выведен следующий хадис Пророка и год строительства сооружения:

Пророк – приветствуем его! – сказал: жизнь не вечна, проводи ее в молитвах! 1331.

Из содержания этих надписей становится ясно, что это сооружение, называемое "ханаках", было построено Амиром Юлдашбаем в 1331 г.х., 1908 г. н.э. во время правления Амира Алим-хана. Строительство и реконструкция мечети Чилустун проводилась примерно в 1908 - 1914 годах.

В 2010-2012 гг. в городе Нурата и комплексе Чашма была проведена масштабная работа по строительству и благоустройству.

Chilustun mosque in Nurata

By Khayriddin BERDIEV

Studies of the ancient city Nur which is located in the foothills of Bahilt mountain system of Aktag indicate that the chapels of the mosque and madrasah more than once ruined during the Mongol yoke and they were restored again.

Narshakhi (X century) wrote in his "History of Bukhara": "Nur is a vast area. It has a large mosque. The man who visited the Nur area equates with a person who made a Hajj. Coming back from the worship a man adorns the city. In other areas Nur

area known as "Nuri Bukhoro". Many of subjects are buried here, may Allah bless their souls!"

Such scientists as V.V.Bartold, Y.H.Gulyamov, V.Shishkin,

H. Mukhammedov, L.Y.Mankovskaya, V.A.Nilsen, O.M.Rostovtsev have made great contributions in the study of the history of the Nur fort, which was the center of the spread of Islamic traditions in the XV-XIX centuries. The sources that are stored in the archives of the local Nurata city provide scientific validity of assumptions about the construction of a large Chilustun mosque and its epigraphy.

From the sources that are stored in "Protection, use and scientific development of the cultural heritage" archives of Tashkent it is clear that the construction of the mosque used the gulganzh method; also the pictures of Nur, pirosta walls, a large Chilustun mosque, Chashma complex and fragments of various sizes of marble slabs with Arabic inscriptions were stored there.

Chilustun mosque was located in the northern part of the Chashma spring; it was rebuilt twice and reconstructed several times. In the XV century, next to the Chilustun mosque small chapel performing the role of the mosque was built. Natural climatic conditions had a negative impact on the building. Unusable chapel was demolished and a mosque with a terrace and 40 columns, called Chilustun was built in its place. According to D.Nazilov two doors of the mosque were made of wood with two sets, the size of each was 239x198 cm. Minaret of Chilustun mosque remained until 1975, but later it collapsed. On the portal of Chilustun mosque there were marble tiles on which a ring-shaped handasavi letter derived 16-piece line, containing valuable inscriptions about the construction and reconstruction of the mosque.

The inscriptions in Persian executed in nasta'lik letter.

M.Rakhimdzhanov reads as follows:

1. Amir al-mu'minin saw Sayyid Mir Alim 2. On the throne the sultan is like a jewel in a frame 3. He arrived in Bukhara to be fair 4. Thanks to his gait, this land has become like a paradise 5. Mosques and stands on his behalf have acquired a new look 6. The people and the angels praised 7. On "Nur" mountain they received justice 8. A beautiful chapel was built by Sayyid (Alimkhan) 9. People read prayers at the grave "Chashma asor" 10. Let the spirit of Abu al-khasan will be the best support for his (the Prophet) spirit! 11. Mir Yuldash Biy rules at the behest of the ruler of the time. 12. Constantly pray in the name of good 13. Hey (*) the intellect has immortalized his history 14. This area has become a better place thanking to Khoja.

On two stone tablets launched the following Hadis of the Prophet after these inscriptions and the year of construction of building:

The Prophet - welcome him! - Said, life is not eternal; you should spend it in your prayers! 1331.

From the content of these inscriptions it is clear that this construction called "khanakah" was built by Amir Yuldashbaev in 1331 of Higira, 1908 AD in the reign of Amir Alimkhan.

Extensive work on the construction and landscaping was carried out in 2010-2012 in Nurata and Chashma complex.

Афғонистон кундалигидан

Галина ПУГАЧЕНКОВА

14.VI/67

Бугун мен Қобулга учиб келдим. Афғонистонда даставвал бўлганимдан буён ҳашпаш дегунча саккиз йил ўтибди. Ажнабий назарида бу мамлакатда кўп нарса ўзгарганимикан?

Ҳаммаси ўшандагидай – Ҳиндикушнинг қудратли тизмалари ақл бовар қилмас даражада гўзал таассурот пайдо қилади. Ҳатто етти минг метр баландликда учиб бораётган "пўлат лочин"имизда ҳам у ғоят улугвор кўринади – бамисоли Доре гравюраларидаги илоҳнинг кароматидай. Қобул шаҳрини кулранг ғубор қамраб олган; аэропортда эса тоғолди гиёҳларининг тахирроқ ҳиди анқийди.

Афғонлар учрашганда қадимги русларга ўхшаб қучоқлашиб, уч мартадан ўпишиб кўришар экан. Башанг кийинган бир ёш йигит эса биз билан бирга келган кекса кишининг қўлидан ўпди.

Қобулдаги катта кўчаларда янги уйлар кўп. Уларни, асосан, ГФР дан келган немислар қуришган экан. Ашёларга гап йўқ – сифатли, уларда фактура ва ранг ўйноқилиги кўринади, композициялар меъёрида ассиметрик – эшик ўринлари ва юзалар ойнаванд. Умуман – немисчасига ҳаммаси батариб – бетакаллуф. Бу қиёфасиз-космополитик меъморий андаза бўлиб, бутун дунёни қамраб олган, аммо тараққиёт мантиқи бўйича ҳозирда ундан ҳамма жойда фойдаланиш мумкин.

Худди олдинги галгидек биз "Қобул" отелига жойлашдик. Биз деганим – бу душанбелик икки кутубхона арбоблари П.Д. Байданов ва Н.Н.Назаров, шунингдек, мен. Улар қўлғезмаҳонада ишлаш учун Қобулда қолишади, мени эса, гарчи, тинкани қуритса-да, олдинда узок, серзавқ йўл кутиб турибди (Афғонистон ёзи билан ҳазиллашиб бўлмайди!). Ҳирот, Балх, Қандаҳор ёдгорликларини кўриш нақадар мароқли, ахир уларни шунчаки томоша қилиш, фотоаппаратни чиқиллатиб сувратга олиш ва одатда туристик гуруҳларда бўлгани каби тезроқ отелга қайтиш эмас, балки ҳаммасини бажонидил кўриб чиқиш, улар

устиди хаёлга толиш, ён дафтарга қайд этиш, тархларини тушириш завқлидир. О, булар учун ёз жазирасига ҳам чидаса бўлади!

Гуруҳимизга Сиддиқ Кўхистоний ҳам бириктирилган – у русчани билади, Ленин (собик) номидаги кутубхонада ишлаган (малака оширган). Жиккаккина бу тоғликнинг ёшини билиб бўлмайди.

Сергей Егоревич Павлишев – элчихонанинг маданият бўйича маслаҳатчиси. Эртанги кунга маданият вазири Бенаво музей директори ("қадимги тарихлар директори" ҳам ўзи) Мутамидий билан қатор расмий учрашувларни ташкиллаштирган. Умид қиламанки, эртагаёқ бундан кейинги ҳаракат дастурини аниқлаб беришади – Қобулда ушланиб қолишни истамасдим, бу ерда мен учун ягона қизиқарли нарса Қобул музейи коллекцияси ва кутубхонанинг қўлёмалар бўлимидаги миниатюралар эди, холос.

Сиддиқ билан сайримиз дастлабки таасуротларимни тасдиқлади: чет эл фирмаларининг ёрқин ёрликлари – гўзалларнинг тасвирлари билан тўлдирилган замонавий уйлар ва дўкончалар деворлари ортида чалдеворлар бўлиб, у ердан чирик нарсаларнинг ҳиди анқиб туради, бу жойда турмуш мароқсиз, зерикарлиликдан дарак беради. Барибир ҳам давр бир неча ўн йилликлар олдин хаёлга келтириб бўлмайдиган янгиликни юзага келтиради, ўшанда гўзал ва оқила Лариса Рейснер Раскольниковга буюк орзулар ва улуг жасоратлар мамлакати билан қашшоқ, аммо мустақиллигидан фахрланувчи феодал мамлакати ўртасида яхши қўшничилик муносабатлари ўрнатишда ёрдам берган эди. Кўчаларда паранжи ташлаган аёллар кўпайиб қолганди (ҳолбуки узун, ҳалпираган кулранг чодрадаги "кўршапалак"лар ҳали кўпчиликни ташкил этарди). Саноат ривожланяпти. Мамлакат ўз меъморий ёдгорликларининг сақлаб қолиниши ва қайта тикланишидан ташвишманд. Буларнинг бари яхши ўзгаришлар аломати эди.

Жазирама бирмунча пасайгач, Сиддиқ бизни сайрга таклиф этди – дастлаб Боғи Баланд саройи ва боғига бошлаб борди. Машина янги Қарти Парвон тураржой мавзесини кесиб ўтди – бу коттеж типдаги бир ва икки қаватли уйлар қуриб ташланган тик тоғлик томон чўзилиб кетган

жуда катта туман эди (1959 йилда бу ер ҳувиллаб ётганди). Боғи Баланд илгари қандай бўлса ўшандай туради, лекин олдинги сафар октябрда келганимизда у бутунлай қор билан қопланганди, энди эса кўм-кўк узумзорлар, майсазор ва довдарахлар оғушида, наъматаклар барқ уриб ўсиб ётибди, гули нардастанинг бутуқлари оппоқ гуллар орасидан кўринмасди, улардан асал ва болаликнинг тотли ҳидлари анқирди. Қайтаётганимизда Омонуллахоннинг собик саройи Дор ул-Омон ёнидаги боғдан ўтдик. Ҳар иккала боғда ҳам халқ сайр қилиб юргани мени шодлантирди. Бироқ бу ҳукмдорларнинг халқпарварлигидан кўра кўпроқ Темурий аънааларининг самараси бўлса керак, ахир, Самарқанддаги Амир Темур боғлари эшиклари йўқлигида ҳам ҳамма учун кенг очиб қўйиларди-да. Сайр қилгани келган ҳар бир одам ёки кўплаб бола-чақалари билан майсазорларда яйраб жойлашиб олган бутун-бутун оилалар ҳеч нарсани узмаётганини, чиқинди ташламаётганини, ифлос қилмаётганини кўриб, суюниб кетдим, афсуски, бизда унақа эмас. Масталастлар умуман йўқ.

Дор ул-Омон саройида ҳозир Темир йўллар вазирилик жойлашган. Бу баланд тепалик устида қурилган П-симон режадаги катта уч қаватли иморат. Жуда оғир ва залворли вена ампири (қизиқ, уни ким қурди экан – австрияликми ёки немисми?) бу Осиё мамлакатига ярашмаган ямоқдай бўлиб турибди.

15.VI/67

Вазир Абдул Рауф Бенаво бизни қабул қила олмади – у бу лавозимда ишлаётганига атиги икки кун бўлиб, турли табрикларни қабул қилиш билан банд экан. Бизни Муҳаммад Иброҳим Шарафий – Маданият вазириликнинг чет эллар билан алоқалар бўлими мудири қабул қилди. Вазирлик қилиб беш қаватли бинода жойлашган; ҳар бир қаватда турли амалдорларнинг хоналари саф тортган.

Суҳбат узоқ чўзилмади, жаноб Шарафий гапирди, у ўзини ўзи тинглашни афзал биларкан. Аммо лутфда у тенгсиз эди; ЮНЕСКО қошидаги сессияда Ғофуров билан учрашганини эслатди, сессияда Ўрта Шарқ маданияти тарихининг икки туб муаммоси ҳақида сўз борганди – Кушон ва Темурийлар даври маданияти бўлиб, уларни биргаликда ишлаб чиқиш ҳақидаги фикрлар билдирилган; шунингдек, менинг маршрутимни энг аъло даражада ташкил этишда ҳамкорлик қилишини айтди, музейга, Мутамидийга кўнғироқ қилиб, унга мен билан биргаликда дастур ишлаб чиқишни топширди.

Йўл-йўлакай шўролар элчихонасига (меъморларимиз қандай улугвор меъморий мажмуа яратганлар – офарин!) Сергей Егоревич ҳузурига кирдик. Афсуски, у жуда банд экан. Мутамидий билан бўлган суҳбатимиздан кўнглим тўлмади: у ёдгорликлар саёҳати ҳақидаги масалани дарҳол молиявий томонга буриб, бисотида ҳеч қандай маблағ йўқлигини айтди. Кушон муаммоси билан боғлиқ бизнинг тадқиқотларимиз ҳақидаги суҳбатда очиқчасига эснаб юборди. Гап орасида бугун қисқа иш куни эканини эслатди. Хадда ҳайкалчалари зали бўйлаб қилган йигирма дақиқалик кўригимдан сўнг қайтиб келганимда қандайдир хатнинг нусхасини кўрсатди, унда гап

Тоғларининг бемисл гўзаллиги, тизма тоғларнинг эртақнамо чўққиларини, узоқлардан кўм-кўк бўлиб кўринувчи мусаффо ҳавони, яқин атрофларда сочилиб ётган синиқ қоялар тароватини тараннум этиш учун Афғонистонга ўз Сарьянлари этишмайди-да.

мутахассисларимизнинг Ҳирот ёдгорликларини таъмир қилишлари устида сўз борарди, Балх ҳақида эса лом-мим дейилмаганмиш.

Аниқлашимча, Афғонистон ёдгорликлари бўйлаб ўлчов чизмалари йўқ экан. Фақат Лёзиннинг Гулдор зиёратгоҳи ҳисоботи (бу "Artibus Asiae"да чоп этилган), ёдгорликларнинг фотосуратлари бор – шу холос! Шундай қилиб, таъмирчиларимизга ишни бошидан – ўлчамлардан бошлашларига тўғри келарди. Жаноб Мутамидий менга танишиш учун 1964 йил 8 мартдан 1965 йил 12 мартгача Афғонистонда меъмор бўлиб ишлаган даниялик меъмор Е. Хансен ҳисоботини берди (афтидан, ЮНЕСКОники бўлса керак), унда таъмирдан кўра кўпроқ музей экспозициясини қайта ташкиллаштириш тўғрисида сўз кетарди.

Тушдан кейин шу ҳисобот ва айрим қайдномаларни ўргандим. Ҳисобот оқилна ёзилганди. Аммо амалда ёдгорликларнинг ўзига нисбатан Хансен кўп иш қилмаганди: Ҳирот масжидининг усти ёпиқ эшиги таъмирланган, музейда эса Лашкари Бозордан топилган ўймақори буюм қисмлари ва шаклдор фишт термалари таъмир қилинган эди.

16.VI/67

Жума. Дам олиш куни (айнан ҳозир менга унинг кераги йўқ). Менинг илтимосим билан Фалонийга жўнадик – қадамжой харобаларини кўргим келди. Афсуски, на Сиддиқ, на ҳайдовчи на бу қадамжонинг, на Гулдорнинг қаердалигини билмасди (афтидан, у гоят узоқда бўлса керак). Бунинг ўрнига Фалоний туманида Санги Новишта ("Тошёзмалар") истеҳкомининг қолдиқларини кўздан кечирдик. У дара ўртасида қад кўтарган чўққида жойлашган бўлиб, у ердан Қобул водийсининг гўзал манзараси кўриниб турарди, унинг қарши томонида эса икки дара бир-бирига туташиб кетувчи дўғоба ястанган эди. Қадимшунослик қазилмалари натижасида бутун мажмуани қуршаб олган деворларнинг пастки қисмлари очилиб қолган (пойдевордаги лой тўшама устидан терилган узма тошлардан ва $32 \times 32 + 8 = 9$ см катталиқдаги гуваладан тикланган деворлар). Мажмуа миноралари доирасимон бўлиб, ичкарида хоналар бор. Сопол безаклар мутлақо сиркорсиз бўлиб, гоҳ-гоҳ қизил сингоб учрайди. Афтидан, бу истеҳком VII-VIII асрлардаги даҳшатли рицарлар қалъаси эди, у Қобулистондан ўтувчи асосий тоғ йўлларида бирига эгалик қилган.

Тоғларининг бемисл гўзаллиги, тизма тоғларнинг эртакнамо чўққиларини, узоқлардан кўм-кўк бўлиб кўринувчи мусаффо ҳавони, яқин атрофларда сочилиб ётган синиқ қоялар тароватини тараннум этиш учун Афғонистонга ўз Сарьянлари етишмайди-да.

Тушдан кейин ҳам Сиддиқ бизнинг кўнглимизни астойдил кўтарди: Боғгитепега саёҳат қилдирди, бу ерда одам кўп, байрамона ясантусан қилган оломон йўлакларни тўлдирган, кўм-кўк майсазор узра дўстлар гурунги авж олган – миллий чолғулар жўрлигида куйлар ва ашулалар ижро этилмоқда, дилкаш суҳбатлар қилинмоқда. Салла ўраган, кенг иштон ва узун кўйлак кийган йигитча оёқ яланг бўлиб олиб, одамлар қарсаги остида чарх уриб рақс тушарди – унинг ҳаракатларида эркакларга хос куч ва аниқлик акс

этарди – бу кўл ва елкаларнинг таманноли усулларига мўл Бухоро шаҳар рақсига сира ўхшамасди. Салдан кейин бу йигитчани бошқа даврада рақс тушаётганини кўрдим. У рақс тушиб, пул ишламаяптимикин? "У моҳир рақосми?" деб сўрадим Сиддиқдан. "Йўқ, ўзи завқланиб ўйнапти, бугун унинг байрам куни, шу билан ўзини хурсанд қилапти", деди жавобан Сиддиқ.

Биз яна Пағмонни ҳам бориб кўрдик (илоҳий ҳаво, муздек сув, аммо тоғ селлари уни катта-катта харсанглар билан бутунлай тўсиб қўйган), қайтиш йўлида эса Жамоатчилик боғи деб аталган жойни кўрдик, бу ердаги "Ҳилол қаҳвахона"да хушбўй кўк чой ичиб, чойхўрлик қилдик (бу ерда уни "чойи сабзий" дейишаркан). Кечкурун "Буюк Марко Поло" фильмини томоша қилдик. Ғирт голливудча тарз-тариқа, башанг, ёрқин сахна томошаси, унда исмоилийлар негадир Бомиёнда яшашади, бироқ базми жамшиднинг асосий ҳомийлари сирасига ниқоб ва қора трико кийган гўзал хонимчалар кирарди, умуман, ҳамма жойда араблардан татарларгача 1965 йилги урф бўйича наридан-бери бўянган гёрлс қизчалар кўзга ташланади. Фильм ўртасига келганда америка папирослари ва япон магнитофонлари рекламаси билан узилиб қолди, "Марко Поло" сингари кенг экранли ва ёрқин бўлиши билан бирга, ўшандай тижоратбон манзаралар.

Афғонистонда ўзларининг кинематографияси йўқ.

20.VI/67

Мамлакатлар ва халқларнинг санъатини биз одатда уларнинг ҳозирги сиёсий чегаралари доирасида туриб қараб чиқамиз. Аммо бу тарихий ҳақиқатга зид-ку? Давлатларнинг чегаралари бот-бот ўзгариб турган. Аммо асосий аҳоли ва у яратган маданий аъёналар ягоналигича қолаверган. Босиб олинган, сиқиб чиқариш – бу бошқа гап, бундай пайтда улар ё ўз маданий аъёналарини йўқотади (агар босқинчи мамлакат анча юқори даражада ривожланган бўлса), ёки маҳаллий аъёналарга сингиб кетади (агар мағлуб мамлакат ғолибларга нисбатан маданиятда илғор бўлса), ёки у ва бу томон маданиятлари бир-бирига узвий бирикиб кетади.

Биз режалаштирган "Феодал даврида Ўрта ва Олд Шарқ меъморчилиги"ни тиклашда, ўйлайманки, тарихий-сиёсий тамойилни эмас, балки тарихий-маданий тамойилни танлаш керак. Халқлар санъати ўзининг ривожланиш қонунларига эга, уларнинг ривожини сиёсий воқеалар ривожига ҳар доим ҳам тўғри келавермайди. Шу боисдан, санъатни диний тамойил бўйича ("буддавийлик", "мусулмонлик", "насонийлик") қараб чиқиш керак эмас. Диний тизимлар, албатта, бир замонлар ўз нишонини қолдирган, аммо улар аънаваний ҳисобланмаган.

Ўрта Шарқнинг мен шуғулланишим лозим бўлган мамлакатларга нисбатан меъморчилик тарихини қуйидаги тартибда қараб чиқиш афтидан тўғри бўлар эди:

1. Эрта феодал даври (III–VIII аа.):

Мамлакатлар ва халқларнинг санъатини биз одатда уларнинг ҳозирги сиёсий чегаралари доирасида туриб қараб чиқамиз. Аммо бу тарихий ҳақиқатга зид-ку? Давлатларнинг чегаралари бот-бот ўзгариб турган. Аммо асосий аҳоли ва у яратган маданий аъёналар ягоналигича қолаверган.

а) Ҳиндистоннинг шимоли-шарқий тарихий-маданий тармоғи Қобулистон – Тоҳаристон.

б) Сугднинг тарихий-маданий тармоғи – Уструшон – Шом – Еттисув.

в) Хуросон.

г) Хоразм.

II. Мутараққий феодализм даври (IX–XIII а.а. боши):

а) Хуросон–Тоҳаристон–Қобулистон–Сейистон.

б) Шарқий Каспий бўйи (Хоразм–Журжон).

в) Мовароуннаҳр – Фарғона – Еттисув.

III. Етилган феодализм даври (XIII–XVI а.а. боши):

Мўғуллар, Темурийлар, дастлабки Эрон шоҳлари ва ўзбек хонлари даврида Хоразм, Хуросон, Шимолий ва Жанубий Туркистон. Майда князликлар даврида Ҳиндистон.

IV. Кеч феодализм даври (XVI аср XVII асрнинг иккинчи

ярми):

Туркистон ва Хуросон. Буюк Мўғуллар даврида Ҳиндистон.

Ўз-ўзидан маълумки, сарлавҳаларни бошқатдан қўриб чиқиш, уларни яхлитлашга тўғри келади. Аммо, умуман, шундай бўлади.

Бўлимларимизнинг қавслари ортида табиийки, Озарбайжон, Марказий ва Ғарбий Эрон ва ҳоказолар қолиб кетмоқда. Аммо Хуросон, масалан, ҳозирда уч мамлакат чегаралари билан бўлинган бўлиб, тарихий истиқболда Эрондан кўра Ўрта Осиё ва афғон Туркистони билан узвий алоқада намоён бўлади.

Маълумки, бу схема ичидан Фарғона, Хоразми ажратиб қўйган ҳозирги Ўрта Осиё республикалари чегараларининг шартлилиги олиб ташланади.

Из афганского дневника

Галина ПУГАЧЕНКОВА

14.VI/67

Сегодня я прибыла в Кабул. Прошло уже восемь лет со времени, когда я впервые побывала в Афганистане. Многие ли изменилось в этой стране на взгляд чужеземца?

Как и тогда – неотразимо впечатляюща картина могучих хребтов Гиндукуша, который даже с высоты нашего мчащегося на семи тысячах метров лайнера грандиозен, как творение божества в гравюрах Доре. Кабул в сероватой дымке; в аэропорте – аромат горьковатых предгорных трав.

Афганцы при встрече оказываются целуются, как русские в старину: тоекратно, в обнимку. А

один молодой элегантно одетый, поцеловал пришедшему с нами пожилому руку.

В Кабуле на главных улицах много новых домов. Строят их немцы из ФРГ, главным образом. Добротные материалы, в них играет фактура и цвет, композиции ассиметричные вмеру – застекления проемов и плоскостей. А в целом – по немецки добропорядочно – сухо. Это тот безлико-космополитический архитектурный стандарт, который заполонил весь мир, но по логике развития ныне быть ему повсюду.

Как и в том далеком году мы остановились в отеле «Кабул». Мы – это два библиотечных деятеля из Душанбе П.Д.Байданов и Ш.Н.Назаров, и я. Они остаются в Кабуле для работы в рукописохранилище, а мне предстоит долгий, увлекательный, хотя и изнурительный (июнь в Афганистане – не шутка!) путь. Но как это заманчиво увидеть наконец памятники Герата, Балха, Кандагара, и не просто взглянуть, щелкнуть фотоаппаратом и мчаться скорее в отель, как это обычно бывает в туристических группах, но с душой все осмотреть, подумать, записать, зарисовать. О, ради этого можно перенести и июньскую жару!

К нам прикреплен Сиддик Кухистани – он знает русский, работал (проходил стажировку) в (бывшей) библиотеке им.Ленина. Маленький, славный горец неопределенных лет.

Сергей Егорович Павлищев – советник по культуре посольства. На завтра он организует серию официальных встреч – с министром культуры Бенаво, с директором музея (он же «директор древностей») – Мутамиди. Надеюсь, завтра же определят дальнейшую программу действий – мне не хотелось бы задерживаться в Кабуле, в котором единственно интересны для меня коллекция Кабульского музея и миниатюры в рукописохранилище библиотеки.

Прогулка с Сиддиком подтвердила первые впечатления: за фасадами современных домов и лавочек, заполненных яркими этикетками заграничных фирм – с красотками, изображенными где надо и не надо, задворки, откуда тянет гнильцой, где скученность и неустройство быта. И все же эпоха порождает то новое, что было немислимым лишь несколько десятилетий тому назад, когда прелестница и умница Лариса Рейснер помогала Раскольникову в установлении добрососедских отношений между полунищей в ту пору страны высоких идеалов и великих свершений с нищей, но гордой своей независимостью феодальной страной. На улицах уже немало открытых женщин (хотя «летучие мыши» в длинных развевающихся серых чадрах еще многочисленны). Растет промышленность. Страна озабочена сохранением и восстановлением своих архитектурных памятников. Все это знаки добрых перемен.

Когда начала спадать жара, Сиддик повез нас на прогулку – вначале ко дворцу и саду Баги-Баянд. Машина пересекла новый жилой район Карты-Парван – очень большой (в 1959 г. здесь были пустоши), застроенный домами каттеджного типа в один и два этажа, взбегающими на крутую гору. Баги-Баянд все тот же, но тогда, в октябре он весь был в снегу, а сейчас весь в свежей

зелени виноградника, трав и деревьев, в бурных зарослях шиповника, гули-нардаста белоснежными хлопьями цветов сплошь покрывающих кусты, истачающих запах меда и детства. На обратном пути мы прошли по парку у Дар ул-Аман, бывшего дворца Амануллахана. Меня порадовало, что в обоих парках гуляет народ... Но может быть это не столько демократизм правителей, сколько дань Темуридской традиции – ведь в Самарканде сады Амира Темура тоже в его отсутствие были широко открыты для всеобщих посещений. Мне понравилось, что все, кто пришел на прогулку, или расположился семьей с многочисленными ребятами, на лужайках, ничего не рвут, не мусорят, не портят, как это – увы – обычно у нас. И уж, конечно, никаких пьяных.

Во дворце Дар ул-Аман ныне Министерство путей сообщения. Это огромное трехэтажное здание П-образного плана, с курдонером на высоком холме. Очень тяжеловесный венский ампир (интересно, кто его строил – австриец или немец?) как он нелеп в этой азиатской стране.

15.VI/67

Министр Абдуль Рауф Бенаво принять нас смог – он второй день на этом посту и принимает многочисленные поздравления. Принял нас г. Мухаммад Ибрагим Шарафи – зав.отделом зарубежных связей Министерства культуры. Оно расположено в новом пятиэтажном здании; в каждом этаже – комнаты всевозможных чиновных лиц.

Беседа длилась недолго, г. Шарафи говорил – он предпочитает слушать самого себя. Но был любезен; упомянул о встрече с Гафуровым на сессии при ЮНЕСКО, где шла речь о двух коренных проблемах истории культуры Среднего Востока – Кушанской и Темуридской, о желательности их совместной разработки; обещал содействие в наилучшей организации моего маршрута, позвонил в музей к Мутамиди, поручив ему разработать совместно со мной программу.

По пути в музей заехали в советское посольство (какой великолепный архитектурный ансамбль создали наши зодчие – ах, молодцы!) за Сергеем Егоровичем; к сожалению, он крайне занят. Беседа с Мутамиди меня не вдохновила: он сразу же свел вопрос о поездке по памятникам к финансовой стороне, заявив, что средствами не располагает. В разговоре о наших исследованиях, связанных с проблемой Кушан, откровенно зевнул. Намекнул, что сегодня укороченный рабочий день. А когда я вернулась после 20-минутного осмотра зала скульптур Хадды, продемонстрировал копию какого-то письма, где, якобы, речь идет лишь о реставрации нашими специалистами памятников Герата, но где о Балхе, мол, нет ни слова.

Выяснила, что обмерных чертежей по памятникам Афганистана нет. Есть отчет Лёзина (тот, что опубликован в "Artibus Asiae") с обмерами ступы Гульдары, есть фотоснимки памятников, и только! Таким образом, нашим реставраторам придется начинать работать с самого начала – с обмеров. Г. Мутамиди дал мне для ознакомления отчет датского архитектора Е. Hansen, рабо-

тавшего с 8/III 1964г. по 12/III 1965г. архитектором в Афганистане (кажется, от ЮНЕСКО) не столько в связи с реставрацией, сколько – по реорганизации экспозиции музея.

Послеобеденную часть дня провела за изучением этого отчета и некоторыми записями. Умный отчет. Но практически в отношении собственно памятников – Хансеном сделано немного: реставрирован крытый вход в Гератской мечети, а в музее реставрированы (скорее смонтированы) детали резного штука и кирпичных фигурных кладок из Лашкери-Базара.

16.VI/67

Джума. День отдыха (мне он совсем сейчас не нужен)

По моей просьбе выехали в Фалани – хотелось осмотреть руины ступы. К сожалению, ни Сиддик, ни шофёр не знают местоположения ни этой ступы, ни Гульдары (она, кажется, очень далеко). Взамен в районе Фалани осмотрели остатки укрепления Санги Навишта («Писаные камни»). Оно – на вершине, воздымающейся посередине ущелья, откуда открывается великолепная панорама на долину Кабула с одной стороны и на развилку сходящихся как бы в одном устье двух ущелий – с противоположной. Археологическими раскопками вскрыты низы стен, очерчивающие весь план (стены из рваного камня на глине в цоколе и из сырца 32x32+8=9 см – над ним) с округлыми башнями и внутренними камерами. Фрагменты керамики – исключительно безглазурной, иногда с красным ангобом. По-видимому, это укрепление VII–VIII вв. грозный рыцарский замок, господствовавший над одним из главных горных путей, проходивших по Кабулистану.

...Афганистану не хватает своего Сарьяна, который восславил бы на весь мир неповторимую красоту его гор, с их совершенно особыми силуэтами хребтов и отдельных пиков, с переливами синевы, которой окрашивает их на расстоянии, чистота воздуха, с лиловыми и ржавыми разломами камня вблизи.

Сиддик усердно развлекал нас и после обеда: поездка в Багги-тепе, где многолюдная, но чинная праздничная толпа заполняет дорожки и маленькие маджлисы друзей – с игрой на музыкальных инструментах, пением, беседами – повсюду на яркой зелени лужаек. Юноша в чалме, просторных штанах и длинной рубашке, босой, упоенно танцевал в кружке аплодирующих зрителей – в его движениях много мужественной силы и точности – это не то расслабленная пластика рук и плеч, которая присуща изнеженному городскому танцу Бухары, например. Позднее я увидела его танцующим в другом кружке. Он зарабатывает на этом? Это профессиональный танцор? – спросила у Сиддика. – Нет, он танцует ради удовольствия: у него сегодня праздничный день, он ему рад – был ответ.

Мы навестили еще и Пагман (божественный воздух, студёная вода, но горные сели совершенно загромождали его огромными глыбами камня), а на обратном пути так называемый Общественный сад, где в «Лунном кафе» выпили ароматный кок-чай (здесь говорят – «чай-и

Искусство стран и народов мы рассматриваем обычно в рамках их современных политических границ. Но это же – неисторично? Границы государств нередко смещались. Но основное население и созданные им культурные традиции оставались едиными.

Афганистану не хватает своего Сарьяна, который восславил бы на весь мир неповторимую красоту его гор, с их совершенно особыми силуэтами хребтов и отдельных пиков, с переливами синевы, которой окрашивает их на расстоянии, чистота воздуха, с лиловыми и ржавыми разломами камня вблизи.

сабзи»). Вечером посмотрели кино «Марко Поло Великолепный». Типичная голливудчина, пышная, яркая постановочная стряпня, в которой исмаилиты – ассамны почему-то обитают в Бамиане, причем в охрану верховного пира входят красотки в масках и черных трико, и вообще повсюду – от арабов до татар много всяческих загримированных по моде 1965 года гёрлс. Фильм был прерван на середине рекламой американских папирос и японских магнитофонов, такой же широкоэкранной и яркой, как «Марко Поло», такой же коммерческой.

Своей кинематографии в Афганистане нет.

20/VI 67

Искусство стран и народов мы рассматриваем обычно в рамках их современных политических границ. Но это же – неисторично? Границы государств нередко смещались. Но основное население и созданные им культурные традиции оставались едиными. Иное дело – перемещение народов, вызванное их экспансией или же их вытеснением обычно порождало либо процесс перекося собственных культурных традиций (если народ – победитель стоял на более высоком уровне развития) или же ассимиляции локальных традиций (если побежденные превосходили в культурном отношении победителей), или, наконец, органическое срастание культуры тех и других.

В построении задуманной нами «Архитектуры Среднего и Переднего Востока феодальной поры» мне думается следует избрать историко-культурный, а не историко-политический принцип. Искусство народов имеет свои законы развития, ход которых далеко не всегда совпадает с ходом политических событий. По этой же причине нельзя рассматривать искусство по принципу религиозному («буддийское», «мусульманское», «христианское»). Религиозные системы конечно же накладывали на него в былые времена свой отпечаток, но не они являлись традиционными.

Применительно к тем странам Среднего Востока, которыми придется заниматься мне, закономерно по-видимому рассматривать историю архитектуру в

следующим плане:

- I. Раннефеодальный период (III–VIII вв.):
 - а) Историко-культурный узел СВ Индии – Кабулистана – Тохаристана.
 - б) Историко-культурный узел Согда – Острушаны – Шаша – Семиречья.
 - в) Хорасан.
 - г) Хорезм.
- II. Период развитого феодализма (IX–нач. XIII вв.):
 - а) Хорасан – Тохаристан – Кабулистан – Сеистан.
 - б) Восточный Прикаспий (Хорезм – Джурджан).
 - в) Мавераннахр – Фергана – Семиречье.
- III. Период зрелого феодализма (XIII–нач. XVI вв.):
 - Хорезм, Хорасан, Северный и Южный Туркестан эпохи монголов, Темуридов, и первых иранских шахов и узбекских ханов. Индия периода малых княжеств.

IV. Период позднего феодализма (вторая половина XVI–XVII вв.):

Туркестан и Хорасан. Индия Великих Моголов. Разумеется, заголовки придется пересмотреть, придать им единообразие. Но в целом это так.

За скобками наших разделов естественно остаются Азербайджан, Центральный и Западный Иран и пр. Но Хорасан, например, ныне расчлененный границами трех стран, в исторической перспективе предстанет в своей органической связи не столько с Ираном, сколько со Средней Азией и афганским Туркестаном.

Разумеется, внутри этой схемы снимается и условность границ современных среднеазиатских республик, дробящих Фергану, Хорезм.

Afghanistan Diaries

By Galina PUGACHENKOVA

T 14.VI/7
oday I've arrived in Kabul. Eight years have past since I visited Afghanistan for the first time. How many things have changed in this country on the stranger's point of view?

As in that time a picture of the mighty Hindukush mountain ranges is irresistibly impressive. It is grandiose even from the seven thousand meters height of our racing liner, as a creation of the deity in the Doré engravings. Kabul is in grayish haze; at the airport there is a scent of bitter foothill grasses.

It turns out that at meeting Afghans kiss each other three times embracing one another as Russians in the old days. One young elegantly dressed man kissed a hand to the elderly man which came with us.

There are many new buildings at the main streets in Kabul. Mostly they are built by Germans. They used high quality materials, the texture and color played in them, and compositions are rather asymmetrical - glazed openings and planes. In general as German style in good faith and stiffly. This is the faceless, cosmopolitan architectural standard which filled the whole world, but according the logic of

nowadays it would be everywhere.

We stayed at the "Kabul" hotel as in that remote year. We are two library workers from Dushanbe P.D.Baydanov and Sh.N.Nazarov and me. They will stay in Kabul for the work in manuscript depository, and I have a long, fascinating, albeit exhausting way (June in Afghanistan is not a joke!). But it is very tempting to see at last monuments of Herat, Balkh, Kandahar, and not just to look, click the camera and race to the hotel as it usually happens in tour groups, but to look, think, write, sketch with the soul. Oh, I can carry over the June heat for this!

Siddik Kukhistanani was attached to us - he speaks Russian, he worked (on probation) at the Lenin Library. He is small, nice mountaineer of nondescript age.

Sergey Egorovich Pavlishchev is Cultural Counselor of the Embassy. He will organize a series of official meetings for tomorrow - with the Minister of Culture Benavo and the Director of the museum (also known as "Director of antiquities") - Mutamidi. I hope that tomorrow they will determine the future program of action - I do not want to stay in Kabul, where the only interesting thing to me is a collection of the Kabul Museum and miniatures in the library of manuscript depository.

Walk with Siddik confirmed first impressions: behind the modernistic houses façades and shops filled with bright labels of foreign companies with beauties bimbos depicted where necessary and not, there are backstreets smelled with mould and where overcrowding and confusion of life. Nevertheless the era generates a new that would have been unthinkable only a few decades ago, when the damsel and clever Larisa Reisner assisted Raskolnikov to establish good neighborly relations between the impoverished at the time country of high ideals and great things with the poor, but proud of its independence feudal country. The streets are already a lot of open women (though "bats" in long flowing gray head covering are still numerous). The industry is growing. The country was concerned conservation and restoration of its monuments. All this is a sign of good change.

When the heat began to subside, Siddik took us for a walk, first to the palace and garden of Bagi-Balyand. The car crossed a new residential area Karta-Parvan, which is very large (in 1959 there were wastelands) built with cottage type houses in one or two floors, running up a steep hill. Bagi-Balyand is still the same, but at that time, in October, it was all in snow, and now covered in fresh green vineyards, grasses and trees, in rugged bushes of dog-roses and goul-nardasta, white flakes of flowers completely covered the bushes, which exhale smell of honey and childhood. On the way back we walked through the park at Dar-ul-Aman, a former palace of Amanullahan. I was pleased that both parks are a lot of walking people... But maybe it's not so much the democratic order of the rulers, but a tribute to the Timurid tradition, in fact in Samarkand Amir Temur's gardens were also wide opened to the general public in his absence. I liked that all who come to walk, or settled on the lawn with the family and many kids do not break, litter, either spoil, as alas, we usually see. And, of course, there are no drunks.

The palace of Dar-ul-Aman, now it is the Ministry

of Railways. This is a huge three-story U-shaped building on a high hill. It has very stodgy Viennese Empire style (I wonder who built it? May be an Austrian or German?). How it is absurd in this Asian country.

15.VI/67

Minister Abdul Rauf Benavo could not receive us - he was the second day in office and was receiving many congratulations. We were received by Mr. Muhammad Ibrahim Sharafi - Head of Foreign Relations of the Ministry of Culture. It is located in a new five-story building; each floor has rooms of various bureaucratic entities.

The conversation did not last long. Mr. Sharafi was saying, he preferred to listen to himself. But he was kind, referred to a meeting with Gafurov during a session of UNESCO, dealing with two problems of indigenous cultural history of the Middle East - Kushan and Timurid, as well desirability of their joint development; he promised to assist in the best organizing of my route, called to the museum to Mutamidi and instructed him to work out a program in collaboration with me.

On the way to the museum we stopped at the Soviet Embassy (what a magnificent architectural ensemble created by our architects - oh, well done!) to take Sergey Egorovich. Unfortunately, he was extremely busy. Conversation with Mutamidi did not inspire me. He immediately reduced the problem of traveling to monuments to a financial side, saying that he did not have means. During talk about our studies concerning the Kushan problems, he openly yawned and hinted that if they had shorter working hours that day. And when I came back after a 20-minute examination of Khadda sculptures hall, he showed a copy of a letter, which, ostensibly, dealt with only a restoration of monuments in Herat by our experts, but there was no word about Balkh.

I found out that there are no measured drawings on Afghanistan monuments. There is a report by Lesin (the one that was published in "Artibus Asiae") with themeasurement of Guldar's stupa, and there are also photos of monuments, and that's all! Thus, our restorers have to start working from the very beginning - from measurements. G.Mutamidi let me look through the report by Danish architect E.Hansen, who worked since 8/III 1964 till 12/III 1965 as an Architect in Afghanistan (it seems on behalf of UNESCO) not in connection with the restoration but for reorganization of the museum.

Afternoon of the day I spent studying that report and some records. It was smart report. But almost concerning the actual monuments Hansen made a little: indoor entrance to the Herat Mosque was renovated, and in the museum they restored (mostly fitted) a detail of carved pieces and shaped brick masonry of Lashkeri Bazar.

16.VI/67

Juma (Friday). Holiday (it is really not necessary to me now)

At my request, we left for Falani; I wanted to see the ruins of the stupa. Unfortunately, neither Siddik nor driver knows the location of any stupa or Guldar (it seems to be very far away). Instead in Falani we examined remains of Sangi Navishta strengthening ("Written Rocks"). It is at the top of a peak topping in

We usually consider the art of countries and peoples as part of their current political boundaries. But this is - unhistorical? National borders often shifted. But the general population and their cultural traditions remain intact.

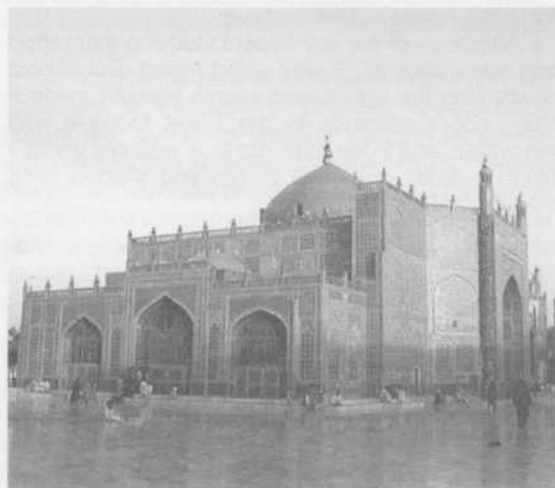

the middle of gorge. It offers a magnificent view over the valley of Kabul on the one side, and an embranchment of two gorges converging into one outfall on the other side. Archaeological excavations uncovered lower part of the walls outlining the entire plan (the walls are made of ragged stone laid on clay on the base and adobe 32x32 +8 = 9 cm above it) with round towers and inner chamber. Fragments of pottery are absolutely without glaze, somewhere with red engobe. Apparently, this is the fortification of VII-VIII centuries, fearsome knight's castle which dominated on one of the main mountain routs, passing through Kabulistan.

Afghanistan is lack of its own Saryan, who would praise to the whole world the unique beauty of its mountains, with their very special silhouette of individual peaks and ridges, with tinges of blue, coloring by clean air in a distance, with purple and rusty faults of stones.

Siddik diligently entertained us and after dinner we left for Bagi-Tepe. There, crowded but sedate festive people fill the paths and small majlises of friends were playing musical instruments, singing, talking and all over the bright green lawns. A young man in a turban, wide trousers and long shirt, barefooted, happily danced in a circle cheering spectators. His movements have lot of manly strength and accuracy; this is not those relaxed plastic arms and shoulders, which is inherent in coddled urban dance of Bukhar, for instance. Later I saw him dancing in the other circle. Does he make money on it? Is this a professional dancer? – I asked Siddik. – No, he is dancing for fun: It is a public holiday today, it pleased him – was the answer.

We visited also Pagman (divine air, icy water, but mountain mudflows completely cluttered it by huge blocks of stone), and on the way back we stopped at so-called Public Garden, where in "Moon Cafe" we drank flavored cook-tea (they say here – "Choi-i sabzi"). In the evening we watched the movie "The great Marco Polo". It is a typical Hollywood stuff, lush and colorful staged fudge, in which the Ismailits – assamns somehow live in Bamiyan, and security of the supreme person includes beauties in masks and black tights, and generally everywhere – from Arabs to Tatars there are many sorts of girls made-up in the fashion of 1965. The film was interrupted in the

middle by the U.S. cigarette advertising and Japanese tape-recorders, idem wide and bright as "Marco Polo", and also commercial.

Afghanistan does not have it own cinematography.

20/VI 67

We usually consider the art of countries and peoples as part of their current political boundaries. But this is – unhistorical? National borders often shifted. But the general population and their cultural traditions remain intact. Deferent thing is moving people, due to their expansion or their displacement. It usually produced either skew of own cultural traditions (if a winner people was on a higher level of development) or assimilation of local traditions (if the culture of defeated party was higher than the winners') or, finally, an organic fusion of both cultures.

In the formation "Middle and Near East architecture of feudal period" conceived by us, it should be elected the historical and cultural principle, rather than historical and political one. Art of peoples has its own development laws, which course does not always coincide with the course of political events. For the same reason, we can not consider an art on religious basis ("Buddhist", "Muslim", "Christian"). Religious systems of course imposed on it in the old days, but they were not traditional.

Concerning the countries of the Middle East, which I will have to deal with, it seems logical to consider the history of architecture in the following terms:

I. Early feudal period (III-VIII centuries):

a) Historical and cultural knot of NE India – Kabulistan – Tokharistan.

b) Historical and cultural site of Soghd – Ostrushans of Shash and Seven Rivers.

c) Khorasan.

d) Khorezm.

II. Developed feudalism period (IX – early XIII centuries):

a) Khorasan – Tokharistan – Kabulistan – Seistan.

b) The eastern Caspian (Khorezm – Dzhurzhhan).

c) Maverannakhr – Ferghana – Seven Rivers.

III. Mature feudalism period (XIII – early XVI centuries):

Khorezm, Khorasan, Northern and Southern Turkestan of the period of Mongols, Timurids, the first Iranian shahs and Uzbek khans. India period of small principalities.

IV. Late feudal period (the second half of the XVI-XVII centuries):

Turkestan and Khorasan. India the Grate Mughals.

Of course, the titles need to be revised in order to make them uniform. But in general such is the case.

Of course we left out of our sections Azerbaijan, Central and Western Iran, etc. But, for example, Khorasan, dissected now by the borders of three countries, will appear in the historical perspective in its organic connection not so much with Iran as with the Central Asia and Afghan Turkistan.

Of course, within this circuit the conventional boundaries of modern Central Asian republics crushing Fergana, Khorezm, etc. are also removed.

Ал-Қуддусдаги ал-Ўзбекиёна хонақоҳи

Башир БАРАКОТ
Шамсиддин КАМОЛИДДИН

Ўрта асрларда Ўрта Осиёлик ан-Нақшбандийа тариқатига мансуб сўфийларга қарашли аз-Зовийа ан-Нақшбандийа номли бинолар мажмуаси, жумладан, ўрта асрлар хонақоҳи Фаластиндаги ал-Қуддус шаҳрининг мусулмон қисмида, Мужоҳидлар йўлининг жануби-ғарбида, ал-Ғавонима дарвозасидан ғарб томонда жойлашган. Ушбу хонақоҳ «Бухориликлар хонақоҳи» ёки аз-Зовийа ал-Ўзбекиёна – «Ўзбеклар хонақоҳи» деб ҳам аталади. Хонақоҳда кутубхона сақланган бўлиб, унда хонақоҳнинг вақфномаси билан бир қаторда унинг ташкил топиши, шаклланиши ва фаолияти тарихи акс этган ҳужжатлар бор.

Хонақоҳ 1010 ҳижрий/1602 милодий йили Усмонбек ас-Сўфий томонидан ажратилган 1000 тилла динор асосида вужудга келган бўлиб, у ан-Нақшбандийа тариқатига мансуб сўфийларнинг бошлиқларига вақф сифатида берилган. Усмонбек вақфнинг шакли ва шартларига бир қанча ўзгаришлар киритган. 1029/1619-20 йилда Усмонбек Қуддусдаги Боб ал-Амуд маҳалласидаги совун ишлаб чиқариш корхонасини, шунингдек, ас-Сарорадаги мевазор боғ, томорқа ва ал-Ғавонима тор кўчасидаги уйни хонақоҳга вақф сифатида тақдим этган. 1030/1621 йилда Усмонбек ал-Бақа'ада мевазор боғли томорқа, кейинги йили эса насронийлар маҳалласидан экинзор сотиб олиб, уларни ўғиллари ва ан-Нақшбандийа хонақоҳининг вақфига тенг бўлиб берган. У шунингдек, вақф шартларига ҳам тузатишлар киритган. Шу боис, вақфноманинг янги матнини тузиш эҳтиёжи туғилиб, 1033/1623–24 йилда унинг янги матни тузилган.

Усмонбек вақф мулкани иккига бўлиб, унинг ярмидаги ишларни бошқаришни ўғли Иброҳим ва унинг авлодларига, иккинчи ярмини эса, ал-Қуддусда яшовчи ан-Нақшбандийа сўфийлик тариқати бошлиқларидан тўртта дарвишга топширган. 1029/1620 йилда Усмонбек ал-Мазбура маҳалласидаги хонақоҳ мажмуаси ҳудудида масжид, шунингдек, дарвишлар яшаши учун хужралар қуриб берган. Масжид меҳробининг пастида жойлашган тоштахтада битилган ёзувга кўра, «бу масжиднинг биносини шайх Ёқуб ибн шайх Рашид ал-Бухорий қайта қурган ва ан-Нақшбандийа мусофирхонасини ташкил қилган».

Ан-Нақшбандийа хонақоҳининг маънавий ҳаётини шайх бошқарган бўлиб, у ал-Қуддус шаҳрининг бош қозиси томонидан тайинланган. Ҳужжатларда турли даврларда хонақоҳни бошқарган бир неча шайхнинг исмлари сақланган. Хусусан, хонақоҳда 1048/1638-39 йилда Толиб ибн Муҳаммад ан-Нақшбандий, 1051/1641-42 йилда ад-Дарвиш Муҳаммад ибн Ауд Муҳаммад ал-Бухорий, 1055/1645-46 йилда Али ибн шайх Сулаймон ар-Румий, 1063/1652-53 йилда ас-Сайид Муҳаммад ал-Бухорий, 1069/1658–59 йилда ад-Дарвиш Муҳаммад ибн Назар Муҳам-

мад ал-Балхий шайх вазифасини бажарганлар.

1054/1644–45 йилда ан-Нақшбандийа хонақоҳининг вақфи мутаваллийси этиб Али ибн Сулаймон ал-Бухорий, 1060/1650 йилда ал-Мулло Юсуф ибн Увайс Қули ал-Бухорий, кейин шайх Холмуҳаммад ибн Али ан-Нақшбандий, 1063/1652-53 йилда Муҳаммад ибн Абдуллоҳ, ундан кейин эса ас-Сайид Иброҳим тайинланган. 1064/1653-54 йилда хонақоҳ шайхи ва мутаваллийси этиб Абд ал-Латиф ибн Солиҳ ал-Ўзбеки, 1069/1658-59 йилда ад-Дарвиш Муҳаммад ибн Назарқули, 1071/1660-61 йилда Муҳаммад ибн Абд ан-Наби ал-Балхий, 1077/1666–67 йилда Муҳаммад ибн Дўстмуҳаммад ал-Ўзбек тайинланган. 1086/1675–76 йилда хонақоҳ мутаваллийси этиб яна ад-Дарвиш Муҳаммад ан-Нақшбандий, 1112/1700–01 йилда ал-Мулло Али ал-Ўзбек, 1119/1707-08 йилда ал-Ҳожи Аҳмад ибн Иброҳим ал-Ўзбек тайинланган. 1126/1714 йилда ал-Қуддусдаги ўзбек жамоасининг бир неча вакили шаҳар қозисининг олдига келиб, уларнинг хонақоҳида шайх ҳам, мутаваллий ҳам йўқлиги ҳақида арз қилиб бу лавозимларга Мустафо ибн Муҳаммад ал-Ўзбекини тайинлашни илтимос қилганлар. Қози уларнинг истагини адо этган. 1147/1734-35 йилда хонақоҳнинг нозир этиб қози Муҳаммад ибн Абд ар-Ра'уф ан-Нақшбандий тайинланган. 1149/1736–37 йилда хонақоҳнинг шайхи ва мутаваллийси вазифасини Абдуллоҳ ибн Ҳошим, ундан кейин эса Муҳаммад Шариф бажарди. У 1155/1742-43 йилда вафот этгандан сўнг, унинг ўрнига Муҳаммад ал-Ўзбеки тайинланди. 1176/1762-63 йилда хонақоҳнинг шайхи вазифасини Муҳаммад ибн Абдуллоҳ бажарган, 1180/1766-67 йилда эса, унинг ўзи мутаваллий ва нозир этиб тайинланган.

Хонақоҳ шайхини «ан-Нақшбандийа жойнамозининг (ас-сажод) шайхи», «ўзбек сайидларининг шайхи» ва «ан-Нақшбандийа мусофирхонасининг шайхи» деб атаганлар, кейинчалик бу унвонга сазовор бўлган шахс нафақат маънавий масалалар билан шуғулланган, балки вақф ва мусофирхона мутаваллийси ва нозир вазифаларини ҳам бажарган. Хусусан, Шох Бобо ибн Шох Ниёз ал-Ўзбеки (1195/1780-81 йилда вафот этган), 1196/1781-82 йилда эса унинг шоғирди ад-Дарвиш Абд ар-Расул ал-Бухорий (1200/1785-86 йилда вафот этган) ан-Нақшбандийа жойнамозининг шайхлари бўлганлар. XVIII

асрининг охиридан бошлаб шайх вазифаси олдингидан кўра давомли бўлган. Хусусан, ал-Ўзбекиёна хонақоҳининг шайхи этиб тайинланган Абдуллоҳ ибн Муҳаммад ал-Ўзбекиё бу вазифани умрининг охиригача бажариб, 1217/1802-03 йилда вафот этган. Ундан кейин хонақоҳ шайхи этиб Муҳаммад ибн Муҳаммад ал-Ўзбекиё тайинланган ва у ҳам бу вазифани умрининг охиригача бажариб, 1225/1810 йилда вафот этган. Шу сингари Ҳасан ибн

Муҳаммад ал-Ўзбекиё ҳам шайх этиб тайинланган ва ўз вазифасини умрининг охиригача бажарган.

1250/1834-35 йилда ал-Қуддус шаҳри маҳкамасининг қайдларида илк бор шайх Ёқуб ибн Солиҳ ал-Бухорий зикр этилган. 1253 йилнинг шаввол/1838 йилнинг январь ойида у ёши балоғатга етмаган Ҳусайн ибн Ҳасан ал-Ўзбекиёнинг олдинги васийининг ўрнига васий этиб тайинланган. Шундан бошлаб хонақоҳда шайх Ёқуб ва унинг авлодларининг нуфузи кучая бошлаган. Дастлаб унга хонақоҳнинг хўжалик ишларини бошқариш топширилган, 1253 йилнинг зу-л-ҳижжа/1838 йилнинг февраль-март ойида эса, у шайх Ҳасаннинг бева қолган хотинига уйланган. 1257/1841-42 йилда хонақоҳнинг шайхи вазифасини Муҳаммад ал-Бухорий бажарган, ундан кейин эса бу вазифани яна шайх Ёқубнинг ўзи эгаллаган. 1271/1854-55 йилда шайх Ёқуб вафот этгандан сўнг, унинг Муҳаммад Солиҳ ва Рашид исмли балоғат ёшига етмаган ўғилларига шайх Қосим ал-Бухорий ал-Ўзбекиё васий этиб тайинланган. Қосим ал-Ўзбекиё хонақоҳ шайхи вазифасини Рашид вояга етгунча бажарган. Ундан кейин шайх унвони Рашидга ўтган. 1315/1897-98 йилда ал-Қуддусдаги ўзбек ва афғон сўфийлари ўртасида бўлиб ўтган низо вақтида шайх Рашид ҳалок бўлган. Унинг ўғли Ёқуб отасининг ўрнига хонақоҳ шайхи этиб тайинланган. Кенжа шайх Ёқуб 1375/1955-56 йилда вафот этган ва хонақоҳнинг боғида дафн этилган. Шундан сўнг унинг Мусо исмли ўғли хонақоҳнинг шайхи этиб тайинланган, у 1370/1950-51 йилда ал-Қуддус, Рамаллоҳ ва Байт Лаҳм шаҳарларининг маҳкамасида котиб бўлиб ишлаган, кейин эса Ариха шаҳрининг маҳкамасига қози этиб тайинланган. У умрининг охиригача шу лавозимда ишлаган, 1393/1973-74 йилда вафот этгач, отасининг қабри ёнида дафн этилган. Ундан кейин хонақоҳ шайхи лавозими бир неча йил бўш турган, сўнг бу лавозимни унинг Абд ал-Азиз исмли ўғли эгаллаган, у бу вазифани ҳозиргача адо этиб келмоқда.

Қарийб 400 йил олдин ал-Қуддус шаҳрида асос солинган ва ҳозиргача мавжуд бўлган ал-Ўзбекиёна номли сўфийларнинг хонақоҳи ҳақидаги ушбу маълумот Ўзбекистон ва, умуман, Ўрта Осиё тарихи учун катта аҳамиятга эга. Айниқса, ал-Ўзбекиё нисбаси диққатга сазовор. Ёзма манбаларнинг шоҳидлик беришича, ватанидан йироқда яшаган Ўрта Осиёликлар ўзларининг келиб чиққан ери номидан ясалган нисбаларни ишлатганлар: ал-Бухорий, ас-Самарқандий, ал-

Балхий, ал-Фарғоний, ал-Андижоний, ал-Тошкандий ва ҳ.к. Айрим шахслар минтақанинг умумий номини англатувчи нисбаларга эга бўлганлар: ат-Туркистоний. Бизнингча, Фаластинда яшаган Ўрта Осиёлик ватандошларнинг ал-Ўзбекиё нисбаси ҳам уларнинг Дашти Қипчоқдан келган этник ўзбек қабилаларига ёки уларнинг ҳукмрон сулоласининг оиласига мансублигини эмас, балки уларнинг, умуман, Ўрта Осиёдан келиб чиққанлигини билдирган. Бошқа сўзлар билан айтганда, XVI – XVIII асрларда ал-Ўзбек – «Ўзбек» атамаси «Туркистон» атамасининг синоними сифатида Ўрта Осиёнинг умумий номи сифатида ишлатилган.

Бунинг тасдиғи сифатида XVI – XVIII асрларда Фарбий Европа ва Россияда чизилган тарихий хариталар ва глобуслар хизмат қилиши мумкин. Уларда бутун Ўрта Осиё ҳудудлари Usbek (Usbec, Usbeck, VsbeK), Usbekia (Usbechia), унинг баъзи қисмлари эса Usbek Bucharia, Usbek Bochara, Usbek Chowaresmia, Usbek Mawaralnahra, Usbek Turkistan, Usbek Turan, Usbek Tartaria, Usbek Zagatay деб белгиланган. Айниқса, юнон сайёҳи ва картографи Василио Вататзи (1732) нинг харитаси диққатга сазовор бўлиб, унда Сирдарёнинг ўрта ва қуйи оқими ҳавзаси Tourkistan, яъни Туркистон, Орол денгизидан Помир тоғларигача чўзилган Амударё ҳавзаси эса Özbekistan, яъни Ўзбекистон деб кўрсатилган. Бу ва ўрта асрларда чизилган бошқа бир қатор хариталардаги маълумотлар шундан далолат берадики, «Ўзбекистон» атамаси унинг лотин тилидаги эквиваленти «Uzbekia» каби тарихий асосга эга бўлган ва ўрта асрлардаги Европа картографиясининг тарихий-географик аънаси ва ижтимоий-сиёсий атамашунослигидан ўзлаштирилган.

XVI – XVIII асрларда Usbek (Usbekia, Usbekistan) атамаси Ўрта Осиёга нисбатан ишлатилган бўлса, XIII – XV асрларда Олтин Ўрда ва Дашти Қипчоққа нисбатан ишлатилган. Хусусан, XIII асрнинг биринчи ярмида Хитой, Ҳиндистон ва Ироқ подшоҳлари билан бир қаторда Ўзбек мамлакатининг подшоҳи қайд этилган. Амир Темур ҳузурига Жете ва Ўзбек мамлакатларидан элчилар келган. Форс тилида ижод қилган Ҳукмий исмли шоирнинг 977/1569-70 йилда Эронда шеърини услубда ёзилган «Шаҳристон» номли географик асаридан келтирилган маълумотга кўра, ўзбеклар мамлакатини ёки Ўзбекистон Румдан шарқда Хитойгача, шимолда эса, булғорлар ва руслар мамлакатигача чўзилган. Деҳли шаҳрида Шоҳ Жаҳон ва Аврангзеб саройида бўлган француз элчиси «Ўзбекистон» атамаси остида Ўрта Осиёни назарда тутган, Самарқанд ва Балх хонлиқларини эса «ўзбек татарлари» деб атаган.

Сиёсий ҳокимият эгалари бўлган Дашти Қипчоқ ўзбеклари Ўрта Осиёда XVI асрдан бошлаб деҳқончилик билан шуғулланган маҳаллий ўтроқ ва шаҳарларда яшаган туркий тилли аҳолининг юксак маданиятини қабул қилганлар. XVI – XVIII асрларда уларнинг худуди, ёзма адабий тили ва маданияти бир бўлган. Шунинг учун ўша даврнинг сиёсий хариталари ва глобусларида уларнинг мамлакатини Usbeck, Usbekia ва Özbekistan деб кўрсатилган. Фаластинда яшаган Ўрта Осиёлик сўфийларнинг ал-Ўзбекиё нисбаси ҳам буни тасдиқловчи далиллардан биридир.

Форс тилида ижод қилган Ҳукмий исмли шоирнинг 977/1569-70 йилда Эронда шеърини услубда ёзилган «Шаҳристон» номли географик асаридан келтирилган маълумотга кўра, ўзбеклар мамлакатини ёки Ўзбекистон Румдан шарқда Хитойгача, шимолда эса, булғорлар ва руслар мамлакатигача чўзилган.

Обитель Ал-Узбекийя в Иерусалиме

Башир БАРАКАТ

Шамсиддин КАМОЛИДДИН

В мусульманской части Иерусалима к юго-западу от дороги Муджахидов и к западу от ворот ал-Гаванима находится комплекс зданий аз-Завийа ан-Накшбандийя – средневековая ханака – обитель принадлежавшая суфиям ордена (тарикат) ан-Накшбандийя из Средней Азии. Обитель называется также аз-Завийа ал-Бухарийя – «Бухарская обитель» или аз-Завийа ал-Узбекийя – «Узбекская обитель». В обители сохранилась обширная библиотека, в которой наряду с вакфной грамотой этой обители, хранятся и другие документы, касающиеся истории основания, формирования и функционирования этой обители.

Обитель была учреждена на средства, выделенные в 1010/1602 г. Усман-беком ас-Суфи в размере 1000 золотых динаров, которые были переданы в качестве вакфа руководителям суфийского ордена ан-Накшбандийя. Усман-бек несколько раз вносил изменения в форму и условия этого вакфа. В 1029/1619-20 г. он пожертвовал обители в качестве вакфа мыловаренный завод в квартале Баб ал-Амуд, а также, посади деревьев на земле ас-Сарара, огород и дом в переулке ал-Гаванима. В 1030/1621 г. Усман-бек купил участок с посадками деревьев на земле ал-Бака'а, а в следующем году – огород в квартале христиан, и разделил все между своими потомками и вакфом обители ан-Накшбандийя. Он внес также некоторые другие поправки к условиям вакфа. Поэтому возникла необходимость составления нового текста вакфного документа, который был составлен в 1033/1623-24 г.

Ведение дел на одной половине вакфного имущества Усман-бек передал своему сыну Ибрахиму и его потомкам, а на второй половине вакфа – четырем факирам, т.е. суфиям из числа руководителей суфийского ордена ан-Накшбандийя, жившим в г. Иерусалиме. В 1029/1620 г. на территории комплекса обители в квартале ал-Мазбура была построена мечеть, а также кельи для проживания суфиев. Согласно надписи на каменной плите, расположенной внизу михраба этой мечети, «здание этой мечети отремонтировал и устроил странноприимный дом ан-Накшбандийя шайх Йа'куб ибн шайх Рашид ал-Бухари».

Духовной жизнью обители ан-Накшбандийя руководил шайх, который назначался верховным кадием Иерусалима. В документах сохранились имена некоторых шайхов, руководивших обителью в разные периоды времени. Так, в 1048/1638-39 г. шайхом обители был Талиб ибн Мухаммад ан-Накшбанди, 1051/1641-42 г. – ад-Дарвиш Мухаммад ибн Ауд Мухаммад ал-Бухари, в 1055/ 1645-46 г. – Али ибн шайх Сулайман ар-Руми, в 1063/1652-53 г. – ас-Сайид Мухаммад ал-Бухари, в 1069/1658-59 г. ад-Дарвиш Мухаммад

ибн Назар Мухаммад ал-Балхи.

В 1054/1644-45 г. мутаваллием вакфа обители ан-Накшбандийя был назначен Али ибн Сулайман ал-Бухари, в 1060/ 1650 г. – ал-Мулла Йусуф ибн Увайс Кули ал-Бухари, затем шайх Хал Мухаммад ибн Али ан-Накшбанди, в месяце 1063/1652-53 г. – Мухаммад ибн Абд Аллах, а затем ас-Сайид Ибрахим. В 1064/1653-54 г. шайхом и мутаваллием обители был назначен Абд ал-Латиф ибн Салих ал-Узбеки, в 1069/1658-59 г. – ад-Дарвиш Мухаммад ибн Назар Кули, в 1071/1660-61 г. – Мухаммад ибн Абд ан-Наби ал-Балхи, в 1077/1666-67 г. – Мухаммад ибн Дост Мухаммад ал-Узбек. В 1086/1675-76 г. мутаваллием обители вновь был назначен ад-Дарвиш Мухаммад ан-Накшбанди, в 1112/1700-01 г. – ал-Мулла Али ал-Узбек, в 1119/1707-08 г. ал-Хаджи Ахмад ибн Ибрахим ал-Узбек. В 1126/1714 г. группа людей из узбекской общины отправилась к кадию с жалобой на отсутствие в обители и шайха, и мутавалли, и просили назначить на эти должности Мустафа ибн Мухаммада ал-Узбеки. Кадий исполнил их пожелание. В 1147/1734-35 г. смотрителем обители был назначен кадий Мухаммад ибн Абд ар-Ра'уф ан-Накшбанди. В 1149/1736-37 г. шайхом и мутаваллием обители был Абд Аллах ибн Хашим, а после него Мухаммад Шариф, который занимал эту должность до своей смерти в 1155/1742-43 г., после чего на его место был назначен Мухаммад ал-Узбеки. В 1176/1762-63 г. шайхом обители был Мухаммад ибн Абд Аллах, который в 1180/1766-67 г. был назначен также на должность мутавалли и смотрителя.

Шайх обители назывался также «шайх молитвенного ковра (ас-саджжада) ан-Накшбандийя», «шайх узбекских саййидов» и «шайх странноприимного дома ан-Накшбандийя», и в последующем это звание присуждалось одному человеку, занимавшемуся не только духовными вопросами, но также управлением и контролем за вакфом и странноприимным домом. Так, шайхом молитвенного ковра ан-Накшбандийя был назначен Шах Баба ибн Шах Нийаз ал-Узбеки (ум. в 1195/1780-81 г.), а в 1196/1781-82 г. его последователь ад-Дарвиш Абд ар-Расул ал-Бухари (ум. в 1200/1785-86 г.). Начиная с конца XVIII в. должность шайха становится фактически пожизненной. Так, Абд Аллах ибн Мухаммад ал-Узбеки, назначенный шайхом обители ал-Узбекийя, занимал эту должность до своей кончины в 1217/1802-03 г., затем шайхом обители был назначен Мухаммад ибн Мухаммад ал-Узбеки, который выполнял свою обязанность до своей смерти в 1225/1810 г. Так же, Хасан ибн Мухаммад ал-Узбеки был назначен шайхом обители и занимал эту должность до конца своей жизни (1251/1835-36 г.).

В записях муниципального суда Иерусалима в 1250/1834-35 г. впервые упоминается шайх Йа'куб ибн Салих ал-Бухари. В месяце шаввал 1253/январе 1838 г. он был назначен опекуном несовершеннолетнего Хусайна ибн Хасана ал-Узбеки после смещения прежнего опекуна. Это было началом усиления влияния шайха Йа'куба и его потомков в обители. Сначала он управлял делами

В мусульманской части Иерусалима к юго-западу от дороги Муджахидов и к западу от ворот ал-Гаванима находится комплекс зданий аз-Завийа ан-Накшбандийя – средневековая ханака – обитель принадлежавшая суфиям ордена (тарикат) ан-Накшбандийя из Средней Азии.

обители по поручительству, а в месяце зу-л-хиджа 1253/феврале-марте 1838 г. женился на вдове шайха Хасана. В 1257/1841-42 г. шайхом обители был Мухаммад ал-Бухари, но затем его место вновь занял шайх Йа'куб. После смерти шайха Йа'куба в 1271/1854-55 г. шайх Касим ал-Бухари ал-Узбеки был назначен опекуном несовершеннолетних Мухаммад Салиха и Рашида, сыновей шайха Йа'куба. Касим ал-Узбеки служил шайхом обители до тех пор, пока не вырос Рашид, после чего звание шайха перешло к нему. Шайх Рашид был убит в 1315/1897-98 г. во время конфликта между двумя суфийскими обителями Иерусалима – узбекской и афганской. Шайхом обители был назначен его сын Йа'куб. Шайх Йа'куб Младший скончался в 1375/1955-56 г. и был похоронен в саду обители. Затем шайхом обители был назначен его сын Муса, который в 1370/1950-51 г. служил секретарем в муниципальном суде Иерусалима, Рамаллаха и Байт Лахма, а затем кадием в суде г. Ариха. Он работал на этой должности до своей кончины в 1393/1973-74 г. и был похоронен около могилы своего отца. Затем несколько лет должность шайха обители оставалась свободной, после чего ее занял его сын Абд ал-Азиз, который продолжает исполнять свою обязанность до настоящего времени.

Настоящий материал о суфийской обители ал-Узбекийя, основанной около 400 лет назад в Иерусалиме и существующей до сих пор, имеет очень важное значение для истории Узбекистана и Средней Азии в целом. Особый интерес представляет нисба ал-Узбеки. Согласно письменным источникам, выходцы Средней Азии, оказавшиеся за пределами своей родины, имели нисбы по месту их происхождения: ал-Бухари, ас-Самарканди, ал-Балхи, ал-Фаргани, ал-Андиджани, ал-Ташканди и т.д. Некоторые имели нисбы, отражающие общее название региона: ат-Туркестани. На наш взгляд, нисба ал-Узбеки, которые имели выходцы из Средней Азии, жившие в Палестине, отражала не этническую принадлежность к узбекским племенам, происходившим из Дашт-и Кипчака или к семейству их правящей династии, а общее происхождение из Средней Азии. Другими словами, название ал-Узбек – «Узбек» означает общее название Средней Азии, которое употреблялось в XVI – XVIII вв. наряду с названием «Туркестан» в качестве его синонима.

Подтверждением этому могут служить исторические карты и глобусы, изготовленные в XVI – XVIII вв. в Западной Европе и России, на которых вся территория Средней Азии обозначена такими названиями, как Usbek (Usbec, Usbeck, Vsbek), Usbekia (Usbechia), а отдельные ее части, как Usbek Bucharia, Usbek Boshara, Usbek Chowaresmia, Usbek Mawaralnahra, Usbek Turkistan, Usbek Turan, Usbek Tartaria, Usbek Zagatay и т.п. Особый интерес представляет карта греческого путешественника и картографа Василио Вататзи (1732 г.), на которой весь бассейн верхнего и среднего течения Сырдарьи обозначен как страна Tourkistan, т.е. Туркестан, а весь бассейн Амударьи от Аральского моря до гор Памира – как страна Özbegistan, т.е. Узбекистан. Эти и многие другие средневековые карты свидетельствуют о том, что название «Узбекистан», как и его латинский эквивалент «Узбекия», имело

историческую основу и было заимствовано из общественно-политической терминологии и историко-географической традиции средневековой европейской картографии.

В XVI – XVIII вв. название *Usbek (Usbekia, Usbekistan)* употреблялось только в отношении Средней Азии, тогда как в XIII – XV вв. оно прилагалось к Золотой Орде и степям Дашт-и Кипчака. Так, в первой половине XIII в. наряду с царями Китая, Индии и Ирака называется владетель страны Узбек. К Амиру Темуру приходили послы из Джете и Узбека. По данным географического сочинения «Шахристан» персоязычного поэта Хукми, написанного в стихах в 977/1569-70 г. в Персии, страна узбеков, или Узбекистан, простирается от Рума до Китая на восток, и до страны болгар и русских на север. Французский посол, находившийся при дворе Шах-Джахана и Аурангзеба в Дели, под названием «Узбекистан» подразумевает Среднюю Азию, а ханов Самарканда и Балха называет «узбекскими татарами».

Дашти-кипчацкие узбеки, начиная с XVI в. были политическими хозяевами Средней Азии и, приняв культуру местного тюркского оседло-земледельческого и городского населения Средней Азии, рассматривались в качестве правопреемников и продолжателей государственных традиций Темуридов и более ранних тюркских династий. В XVI – XVIII вв. у них были единая территория, письменный литературный язык и культура. Поэтому на политических картах и глобусах того времени их страна обозначалась как *Usbeck, Usbekia* и *Özbegistan*. Подтверждением этому является нисба ал-Узбеки, которую имели выходцы из Средней Азии, жившие в Палестине.

Cloister of Uzbek sufis in Jerusalem

Bashir BARAKAT
Shamsiddin KAMOLIDDIN

In the Muslim part of Jerusalem located in the south-west from Mudjahideen road and the west from al-Ghawanima gate there is a complex of buildings az-Zawiya an-Naqshbandiyya – a medieval cloister (khanaka) owned by Sufis of An-Naqshbandiyya Order (tariqat) from the Central Asia. The cloister is also called az-Zawiya al-Buhariyya - "Bukhara cloister" or "az-Zawiya al-Uzbekiyya" - "Uzbek cloister." In the cloister there is extant extensive library, which, along with waqf diploma of the cloister, contains other documents relating to the history of foundation, formation and functioning of the cloister.

The cloister was established with funding made in 10/10/1602 by 'Uthman Bek as-Sufi in amount of 1000 gold dinars, which were handed to the leaders of Sufi Order Al-Naqshbandiyya as a waqf. 'Usman Bek repeatedly changed the form and terms of the

Особый интерес представляет карта греческого путешественника и картографа Василио Вататзи (1732 г.), на которой весь бассейн верхнего и среднего течения Сырдарьи обозначен как страна Tourkistan, т.е. Туркестан, а весь бассейн Амударьи от Аральского моря до гор Памира – как страна Özbegistan, т.е. Узбекистан.

waqf. In 1029/1619-20, he donated to the cloister as a waqf a soap factory in Bab al-'Amud district, planting trees on as-Sarara land, a vegetable garden and a house in al-Ghawanim lane. In 1030/1621 'Usman Bek bought a land with planting trees on al-Baka'a land, and next year - a vegetable garden in the quarter of Christians, and shared between all his descendants and waqf for an-Naqshbandiyya cloister. He also made some other amendments to the regulations of the waqf. Therefore there was need to establish a new text of waqf document, which was compiled in 1033/1623-24.

'Uthman Bek gave prosecution of the business with one half of the waqf property to his son Ibrahim and his descendants, and for the second half of the waqf it given to four faqirs, i.e. Sufis from leaders of the Sufi Order an-Naqshbandiyya, who lived in Jerusalem. In 1029/1620, on the territory of the cloister's complex in the district of al-Mazbur a mosque and living cells for Sufis were built. There is following inscription on a stone slab at the bottom of the mihrab of the mosque, "The building of this mosque was repaired and built as a hospice of an-Naqshbandiyya by Sheikh Ya'qub ibn Sheikh Rashid al-Bukhari."

Spiritual life of an-Naqshbandiyya cloister was led by the shaikh, who was appointed by the Supreme Ghadi of Jerusalem. In documents there are names of some shaikhs who led the cloister in different periods of time. Thus in 1048/1638-39, Shaikh of the cloister was Muhammad ibn Talib an-Naqshbandi, in 1051/1641-42 - ad-Darwish Muhammad ibn 'Aud Muhammad al-Bukhari, in 1055/1645-46 - 'Ali ibn Shaikh Sulayman al-Rumi, in 1063/1652-53 - as-Sayyid Muhammad al-Bukhari, in 1069/1658-59 ad-Darwish Muhammad ibn Nazar Muhammad al-Balkhi.

The economic and financial affairs of the cloister's waqf were led by a mutavalli (assistant manager) and Nazir (caretaker). Till the middle of the XVII century these positions were occupied by 'Uthman Bek as-Sufi and his descendants. But then management of the cloister's affairs was taken over by immigrants from the Central Asia. In 1054/1644-45 'Ali ibn Sulayman al-Bukhari was appointed as a mutawalli of the cloister's waqf, in 1060/1650 - al-Mulla Yusuf ibn Uwais Kuli al-Bukhari, then Sheikh Khal Muhammad ibn 'Ali an-Naqshbandi, in 1063/1652-53 - Muhammad ibn 'Abd Allah, and then al-Sayyid Ibrahim. In 1064/1653-54 as the sheikh and Mutawalli of the cloister was named 'Abd al-Latif ibn Salih al-Uzbeki, in 1069/1658-59 - al-Darwish Muhammad ibn Nazar Kuli, in 1071/1660-61 - Muhammad ibn 'Abd an-Nabi al-Balkhi, in 1077/1666-67 - Muhammad ibn Dost Muhammad al-Uzbek. In 1086/1675-76 - al-Darwish Muhammad an-Naqshbandi was re-appointed as a Mutawalli of the cloister, in 1112/1700-01 - al-Mulla 'Ali al-Uzbek, in 1119/1707-08 - al-Hajj Ahmad ibn Ibrahim al-Uzbek. In 1126/1714, a group of people from Uzbek community went to Cadi with complains about lack of the cloister's Sheikh and mutavalli and asked him to appoint Mustafa ibn Muhammad al-Uzbeki to these positions. Cadi fulfilled their wish. In 1147/1734-35 - cadi Muhammad ibn 'Abd al-Ra'uf an-Naqshbandi was the named as a caretaker of the cloister. In 1149/1736-37, as sheikh and Mutawalli of the cloister

was named 'Abd Allah ibn Khashim, followed by Muhammad Sharif, who occupied this position until his death in 1155/1742-43, after which his place was taken up by Muhammad al-Uzbeki. In 1176/1762-63, the Sheikh of the cloister was Muhammad ibn 'Abd Allah, who in 1180/1766-67 was appointed to the position of caretaker and mutavalli.

Sheikh of the cloister was also called "Sheikh of the prayer rug (as-sadzhada) of an-Nakshbandiyya", "Sheikh of Uzbek sayyids" and "Sheikh of an-Nakshbandiyya hospice" and later the title was awarded to one person, who was engaged in not only spiritual matters, but also in management as well as control of waqf and hospice. So, Shah Baba ibn Shah Niyaz al-Uzbeki (died in 1195/1780-81) was appointed as the sheikh of prayer rug of an-Nakshbandiyya, and in 1196/1781-82 the position was occupied by his successor al-Darwish 'Abd ar-Rasul al-Bukhari (died in 1200/1785-86). Since late XVIII century position of Sheikh became actually lifelong. Thus, 'Abd Allah ibn Muhammad al-Uzbeki, appointed by Sheikh of al-Uzbekiyya cloister, occupied that position until his death in 1217/1802-03, then sheikh of the cloister was named Muhammad ibn Muhammad al-Uzbeki, who performed his duty till his death in 1225/1810. In the same way Khasan ibn Muhammad al-Uzbeki was appointed to Sheikh of the cloister and held this position till end of his life (1251/1835-36)

In the records of the Municipal Court of Jerusalem of 1250/1834-35 there is first mentioning of Sheikh Ya'qub ibn Salih al-Bukhari. In the month of shavval 1253/January 1838 he was appointed as a tutor of the minor Khusayn ibn Khasan al-Uzbeki after dismissal of the former tutor. This was the beginning of growing influence of Sheikh Ya'qub and his descendants in the cloister. At first, he was handling the cloister's affairs under guarantee, and in the month of zu-l-Hijjah 1253/February-March 1838 he married the widow of Shaikh Hasan. In 1257/1841-42, Shaikh of the cloister was Muhammad al-Bukhari, but then his place again was taken by Sheikh Ya'qub. After Sheikh Ya'qub's death in 1271/1854-55, the Shaikh Hasim al-Bukhari al-Uzbeki was appointed as a tutor of minors Muhammad Salih and Rashid, sons of Shaikh Ya'qub. Qasim al-Uzbeki served as Shaikh of the cloister as long as Rashid grew up, then the title of Sheikh passed to him. Shaikh Rashid was killed in 1315/1897-98 during conflict between two Sufi cloisters of Jerusalem - Uzbek and Afghan. He had five daughters and one son Ya'qub, who was appointed as shaikh of the cloister instead of his father. Ya'qub Junior was educated at Madrasa al-Ma'muniya and served in the Ottoman army. He was then appointed Director of the Islamic Museum of al-Aqsa mosque and was one of the founders of the Muslim Brotherhood movement in Jerusalem. Shaikh Ya'qub Junior died in 1375/1955-56, and was buried in the cloister's garden. Then Shaikh of the cloister became his son Musa. He was educated at the college of Raudat al-Ma'arif, then studied at the Islamic University of Al-

Particular interest represents the map of a Greek traveler and cartographer Vatzzi Vasiliou (1732), where the whole basin of upstream and middle stream of Syr Darya River is designated as the country of Tourkistan, i.e. Turkistan, and the entire Amu Darya River basin from Aral Sea up to Pamir Mountains - as a country of Özbekistan, i.e. Uzbekistan

Azkhari in Egypt and graduated in 1358/1939-40. After the Israeli occupation of Palestine in 1948, he worked as a teacher in Islamic madrasa of Dar al-Aytam in Damascus. Then he returned to Jerusalem and in 1370/1950-51 was appointed to secretary of the Municipal Court in Jerusalem, Ramallah and Bayt Lakhm, and then to Qadi in the court of Arikha. He worked in this position until his death in 1393/1973-74, and was buried near his father's grave. Then for a few years the post of Shaikh of the cloister remained vacant, after which it was occupied by his son 'Abd al-'Aziz, who continues to perform his duty to the present.

This material about Sufi cloister al-Uzbekiyya founded about 400 years ago in Jerusalem, and still exists today, is very important for the history of Uzbekistan and the Central Asia. The nisba al-Uzbeki represents a particular interest, which indicates ethnicity of its

owners to Turkic tribes of Dasht-i Kipchak, founded in the XVI century in the Central Asian state of Shaybanids. Other sources of that time do not contain this nisba. Persian language dominated in writing tradition of the Central Asia during Shaybanids' ruling. In scientific and religious circles they used nisbas, formed according to the place of birth or residence, as well as trade and religion. Uzbek rulers and subordinate them Dashti-Kipchak tribes who owned the political power in the region, sought to separate themselves from the local population and by adopting the cultural heritage of the Timurids, joined to high culture of the local population. Therefore, the sources of that time, written in the Central Asia, do not contain the nisbas, indicators of ethnic origin of Uzbeks. The Central Asian residents, who found themselves outside of their homeland, had nisbas according to the place of origin: al-Bukhari, al-Samarqandi, al-Balkhi, al-Fargani, al-Andijani, al-Tashkandi etc. Some people had the nisba, reflecting the common name of the region: al-Turkistani. In our opinion, the nisba al-Uzbeki, which belonged to native of the Central Asia who lived in Palestine, reflected not the ethnicity of the Uzbek tribes came from the Dasht-i Kipchak or family of the ruling dynasty, but a common origin from the Central Asia. In other words, the name of al-Uzbek - "Uzbek" is a common name of the Central Asia, which was used in the XVI - XVIII centuries along with the name of "Turkistan" as its synonym.

The confirmation of this is the historical maps and globes, made in the sixteenth - eighteenth centuries in Western Europe and Russia, where the entire territory of the Central Asia is marked with names like Usbek (Usbec, Usbeck, Vsbeq), Usbekia (Usbechia), and some of its parts, as Usbek Bucharia, Usbek Bochara, Usbek Chowaresmia, Usbek Mawaralnahra, Usbek Turkistan, Usbek Turan, Usbek Tartaria, Usbek Zagatay etc. In other words, these names are not used as a toponym, that is, the name of a political entity - state or country. Particular interest represents the map of a Greek traveler and

cartographer Vatzzi Vasilio (1732), where the whole basin of upstream and middle stream of Syr Darya River is designated as the country of Tourkistan, i.e. Turkistan, and the entire Amu Darya River basin from Aral Sea up to Pamir Mountains - as a country of Özbekistan, i.e. Uzbekistan. These and many other medieval maps indicate that the name "Uzbekistan", like its Latin equivalent of "Uzbekia" had historical basis and was borrowed from the socio-political terminology, historical and geographical traditions of medieval European cartography.

Toponyms Usbeck and Usbekia are Latin equivalents of contemporary local name of the country of Uzbeks - Özbekistan, recorded in the Greek map, which was used in the sixteenth - eighteenth centuries and designated the territory of the centralized states of Shaybanids and Ashtarkhanids, subsequently broken into several Uzbek khanates with centers in Bukhara, Khiva, Kokand and Balkh. This name was successor and synonym of more ancient toponym Turkistan which meant the Central Asia. It is confirmed by the historian and geographer from Balkh Mahmud ibn Wali (XVII c.): "The people of Turkistan in every age had a special name and nickname. Thus, since Tura ibn Yafas until Moghul Khan, people of that country were called Turks. After establishment of Moghul Khan's power every tribe inhabited in this country was called as moguls. After raising the banner of sovereign Uzbek Khan and to this day the people of this country are called Uzbeks. However, in some countries as before, all the inhabitants of Turan are called Turks." Consequently, ethnotoponym "Uzbekistan", as well as other ethnotoponym "Turkistan", already in the XVI - XVIII centuries had a unifying political significance for all related peoples of the Central Asia.

In the XVI - XVIII centuries name Usbek (Usbekia, Uzbekistan) was used only in respect of the Central Asia, whereas in XIII - XV centuries it was used concerning the Golden Horde and the steppes of Dasht-i Kipchak. Thus, in early XIII century Uzbek ruler of the country was mentioned along with kings of China, India and Iraq. Amir Temur received ambassadors from Dzhete and Uzbek. According to the geographical composition "Shahristan" by Persian-speaking poet Khukmi, written in verse in 977/1569-70 in Persia, the country of Uzbeks or Uzbekistan extends from Rum till China in the East, and till the country of Bulgars and Russians to the North. French ambassador, who was at the court of Shah Djahan and Awrangzeb in Delhi, under "Uzbekistan" implied the Central Asia and called khans of Samarqand and Balkh as "Uzbek Tartars."

Dasht-i-Kipchak Uzbeks since the sixteenth century were political rulers of the Central Asia and accepted the local culture of the Turkic settled agricultural and urban populations of the Central Asia. They were considered as successors and followers of state traditions of Timurids and earlier Turkic dynasties. In the XVI - XVIII centuries they had entire territory, written literary language and culture. Therefore, the political maps and globes of that time their country was designated as Usbeck, Usbekia and Özbekistan. Proof of this is the nisba al-Uzbeki, which belonged to those who originated from the Central Asia and lived in Palestine.

Дарвиш Али Чангийнинг музикарий рисоласи

Бахтиёр АШУРОВ

XVI

асрнинг охири ва XVII асрнинг бошларида Бухорода яшаб ижод этган музикашунос аллома, мохир созанда ва хонанда Дарвиш Али Мирзаолий Чангий оиласида таваллуд топган.

Дарвиш Али илк сабоқни отасидан олган. Сўнг унга ўз даврининг таниқли музика намояндалари "Жаноби Мавлоно Хусайн Гурбанинг устоз ва мавлоно сифатидаги ниҳоясиз лутфлари" тушадди, сўнг Жаъфар Қонуний, Алидўст Нойий, Хофиз Миракийлар устозлик қилганлар.

Дарвиш Али Чангий буюк музикачи сифатида Абдуллоҳхон, Абдулмўминхон, Исфандиёр султон ҳамда Боқий Муҳаммадхон ва Имомқулихон саройларида меҳтарлик лавозимида фаолият олиб борган. Узининг 980/1572-73 йилда ёзган "Рисолаи музикарий" асарининг илк нусхасини айнан Абдуллоҳхонга бағишлайди. Дарвиш Али Чангий шайбонийлардан сўнг Боқий Муҳаммадхон саройида музикачи сифатида қадр топган. Мутрибий Самарқандийнинг "Тазкират уш-шуаро" асарида Дарвиш Али Чангий борасида қуйидаги маълумот келтирилган: "Бир муддат Исфандиёр султон мулозаматида бўлган. Ҳозир эса бир минг ўн учинчи(1013/1604) сананинг ойларида замон соҳибқирони, фалакларни сайр қилувчи зот Боқий Муҳаммадининг, унинг мулки абадий бўлсин, рикобида мулозимдир".

Дарвиш Али Чангийнинг ўзи бундай ёзади: "Мен қирқ йилча меҳтар бўлганман, ундан ўн саккиз йилини Андижонда, тўрт йилини Кешда, ўн йилини Балхда, саккиз йилини Бухорода ўтказдим".

Дарвиш Али Чангий яшаган даврда Хивада Арабшоҳлар сулоласининг вақилларидан Исфандиёр I (1623-1643) давлатни бошқарган. Агар Мутрибийнинг хабаридаги Исфандиёр султонни Хива хони деб тушунадиган бўлсак, Дарвиш Али Чангий Хивага бориб бир оз муддат Хивада ҳам фаолият олиб борган бўлиб чиқади. Агар шундай бўлса, "Хоразм Танбур чизиги" китоби муаллифларининг: "Хоразм музикашунослари қўлида илми музикага оид асарлар, хусусан, Дарвиш Алининг рисоласи истеъмолда бўлганини тасдиқловчи ёзма манбалар мавжуд", деган қайдлари тўғри бўлиб чиқади. Демак, Хоразм музикашунослари Дарвиш Али Чангий асарлари билан XIX ёки XX асрларда эмас, балки ундан анча олдинроқ – XVII асрдаёқ танишганлар, деган хулоса келиб чиқади.

Дарвиш Али Чангийнинг "Рисолаи музикарий" асари, юқорида айтилганидек, икки вариантда яратилган бўлиб, у мазмун жиҳатидан икки қисмга бўлинади. Музиканинг назарий масалаларига бағишланган қисм ва муаллиф яшаган давргача яшаган музикачи, созанда ва хонандалар тазкираси. Асарнинг илк варианты, юқорида зикр этилганидек, 1572-73 йилда шайбоний Абдуллоҳхон II га бағишланган. Иккинчи, унинг тўлдирилган, қайта ишланган нашри эса, 1611-1642 йилларда хонлик қилган аштархоний Имомқулихонга атаб ёзилган. Биринчи вариант муқаддима ва беш бобдан иборат. Иккинчи вариант ўрта асрларда машҳур бўлган ўн икки мақомга аталиб, ўн икки бобга кўпайтирилган. Ҳар икки вариантда муқад-

дима ва аввалги беш боб бир-бирига жуда ўхшаш.

Рисоланинг тўлиқ таркибий тузилиши қуйидагича баён этилади:

"Билгинки, ушбу рисола беш бобни қамраб олган. Аввалги боб ўн икки мақом, йигирма тўрт шўъба ва олти овозга ҳамда уч ранг баёнидадир. Иккинчи боб ўн етти баҳр усули ва йигирма тўрт усул баёнида. Учинчи боб қор, қавл, амал, пешрав, савт, нақш, рехта, сажъ, зарбайнларни таниш баёнида. Тўртинчи боб танбура, чанг, най, қонун, уд, барбат, рубоб, қўбуз, ғижжак, шамома, найабнон, чагона, руҳафзо, кунгура, ситор, ишратангиз, руд, арғанун, чиний, муганний созлари баёнида. Бешинчи боб бу подшоҳ, соҳибқирон даврида яшаган хушовоз ҳофизлар, ушбу сара бўстоннинг устозлари баёнида. Уларни шуҳратига қараб зикр қилинур".

Рисоланинг хотимасида муножот айтилади.

Хуллас, Дарвиш Али Чангийнинг "Рисолаи музикарий" асарларини қайта тиклаш, ундаги назарияни амалиётга татбиқ этиш долзарб масалалардан биридир. Зеро, бу манба бевосита ва билвосита Бухоро Шашмақомининг амалдаги кўринишидир. Чунки бу рисоаларнинг барча қисмларида келтирилган аниқ назарий масалалар, амалиётга боғлиқлик жиҳатлари тўлдирилиб, тушунчалар берилиши ўзбек музикаси тарихини ўрганишда асосий манба бўлиб хизмат қилади.

Трактат о музыке Дарвиша Али Чанги

Бахтиёр АШУРОВ

Теоретик музыки, талантливый музыкант и хафиз – певец Дарвиш Али, живший и творивший в конце XVI – начале XVII веков, родился в семье Мирзаолий Чанги.

Первые уроки музыки Дарвиш Али получил у отца, а впоследствии, его наставниками были известные мастера музыкального искусства того времени Мавлоно Хусайн Гурбани, Жаъфар Қонуни, Алидуст Нойи, Хофиз Мираки.

Дарвиш Али Чанги как известный музыкант служил во дворцах Абдуллахана, Абдулмуминхана, Исфандияр султана, Баки Мухаммадхана и Имомқулихана в должности руководителя-наставника (меhtar) музыкантов. Свое произведение "Рисолаи музикарий" ("Трактат о музыке"), написанное в 980/1572-73 году молодой ученый посвящает Абдуллахану. После Шейбанидов Дарвиш Али Чанги служит музыкантом во дворце Баки Мухаммадхана. Вот что писал о Дарвише Али Чанги Мутриби Самарканди в своем произведении "Тазкират уш-шуара": "Некоторое время он был на службе у Исфандияр султана. А ныне, в одна тысяча тринадцатом году (1013/1604) служит сахибқирану эпохи, великому Баки Мухаммаду".

О себе Дарвиш Али Чанги сообщает: "Около сорока лет я был устозом – предводителем музыкантов, из них восемнадцать лет провел в Андижане, четыре года – в Кеше, десять лет – в Балхе, восемь лет – в Бухаре".

В эпоху Дарвиша Али Чанги в Хиве государством правил Исфандияр I (1623-1643) – представитель династии Арабшахов. И если Мутриби упоминает именно его, то следует полагать что Дарвиш Али Чанги некоторое время работал и в Хиве. Возможно, на это ссылаются

Дарвиш Али Чангийнинг "Рисолаи музикарий" асарларини қайта тиклаш, ундаги назарияни амалиётга татбиқ этиш долзарб масалалардан биридир. Зеро, бу манба бевосита ва билвосита Бухоро Шашмақомининг амалдаги кўринишидир.

Восстановление трактата Дарвиша Али Чанги "Рисолай мусикий" и практическое внедрение его теории является одним из актуальных вопросов. Ибо, этот труд является непосредственным и предметным описанием Бухарского Шашмакома.

Restoration of the treatises by Ali Changi Darwish "Risolay Musik" and practical implementation of its theorists is one of the most pressing issues. Because this work is a direct and objective description of Bukhara Shashmaqom.

авторы книги "Хоразм Танбур чизиги" ("Танбурные ноты Хорезма") утверждая о наличии письменных источников, подтверждающих, что музыковеды Хорезма при составлении нот использовали труды Дарвиша Али Чанги не в XIX или XX веках, а намного раньше – уже в XVII веке.

Как было отмечено, трактат Дарвиша Али Чанги "Рисолай мусики" был написан в двух вариантах и по содержанию подразделяется на две части. Первая часть, посвящена теоретическим вопросам о музыке и содержит антологию живших до автора музыкантов, исполнителей и певцов. Первый вариант труда, как было отмечено выше, был написан в 1572-73 год и посвящен шейбаниду Абдуллахану II. Второй переработанный и дополненный вариант был создан в 1611-1642 годах и посвящен правившему в тот период аштарханиду Имамкулихану. Первый вариант состоит из введения и пяти глав. Второй вариант посвящен популярным в средние века двенадцати макомам и увеличен до двенадцати глав. В обоих вариантах введение и первые пять глав практически повторяют друг друга.

Полное структурное строение трактата автором описывается следующим образом:

"Трактат состоит из пяти глав. Первая глава – это описание двенадцати макомам, двадцати четырех частей, шести овоза и трех рангов. Вторая глава посвящена семнадцати ритмическим рисункам и двадцати четырем ритмам. Третья глава знакомит с музыкальными формами кор, кавл, амал, пешрав, савт, накш, рехта, саж, зарбайн. В четвертой главе дается описание таких музыкальных инструментов, как танбур, чанг, най, конун, уд, барбад, рубоб, кубуз, гижжак, шамома, найабнон, чагона, рухафзо, кунгура, сетор, ишратангиз, руд, арганун, чини, муганни. Пятая глава посвящена известным исполнителям и мастерам искусства музыки, жившим в эпоху этого правителя".

В заключении трактата приводится муножат – мольба о божьей милости.

Восстановление трактата Дарвиша Али Чанги "Рисолай мусики" и практическое внедрение его теории является одним из актуальных вопросов. Ибо, этот труд является непосредственным и предметным описанием Бухарского Шашмакома. Приводимые во всех главах обоснованные теоретические вопросы, дополненные практическими аспектами понятия могут служить основным источником в изучении истории узбекской музыки.

Treatises on music by Ali Changi Darwish

By Bakhtiar ASHUROV

A theorist of music, talented musician and hafiz - singer Ali Darwish, who lived and worked in the late XVI - early XVII centuries was born in the family of Mirzaoliy Changi .

The first music lessons Darwish Ali received from his father, and later, his mentors were such well-known masters of music of the time as Mavlon Husain Gurbani Zha'far Konuny, Alidust Noyi and Khofiz Miraki.

Ali Changi Darwish being a well-known musician served at the palaces of Abdullohnon, Abdulmuminhon, Isfandiyor Sultan, Baki

Muhammadhan and Imomkulihan as a head-coach (Mehtar) of musicians. His work "Risolay Musiqiy" ("Treatise on Music") written in 980/1572-1573 was devoted to Abdullahhan. After Sheibanids Ali Changi Darwish served as a musician at the palace of Baki Muhammadhan, who wrote about Ali Changi Darwish Mutribi Samarkandi in his "Tadhkirat ush-shuara" following: "For a while he was in the service of Sultan Isfandier. And now, in one thousand thirteen (1013/1604) he serves to Sakhbikiran of the era - the great Muhammad Baki".

Ali Changi Darwish wrote about himself: "About forty years I was ustoz - a leader of musicians, including eighteen years in Andijan, four years in Kesh, ten years in Balkh and eight years in Bukhara."

In his epoch Khiva was governed by Isfandiar I (1623-1643) - a representative of the Arabshakhs' dynasty. And if Mutribi mentions his name, it must be assumed that Ali Changi Darwish worked for some time in Khiva too. Perhaps it was referenced by authors of the book "Khorezm Tanbur chizigi" ("Khorezm tanbur notes") stating the availability of written sources, confirming that Khorezm musicologists composing the notes used works by Ali Changi Darwish not in XIX or XX centuries, but much earlier - already in the XVII century.

As noted, the treatise by Ali Changi Darwish "Risolay Musiqiy" was written in two versions and the content is divided into two parts. The first part devoted to theoretical questions on music and consists of the anthology of musicians, artists and singers lived before the author. The first version of the work, as noted above, was written in 1572-73 and dedicated to Sheibanid Abdullakhhan II. The second revised and expanded version was created in 1611-1642 and dedicated to the ruler of that time Ashtarhoni Imamkulihan. The first variant consists of an introduction and five chapters. The second variant is dedicated to popular in the Middle Ages twelve maqoms and increased up to twelve chapters. In the both variants the introduction and the first five chapters are almost repetitive.

The author described the full structure of the treatise as follows: "The treatise is divided into five chapters. The first chapter is a description of twelve maqoms, twenty-four chapters, six ovozoes and three rangs. The second chapter is devoted to seventeen rhythmic patterns and twenty-four rhythms. The third chapter introduces such music forms as kor, kavli, amal, peshrav, savi, naksh, rekhta, sadzh and zarbayn. The fourth chapter describes such musical instruments as tambour, chang, nai, konun, oud, barbad, rubob, kubuz, gijzhak, shamoma, nayabnon, chagona, ruhafzo, kungura, setor, ishrtangiz, ruod, arganun, chini and muganni. The fifth chapter is devoted to the well-known artists and masters of music art, who lived in the era of this ruler."

At the end of the treatise there is Munojot - a plea for God's mercy.

Restoration of the treatises by Ali Changi Darwish "Risolay Musik" and practical implementation of its theorists is one of the most pressing issues. Because this work is a direct and objective description of Bukhara Shashmaqom. Given in each chapter well-founded theoretical issues, supplemented by practical aspects of the concept can serve as a major source in the study of the history of Uzbek music.

Наманган яллагчилик анъаналари

Насиба ТУРГУНОВА

Ялла санъати дастлаб сарой маданиятида қарор топиб, кейинчалик халқ орасида ҳам ёйилган.

Наманган вилоятида ялла санъатининг ривожига Ачахон бешбелбоғнинг хизматлари катта бўлган. Ачахон бешбелбоғ деб номланишининг сабаби – у доим эркаклар кийимини кийиб, белига бешта белбоғни бирин-кетин боғлаган ва шу алфозда тўйларда дастурхончилик қилган. Наманган шаҳрининг Сумалак гузари маҳалласида яшаган Ачахон шу билан бирга, наманганлик ҳаваскор аёлларни жамлаб, уларнинг ижод қилишлари учун шароит яратиб бергани ҳамда ўзи ўтказган тўйларга, аёлларнинг базмларига олиб боргани маълум. Яллагчи аёллар тўй-томошаларда якка ёки уч-тўртта бўлиб иштирок этишган.

Шу ўринда “яллагчи” сўзига алоҳида тўхталиб ўтиш жоиз кўринади. Бу сўзнинг асоси “ялла” – ўзбек музыкасида мавжуд айтим жанрларининг бирини англатади. Аммо сўзнинг луғавий маъноси илмий жиҳатдан тўла аниқланмаган. “Ўзбек тилининг изоҳли луғати”да “ялла” (форс тилида “ялали”, “яллали”) хурсандчилик вақтларида рақс билан ижро этиладиган энгил ва шўх кўшиқ, ашула тарзида шарҳланади. Шундан келиб чиққан ҳолда, “ялла” сўзи муסיқашуносликда баъзан “рақсий айтим” ибораси (Ф.Кароматов) билан ҳам тавсифланади. Хуллас, яллаларни ижод этиб, уларни ижро этган аёлларга нисбатан “яллагчи” иборасини қўллаш одатий бўлиб қолган.

Яллалар дойра ва чолгу ансамбли жўрлигида яккахон ёки гуруҳ томонидан ижро этилади. Банд ва рақс яккахон, нақаротлар эса жўровозлар томонидан ижро этилади. Шу аснода яккахон билан жўровозлар навбатманавбат куйлайдилар. Намангандаги катта яллаларда эса ўйинларни алоҳида раққоса ижро этган.

Яллагчилик санъати ҳаваскор ҳамда касбий ижод тарзида намоён бўлган. Наманган яллаларини – халқ ижодига мансуб ва касбий муסיқага доир яллалар ташкил этади. Бунда биринчи қатлам халқ ижодига мансуб ялла ижрочилари – ҳаваскор аёллардир. Бу гуруҳни, асосан, хотинқизлар ташкил этиб, улар профессионал касбий яллагчи аёлларга тақ-

лид қилган ҳолда оилавий базмларда энгил, ўзига хос содда ва равон халқ айтимларини ижро этишлари билан ажралиб турадилар. Ҳаваскор аёллар репертуарида “Ўйнасин”, “Ўзи билса билсун”, “Омон ёр”, “Наҳори нашта”, “Дейди” каби яллалар ўрин олган. Уларнинг овоз доиралари катта яллаларни куйлашга имкон бермайди. Ҳаваскор ва касбий яллагчилар ижоди бир-биридан тубдан фарқланиб, касбий яллагчиларнинг ўзига хос устоз-шогирд анъанаси ва ижро хусусиятлари мавжуд бўлиб, бу айтимларнинг оҳанги, овоз диапазони ривожланганлиги, дойра зарбларининг мураккаблиги борасида алоҳида аҳмият касб этади. Касбий яллагчилар ялла ва кўшиқларни куйлаш билан бирга, кенг ҳажмли катта яллаларни ҳам ижро эта олади. Улар ўз имкониятларидан келиб чиқиб, яллаларда ўзига хос бадиҳагўйлик, қочирим нолаларни қўллаш биладилар.

Иккинчи қатламни эса касбий яллагчилар ташкил этади. Улар профессионал яллагчилар деб ҳам аталади. Касбий яллагчи деганда, яллагчилик санъатини ўзига касб қилиб олган, ижодига устоз-шогирд анъанасини давом эттирган, доимо халқ хизматида бўлган яллагчи аёллар тушунилади. Касбий яллагчилар устозлари билан биргаликда халқ сайилларида, тўй-томошаларда, байрам ва танловларда, турли фестивалларда иштирок этадилар.

Наманган вилоятида касбий яллагчи аёлларга нисбатан халқ орасида “сатанг” ибораси ишлатилади. Бу ерда “сатанг” деганда оддий аёллардан тубдан фарқ қилган, яъни кийиниш, соч турмаклари, сўзлашиш маданияти билан ажралиб турган санъаткор аёллар тушунилади.

Яллагчи сатанглар базм ва тўйларда дастлаб бир маромда равон ҳаракатларга асосланган “Келдим” (катта ялла), “Қизил гул”, “Зарпечак”, “Бозорга боққол” сингари катта яллаларни айтганлар. Сўнгра аста-секин тезлашиб борувчи рақсбоп яллалар – “Ўйнасин”, “Ўзи билса билсун”, “Омон ёр”, “Гўзаллар”, “Айланай”, “Йигит”, “Ўйна” кабиларни ижро этганлар.

Хулоса қилиб айтганда, кейинги йилларда яллагчилик санъатида қадимий анъаналар тикланиши натижасида бу санъатнинг янгича, замонавий талқинлари ҳам юзага келиб, бу ҳол айниқса, наманганлик сатанглар ижодида ёрқин намоён бўлмоқда.

Наманганские традиции исполнения ялла

Насиба ТУРГУНОВА

Искусство ялла (песня-экспромт) сначала зародилось в дворцовой культурной традиции, а впоследствии распространилось среди народа.

В развитии искусства ялла в Наманганской области весома заслуга Ачахон бешбелбог. Ачахон называли «бешбелбог» в связи с тем, что она всегда одевала мужскую одежду, один за другим повязывалась пятью поясными платками и в этом одеянии выступала на свадьбах. В доме Ачахон, проживавшей в махалле Сумалак гузари Намангана, собирались группа женщин которые в сопровождении дойры и дутара исполняли народные песни и танцы. Известно, что, в последующем, Ачахон бешбелбог из числа женщин-любительниц искусства создавала группы и совместно с ними выступала на свадьбах и женских посиделках. Традиционно женщины-яллагчи выступали сольно или в составе по три-четыре исполнителя.

Здесь уместно отдельно остановиться на термине *яллагчи*, корень которого *ялла* – означает один из жанров айтим в узбекской музыке. Но в научном аспекте этимология термина полностью не установлена. В Толковом словаре узбекского языка *ялла* (от перс. «ялали», «яллали») означает легкая, веселая песня, исполняемая с танцем во время веселья. Исходя из этого слово «ялла» в музыкаловедении иногда характеризуется как «танцевальный айтим» (Ф.Кароматов). Как правило термином «яллагчи» называют женщин, сочиняющих или же исполняющих народные песни и танцы.

Существует две формы исполнения ялла – сольное и групповое. Ялла исполняется под сопровождение дойры и ансамбля. Куплеты и танец исполняются сольно, припевы – хором. При этом солист и участники хора поют поочередно. В наман-

ганской большой ялла танец исполняет не участвующая в хоре танцовщица.

Искусство яллачи проявлялось в форме самодеятельности и профессионального творчества. Наманганские ялла – это песни на основе народного стихотворчества и профессиональной музыки. Ялла из народного творчества исполняли самодеятельные яллачи. Это была группа женщин, подражавшая исполнению профессиональных яллачи, на семейных праздниках они исполняли легкие, простые народные айтими. В репертуаре самодеятельных яллачи были произведения "Уйнасин", "Узи билса билсун", "Омон ёр", "Нахори нашта", "Дейди" и другие ялла. Диапазон их голосов не позволял исполнять сложные ялла. Творчество самодеятельных и профессиональных яллачи в корне отличались друг от друга, среди профессиональных яллачи соблюдались традиции школы «мастер-ученик», особое значение придавалось мелодичности айтимо, развитости голосового диапазона, сложности ритмов дойры. Профессиональные яллачи наряду с простыми ялла и песнями умели исполнять и катта ялла. Исходя из своих способностей в своих выступлениях они умели применять присущие ялла экспромт и остроты.

Профессиональными яллачи были женщины, посвятившие себя искусству, продолжавшие традиции школы «мастер-ученик» и своими выступлениями зарабатывавшие средства на жизнь. Со времени поступления на учебу к наставницам они вместе с ними принимали участие в народных гуляниях, свадьбах, праздниках, конкурсах и фестивалях. Наставницы обучали учениц народным айтима, ялла собственного сочинения, лапарам.

В Наманганской области женщин – профессиональных яллачи в народе называют «сатанг». Термин «сатанг» в этом случае применялся в отношении женщин-артисток, отличающихся от других одеждой, прической, культурой слова.

На свадьбах и других мероприятиях яллачи-сатанги сначала исполняли спокойные, мелодичные катта ялла "Келдим", "Кизил гул", "Зарпечак", "Бозорга боккол". Затем исполняли более быстрые, ускоряющиеся танцевальные ялла "Уйнасин", "Узи билса билсун", "Омон ёр", "Гузаллар", "Айланай", "Йигит", "Уйна".

В заключении следует отметить, что в искусстве яллачи, в последние годы наряду с возрождением традиции появились новые формы этого жанра искусства, которые особенно ярко проявляются в творчестве наманганских женщин яллачи-сатанг.

Namangan traditions of yalla performance

By Nasiba TURGUNOVA

Yalla art (impromptu song) first was originated in a Palace cultural tradition, and later was spread among people.

Weighty contribution to development of yalla art in Namangan region was made by Achahon beshbelbog. Achahon was called "beshbelbog" due to the fact that she always wore men's clothes; she tied up five belt shawls one by one and in this garb performed at wedding parties. At home in Sumalak guzari mahalla of Namangan, Achahon gathered a group of women who sang folk songs and danced accompanied by doira and dutar. It is known that, later Achahon beshbelbog selected among them some lovers of art and created a group, which performed with her at weddings and women's gatherings. Traditionally, yallachi women played solo or as a part of three or four performers.

It is appropriate to dwell on the term "yallachi" which root "yalla" is one of Aitim genres in Uzbek music. But in the scientific aspect the etymology of the term was not fully established. In "The Uzbek Explanatory Dictionary" - "Yalla" (from Persian. "Yalali", "Yalla") means a light, funny song performed along with a dance during merriment. On this basis the word "yalla" in musicology is sometimes characterized as a "dance aitim" (F.Karomatov). Usually the term "yallachi" was used towards women composing or performing folk songs and dances.

There are two forms of yalla performance - solo and group. Yalla is performed in accompaniment of doira and ensemble. Couplets and dance are performed by solo, and the refrain by a chorus. In this case, the soloist and the

chorus sing alternately. In Namangan big yalla, a dance is performed by a dancer who does not take part in the chorus.

The art of yallachi was manifested in the form of amateur and professional creativity. Namangan yalla was a song based on both folk elements of creativity and professional music. Yalla of folk art was performed by amateur yallachi. It was a group of women who emulate the performance of professional yallachis. At family gatherings they performed light, simple folk aitim. The repertoire of amateur yallachi included such works as "Uynasin", "Uzi bilsa bilsun", "Omon yor", "Nahori nasta", "Deidi" and other yallas. The range of their voices was not allowed to perform complex yalla.

Creativity of amateur and professional yallachi was totally different from each other, professional yallachi respected traditions of "master-disciple" school. They emphasized tunefulness of aitim, maturity of the vocal range and complexity of the doira rhythms. Professional yallachi along with simple songs and yallas were able to perform also katta (big) yalla. Based on the capacity they were able to use inherent to yalla impromptu and sharpness.

Professional yallachi were women who gave themselves to the art continuing traditions of "master-disciple" school and made their living due to the performances. From the time of joining to the mentor's school they took part in the national holidays, weddings, festivals, competitions and festivals. Mentor taught students folk aitim, his own yallas and lapars.

In Namangan region women - professional yallachi were popularly called "satang". The term "satang" in this case was applied to the female actresses that were different from other with clothes, hair style and culture of speech.

At weddings parties and other events yallachi-satang at the beginning they performed calm, melodic katta yalla as "keldim", "Kizil guol", "Zarpechak", "Bozorga bokkol". Then they performed faster, accelerating yalla dance "Uynasin", "Uzi Bils bilsun", "Omon yor", "Guzallar", "Aylanay", "Yigit" and "Uyna".

Finally we can consume that, yallachi art in recent years, along with the revival of new traditions, were formed from the genre of art that were particularly developed in the work of Namangan females - yallachi-satang.

Паранжи тарихидан

Юлдуз ГАЙБУЛЛАЕВА

Паранжи (арабча *фаражи* – кенг кўйлак) – мусулмон аёллари ёпинчиғи бўлиб, чачвон билан бирга ансамбль ҳосил қилган.

Тадқиқотчиларнинг аниқлашича, паранжи Мисрда пайдо бўлиб, кейинчалик бошқа шарқ мамлакатларига тарқаган.

Паранжининг бичими тўн шаклида бўлиб, елкадан пастга томон торайиб борувчи узун бандаги (енги) этакка яқин жойда бир-бирига чашиб бириктирилган. У аёллар гавдасини бошидан то оёғига яширишга хизмат қилган. Аёл юзини эса от ёлидан тўқилган қора, қалин, тўртбурчакли тўр чачвон – чиммат тўсиб турган. Чачвоннинг теграси одатда қора сатин билан ҳошияланган. Чачвон, ёки чиммат тутиш аслида Шарқ мамлакатларида кенг тарқалган юзни ёпиб юриш одатидан келиб чиққан.

Паранжи авра-астарли қилиб тикилган. Авраси бахмал, кимхоб, банорас, олача ва бошқа матолардан бўлган, теграси кашталанган ҳамда каштали жияклар тутиб безатилган, астарига чит ва сатин ишлатилган, четларига эса зангори, пушти ёки сидирға шойидан адип қилинган. Паранжининг икки ёни (чўнтак ўрни)га тик тушган 25 см узунликда иккита жияк туташтириб чатилган, жияклар учидан попукчалар чиқарилган, баъзан кўнгироқчалар осилган.

Паранжининг ўтмишдоши фаражи эркакларнинг ҳам кийими ҳисобланган. Самарқанддаги Афросиёб шаҳарчасидан топилган терракотик ҳайкалчалар бунинг далили бўла олади. Қадим асосга эга бўлган паранжи даврлар ўтиши билан ўзгаришга учраб аёллар либосига айланган.

Ўзбекистон худуди туманларида паранжилар ўзига хос, бир-биридан ажралиб турадиган белгиларга эга бўлган. Тошкент ва Фарғонада паранжилар серҳашам бўлиб, ипак кашталари билан ажралиб турган. Уларнинг бичиғи Самарқандникига ўхшаш, лекин ёқалари кенглиги билан фарқ қилган. Самарқанд паранжиси эса шакл жиҳатдан Қашқадарёнинг эркаклар чопонларига ўхшаш бўлган. Бухоро паранжиси ёқасининг ярми қисқа шаклда тикилган. Бухоро ва Самарқандда паранжи қора ва гулли матолардан каштасиз тикилган, фақат четлари ва енглари жияклар билан безатилган, уларда қизил ва оқ ранг устунлик қилган. Қашқадарёда аёллар яна желак ҳам кийишган. Желаклар ип-газламадан астарсиз тикилган. Қашқадарё ва Сурхондарё аёллари ёз мавсумида оқ ва рангдор желаклар кийишган.

Хоразмда паранжи таркиби шимолий худудлардаги чит чакмон моделини ўзида мужасамлаштирган. Этаклари тўғрибурчак, енг узунлиги этакларигача етган. Хоразм паранжисининг бошқалардан фарқли яна бир томони унинг узунлигида (170-180 см) ва каштасиз тикилишида.

Ўзбекистон тарихи Давлат музейи фондларида турли худудларга тегишли бир неча паранжи сақланади. Тошкентда 1927 йили элшунос Е.М.Пешерова томонидан музей учун сотиб олинган паранжи ип-газлама мато – парпашадан тайёрланган.

1935 йилда музейга халқ хўжалиғи кўргазмасидан Қашқадарёга мансуб икки паранжи берилган. Қалами бўздан тайёрланган бу паранжиларнинг ёқалари ва этакларига жияклар тикилган. Паранжининг таркибий қисми бўлган чачвонлар ҳам ўзининг бадиий безағи билан эътиборни тортади.

Вақт ўтиши билан паранжи кундалик кийимдан маросим кийимига айланди. XX аср бошларидаги тўйларда куёв уйига келинни паранжида олиб боришган. Келин паранжида сўзана остида ўтирган ва шу ҳолда уни куёв гўшангага олиб кирган. Келинни куёв қариндошлари олдига келин саломга паранжида олиб чиқишган.

Биринчи ўғил фарзанд кўрилганда ўтказиладиган суннат тўйда саллабундон ёки салла пушон ўраш маросимида ҳам аёллар анъанавий либосда бўлишган.

Даврлар ўтиши билан паранжи миллий қадрият сифатида фақат музейларимизда сақланиб қолган.

Фойдаланилган адабиётлар рўйхати:

1. Н.С. Содиқова. Ўзбек миллий кийимлари. XIX-XX асрлар. Тошкент 2001, 2003 йй.
2. О.А. Сухарева. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – Л.: Наука, 1970.

Из истории паранджи

Юлдуз ГАЙБУЛЛАЕВА

Паранджа (от арабского слова *фаражи* – широкое платье) – своеобразная накидка мусульманских женщин, с чачваном составляла ансамбль.

По утверждению исследователей, паранджа появилась в Египте, затем распространилась по странам Востока.

По крою паранджа имела форму халата, сужающаяся от плеч к низу длинная бандаги (рукав) сшивалась на месте близком к подолу. Паранджа была рассчитана на полное сокрытие фигуры женщины. Лицо женщины закрывалось черным, плотным, квадратным сетчатым чачваном – чимматом, сотканым из конского волоса. Края чачвана, как правило, обрамлялись сатином черного цвета. Ношение чачвана или чиммата было широко распространено в странах Востока в связи с обычаем закрывать лицо.

Паранджа шилась с подкладом. Лицевая часть шилась из бархата, парчи, банораса, алачи и других тканей, подол украшали вышивкой и каймой, для подклада использовали ситец и сатин, края обшивали голубым, розовым или другим однотонным шелком. По бокам паранджи (на месте карманов) вертикально рядом пришивали два канта длиной 25 см, к концам которых пришивались кисточки, а иногда, колокольчики.

Паранжининг ўтмишдоши фаражи эркакларнинг ҳам кийими ҳисобланган. Самарқанддаги Афросиёб шаҳарчасидан топилган терракотик ҳайкалчалар бунинг далили бўла олади. Қадим асосга эга бўлган паранжи даврлар ўтиши билан ўзгаришга учраб аёллар либосига айланган.

Прообраз паранджи – фаражи также считался и мужской одеждой. Доказательством этому служат терракотовые фигурки, найденные на городище Афрасиаб в Самарканде. Паранджа, имевшая многовековую историю, с течением времени видоизменялась и впоследствии стала одним из нарядов женщин.

В различных районах Узбекистана паранджи были разными, имели определенные отличительные детали. В Ташкенте и Фергане паранджи были особенно нарядными и отличались шелковой вышивкой. По крою они были похожи на паранджи Самарканда, но отличались шириной плеч. Самаркандские паранджи по форме были похожи на кашкадарьинские мужские халаты. В Бухаре и Самарканде паранджи шили из черной и набивной ткани, не украшали вышивкой, только по краям и по краю рукавов делали окантовку, как правило, красного или белого цвета. Женщины Кашкадарьи носили еще желак – короткое женское покрывало. Желак шили из хлопковых тканей без подклада. Женщины Кашкадарьи и Сурхандарьи в летний сезон носили белье и цветные желаки.

В Хорезме паранджи шили по моделям ситцевых чекменей, распространенных в северных территориях. Подол был прямоугольным, длина рукава достигала подола. Еще одной отличительной особенностью хорезмской паранджи была ее длина (170-180 см), а также отсутствие вышивки.

В фондах Государственного Музея истории Узбекистана хранятся паранджи, происходящие из различных территорий.

В 1935 году с Выставки достижений народного хозяйства музеем были переданы две паранджи, происходящие из долины Кашкадарьи. Обе паранджи сшиты из бязи, воротник и подолы украшены тесьмой. Заслуживает внимания художественное оформление чачванов – составной части паранджи.

Паранджа, бывшая ранее повседневной одеждой, со временем стала использоваться в качестве церемониальной одежды. В начале XX века на свадьбах невесту вели в дом жениха в парандже. Невеста в парандже сидела под сюзане и в таком виде жених уводил ее за гушанга (полог, за которым сидят новобрачные в первый день свадьбы). На поклон перед родственниками жениха невесту тоже выводили в парандже.

При рождении первого сына на церемониях саллабундон или саллапушон, проводившихся во время обряда обрезания, женщины также одевали традиционную одежду.

В настоящее время паранджи, как национальная ценность, хранятся только в музеях.

From the history of paranja

By Yulduz GAYBULLAEVA

Пaranja (from Arabic word Faradhzi – a wide dress) is a kind of veil of Muslim women; with a chachvan it made an ensemble.

According to researchers, paranja appeared in Egypt, and then spread to Eastern countries.

The cut of the paranja had a robe shape; its long bandagi (sleeve) tapered from shoulder to the bottom and was sewn in the place, close to the skirt. The paranja was designed for full hiding of a woman's figure. A woman's face was closed with black, thick, square mesh chachvan - chimmat woven from horsehair. The chachvan's edge was usually framed with a black satin. Wearing of chachvan or chimmat was widespread in the East in connection with the face covering custom.

The paranja was sewn lined. The front part was sewed from velvet, brocade, banoras, alacha and other fabrics, the skirts were decorated with embroidery and fringe. It was made of chintz and cotton sateen, the edges were trimmed in blue, pink or other self-colored silk. On each side of the paranja (in place of pockets) they sewed vertically two edges 25 cm of length, to the ends of which tassels, and sometimes little bells were sewn.

A prototype of the paranja – faradhzi was also considered as men's clothes. It is proved by terracotta figurines found in the settlement of Afrasiab in Samarkand. Paranjias, which had a long history, with the passage of time changed and subsequently became one of women outfits.

In various areas of Uzbekistan paranjias were different, and had some distinctive details. In Tashkent and Fergana paranjias were particularly ornated and differed with silk embroidery. Their cut was like Samarkand paranjias, but different by the width of the shoulders. Samarkand paranjias in shape were like men's robes in Kashkadarya. A half of the collar of Bukhara paranjias was shot. Bukhara and Samarkand paranjias were made of black and printed fabric, without embroidery decorations, but the skirts and ends of the sleeves were edged with usually red or white color. Women in Kashkadarya still wore zhelak – a short women's veil. Zhelaks were made of cotton fabrics with no padding. Women in Kashkadarya and Surkhandarya in summer seasons wore white and colored zhelaks.

In Khorezm paranja was sewed on the models of chintz chakmans prevalent in the northern regions. The skirt was rectangular and the sleeves were down to the skirts. The Khorezm paranjias were long (170-180 cm) and without embroidery.

In the collections of the State Museum of History of Uzbekistan there are paranjias of different areas.

In 1935, two Kashkadarya paranjias were presented to the museum by the exhibition of economy. These paranjias were made of coarse calico with collar and skirt bordered by a braid. Decoration of the chachvans - constituent part of the paranja also attracts the attention.

Being formerly a casual wear the paranja eventually became a ceremonial outfit. In the early twentieth century, at weddings a bride in a paranja was brought to the groom's house. A bride in a paranja sat on suzane and in this appearance was led away by the groom to gushanga (a canopy behind which bride and groom sit on the first day of the wedding). A bride made a bow to the relatives of the groom also in a paranja.

A woman put on traditional clothes at the birth of the first son and such ceremonies as sallabundon or salla pushon and during the circumcision rite.

Currently, paranjias as a national value are kept only in museums.

Прообраз паранджи – фаражи также считался и мужской одеждой. Доказательством этому служат терракотовые фигурки, найденные на городище Афрасиаб в Самарканде. Паранджа, имевшая многовековую историю, с течением времени видоизменялась и впоследствии стала одним из нарядов женщин.

Санъат фестивали

Нуржаҳон НИЁЗОВА

2013 йилнинг 1-3 август кунлари Эллиққалъа тумани Бўстон шаҳрида Ўзбекистон Республикаси мустақиллигининг 22 йиллигига ҳамда Ўзбекистон ва Қорақалпоғистон, Туркманистон ҳамда Татаристон халқ артисти Отажон Худойшукуров хотирасига бағишланган "Нафосат бўстони маним" анъанавий VIII Республика кўрик-фестивали ўтказилди.

Мумтоз кўшиқчилик санъатини кенг тарғиб қилиш орқали ёшларни Ватанга муҳаббат руҳида тарбиялаш, маънавий камол топтириш ва уларда миллий санъат дурдоналарига бўлган ҳавасни мустаҳкамлашда мазкур фестивалнинг аҳамияти жуда катта.

"Қадр-қимматим, таянчим ва ифтихоримсан, мустақил Ўзбекистон!" шиори остида ўтказилган ушбу танловда Қорақалпоғистон Республикаси, Тошкент шаҳри ва вилоят босқичларида ғолиб деб топилган иштирокчилар қатнашди.

Фестиваль бахшичилик, опера, эстрада, анъанавий ижрочилик, халфачилик ва лапар ижрочилиги, шунингдек, хунарманд ва мусавирлар кўргазмаларини намойиш этиш каби йўналишларда ўтказилди.

Фестиваль сўнггида ғолиблар аниқланиб, улар Ўзбекистон маданият ва спорт ишлари вазирлиги, Республика халқ ижодиёти ва маданият-маърифий ишлар илмий методик ҳамда ахборот маркази, "Камолот" ёшлар ижтимоий ҳаракати, Эллиққалъа тумани ҳокимлиги ва О.Худойшукуров номидаги махсус жамғарманинг фахрий ёрлиқ ва қимматбаҳо совгалари билан мукофотландилар.

"Халқ амалий санъати" йўналишида юртимизнинг гўзал та-

биати, миллий қадриятлар, тарихий ёдгорликлар акс эттирилган асарлар кўргазмаси намойиш этилди.

Фестиваль доирасида олим ва мутахассислар иштирокида илмий-амалий анжуман бўлиб ўтди.

Кўрик-фестиваль санъат усталари ҳамда танлов ғолиблари иштирокидаги гала концерт намойиши билан яқунланди.

Фестиваль искусств

Нуржаҳон НИЁЗОВА

1-3 августа 2013 года в городе Бустон древнего Эллиққалинского района состоялся традиционный VIII республиканский смотр-фестиваль "Нафосат бустоним маним" ("Мой прекрасный край"), посвященный 22-летию независимости Республики Узбекистан и в честь памяти Народного артиста Узбекистана, Каракалпакстана, Туркменистана и Татаристана Отажона Худойшукурова.

Фестиваль играет важную роль в воспитании молодежи в духе любви к Родине, их духовном развитии и укреплении интереса к лучшим образцам национального искусства путем широкой пропаганды классического песенного искусства.

В конкурсе, проводившемся под девизом "Независимый Узбекистан – моя высшая ценность, опора и гордость!" приняли участие победители каракалпакского, ташкентского городского и областных этапов конкурса.

Фестиваль проводился по направлениям исполнение народных песен и сказаний (бахши, халфа, лапар), оперное, эстрадное, традиционное исполнение, открытием выставок ремесленных изделий и художественного творчества.

В номинации "Народное прикладное искусство" была представлена выставка произведений, отображающие прекрасную природу нашего края, национальные ценности, исторические памятники.

В итоге фестиваля были определены победители которые награждены почетными грамотами и памятными подарками Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистан, Республиканского научно-методического и инфор-

мационного центра народного творчества и культурно-просветительской работы, Эллиққалинского районного хокимията и специального фонда имени О.Худойшукурова.

В рамках фестиваля состоялась практическая конференция с участием ученых и специалистов.

Смотр-фестиваль завершился гала-концертом с участием мастеров искусств и победителей смотра.

Festival of arts

Nurzhahon NIYOZOVA

On August 1-3, 2013 in Buston town of ancient Ellikkala district, traditional VIII All-Republican Folk Festival "Nafosat Buston Manima" ("My Beautiful Land") dedicated to the 22nd anniversary of Independence of the Republic of Uzbekistan and in commemoration of the People's Artist of Uzbekistan, Karakalpakstan, Turkmenistan and Tataristan Otajon Khudoyshukurov was held.

The festival plays an important role in education of young people in the spirit of love for the motherland, their spiritual development and strengthening of interest to the best examples of national art by means of wide propagation of the classical song art.

Winners of Karakalpakstan, Tashkent city and regional stages participated in the competition under the theme "Independent Uzbekistan is my highest value, support and pride!"

The festival was held in following directions: folk songs and tales (bakhshi, khalfa, lapar), opera, pop and traditional performance. Besides, handicrafts and artistic creativity exhibitions were opened there.

In "Applied Arts" nomination, an exhibition of works depicting the beautiful nature of our land, our national values and historical monuments was represented.

At the end of the festival the winners were awarded with diplomas and memorable gifts of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Uzbekistan, the Republican Scientific-Methodical and Information Center of Folk Art and Cultural Work, Ellikkala district khokimiyat and a special fund named after O.Khudoyshukurov.

In the framework of the festival a practical conference with participation of scholars and specialists took place.

The Folk-festival ended with a gala concert with participation of artists and winners of the Fest.

Пичоқ рамзи

Бахтиёр ХАЛМУРАТОВ

Инглиз этнолози Ж.Фрезернинг ёзишича, пичоқ дунё халқларида афсун қудратига эга бўлган предметлардан бири саналади.

Пичоқ инсониятнинг энг қадимги кундалик анжомларидан бири бўлиб, сўнгги палеолит даврида ихтиро қилинган. Пичоқ дастлаб ов қуроли сифатида ҳамда меҳнат қуролларини яшашда фойдаланилган. Пичоққа ўтроқ ва яримўтроқ аҳолининг эҳтиёжи катта бўлган.

Асрлар давомида пичоқ муқаддас буюмлар тоифасига кириб борган ва баъзибир халқларда уруш ҳамда қурбонлик рамзи ҳисобланган. Ўрта асрларда Европанинг кўпгина этносларида пичоқ ҳокимият тимсоли ва ёвуз руҳлардан ҳимоя қилувчи восита сифатида қадрланган.

Азалдан темирчиликнинг мустақил тармоғи бўлган пичоқчилик Фарғона водийсида тараққий этиб, Чуст, Шаҳрихон, Қўқон каби марказлари вужудга келган. Минтақа хунармандларининг пичоқ яшашда этнохудудий хусусиятга эга ўзларига хос аъъанавий усуллари бўлган.

Пичоқ қуйидагича тайёрланган: пўлат кўрада тобланиб, керакли шаклга келтирилган, сўнг юмшоқ темирдан пичоқ думи ясалиб, пўлат дамга бирлаштирилган. Пичоққа ишлов бериш жараёнида уни бир марта кўй ёғида совутганлар. Сўнгги пайтда техник мойда совутиш одат тусига кира бошлади. Пичоқнинг дастасини яшаш учун суякдан керакли шакл ҳосил қилинган, сўнг мис мих билан ўрнатилган. Дастага зеб бериш учун рангли тошлар қадалган. Шуни таъкидлаш ўринлики, бошқа минтақа пичоқларидан водий пичоқлари тигдаги беазаги, тигининг ихчамлиги, пичоқнинг вазни, дастасининг шакли билан фарқ қилган.

Пичоқчилик муқаддас хунарлардан бири бўлгани учун унга доир турли хил урф-одатлар шаклланган. Масалан, Чустада пичоқчи усталар бир йилда бир марта дўконда "ис чиқариш" маросими ўтказганлар.

Водийдаги усталар пичоқ яшашдаги энг муҳим жараён – пичоққа сув беришда 3 марта "Оллоху акбар" деб такбир айтиш унинг ўткир бўлишини таъминлайди, деб уқтирадилар. Бунда доимо тоза сувдан фойдаланиш зарур деб ҳисоблайдилар.

Қадимий шомонлик маросимларида илоҳий қуроллар орасида пичоқ муҳим аҳамиятга эга бўлиб, кенг қўлланилган. Шуни ҳам таъкидлаш лозимки, пичоқнинг маросимий хусусиятлари фақат шомонликда эмас, водий аҳолисининг аъъанавий турмуш тарзида ҳам намоён бўлади. Масалан, аҳоли орасида пичоқ турган дастурхонга фотиҳа қилмаслик, пичоқни тиг томони билан бировга бермаслик, пичоқ билан уйнамаслик, уй ҳайвонлари олдида пичоқни кўрсатмаслик каби тақиқлар мавжуд.

Инглиз этнолози Ж.Фрезернинг ёзишича, пичоқ дунё халқларида афсун қудратига эга бўлган предметлардан бири саналади. Бу нарса Марказий Осиё халқлари учун ҳам характерли ҳолдир. Г.Снесарев пичоқнинг афсун қудратини Ж.Фрезер қайд этган маъдан буюмларга нисбатан табу сақлаш одати билан боғлиқ ҳолда изоҳлайди.

Маъдан буюмларнинг қадимги тасаввурлардаги аҳамияти ҳақида Э.Тэйлор: "Шарқ жинлари темирдан кўрқадилар", деб ёзганди. Шу боис, водий ўзбекларида чақалоқ бешиги бошига пичоқ, лақайларда эса бешикнинг қуйи қисмига ўроқ осиб қўйилган.

Хулоса сифатида шуни қайд этиш керакки, пичоқ билан боғлиқ қарашлар ва урф-одатлар қадим даврларга бориб тақалади. Пичоқ дастлаб кундалик буюм вазифасини бажарган бўлса, кейинчалик ҳокимият рамзи, эркаклик шаъни ва гурурига айлана борган. Қадимда ота-боболаримиз йигит кишини белида белбоғи, қинида пичоғи бор ҳолатда тасаввур қилганлар, чунки пичоқ йигит кишининг йўлдаги ҳамроҳи ҳисобланган.

Символы ножа

Бахтиёр ХАЛМУРАТОВ

Нож как один из предметов повседневного обихода, был изобретен в эпоху позднего палеолита. Сначала нож использовался в основном для охоты и изготовления орудий труда. Ножи широко использовались среди оседлого и полукочевого населения. Со временем нож стал считаться священным предметом и среди многих народов сформировались связанные с ножом определенные представления и обычаи. Еще в древности у некоторых народов нож воспринимался как символ войны и жертвоприношения. В средние века среди многих европейских этносов нож почитался символом власти и оберегом от злых духов.

Изготовление ножей было широко распространено в Ферганской долине, где с древних времен было развито кузнечное дело. Здесь сформировались центры изготовления ножей – Чуст, Шаҳрихон, Коканд. У ремесленников этого региона сложились собственные традиционные методы и этно-территориальные особенности изготовления ножей.

Процесс изготовления ножей был следующим: сталь закаляли в горне, затем придавали нужную форму. Из мягкого металла изготавливали рукоять и соединяли с лезвием. При обработке для охлаждения нож один раз опускали в бараний жир. Впоследствии ножи стали охлаждать в технических маслах. Традиционно рукояти ножей изготавливали из рогов животных. Сначала из кости изготавливали нужную форму, инкрустировали цветными камнями и медными гвоздями закрепляли с лезвием. Следует отметить, изготовленные в долине ножи отличались декоративным узором и тонкостью лезвия, значительным весом и формой рукояти.

Ремесло изготовления ножей считалось священным, и соответственно, были сформированы связанные с ним ритуалы и традиции.

Английский этнолог Ж.Фрезер пишет, что у народов мира нож считался предметом, обладающим колдовской силой.

Например, в Чусте мастера – ножевики один раз в год проводили в своих лавках обряд «ис чикариш» (жертвоприношение злым духам в виде горячей пищи).

Узбекские мастера долины в ходе самого важного процесса – закаливания стали – обязательно трижды произносили «Оллоху акбар», считалось, что это обеспечивает остроту лезвия ножа. Вода при этом должна была быть чистой.

Нож служит одним из важнейших предметов древних верований, в частности, широко использовался в шаманских обрядах. Уместно также отметить, церемониальные особенности ножа проявлялись не только в шаманизме, но и в обыденной жизни населения оазиса. Например, в быту считалось недопустимым произносить молитву за столом, на котором лежит нож, передавать нож острием вперед, играть с ножом, держать ножи около домашних животных.

Английский этнолог Ж. Фрезер пишет, что у народов мира нож считался предметом, обладающим колдовской силой. Это характерно и для народов Центральной Азии. Г. Снесарев трактует колдовскую силу ножа в связи с отмечаемым Ж. Фрезером табу в отношении металлических предметов.

О значении древних представлений о металлических предметах Э. Тэйлор писал: «Восточные джины боятся железа». Поэтому у узбеков долины в изголовье детской люльки клали нож, а у лакаев в нижней части люльки подвешивали серп.

В заключении можно отметить, что связанные с ножом традиции и ритуалы имеют далекое прошлое. Сначала нож применялся в качестве предмета повседневного обихода и постепенно становился символом власти, чести и гордости мужчины. В древние времена пояс и нож в чехле были обязательными атрибутами мужчины, потому что нож считался его постоянным спутником.

Symbols of knife

By Bahtiyor KHALMURATOV

A knife as one of the items of daily use was invented in the late Paleolith. First, a knife was used mainly for hunting and tool making. Knives are widely used among sedentary and semi-nomadic people. Over time, the knife was regarded as a sacred object, and among many nations certain beliefs and customs associated with a knife were formed. Even in ancient times, among some people a knife was seen as a symbol of war and sacrifice. In the Middle Ages among many European ethnic groups it served as a symbol of power and talisman against evil spirits.

A knife producing was widespread in the Ferghana Valley, where in ancient times blacksmithing was developed. Some centers of knives manufacture were formed there, such as – Chust, Shakhrion and Kokand. In artisans of the region their own traditional methods and ethno-territorial features of making knives were developed.

The process of making knives was as follows: steel was tempered in a furnace, and then desired shape was given. A handle was produced from soft metal and connected to the blade. During hardening for cooling a

knife was lowered into sheep fat once. Subsequently, knives were cooled in technical oils. Traditionally handle of knives were made of animal horns. First, a bone was produced in order to give the desired shape, inlaid with colored stones and copper nails and fixed to the base. It should be noted that the knives produced in the Valley differed by decorative pattern and thinness of the blade, significant weight and shape of the handle.

Knife making craft was considered sacred and thus respective rituals and traditions associated with it were formed. For example, knife maker masters of Chust once a year performed in their shops a rite of "iss chiqarish" (sacrifice to evil spirits in the form of hot food).

Uzbek masters of the valley during the very important process - hardening steel - always pronounced "Ollouh Akbar" three times; it was thought that this provides sharpness for the blade. At that water should be clean.

A knife was one of the major subjects of ancient beliefs; in particular it was widely used in shamanic rituals. It is also pertinent to note that ceremonial features of a knife were especially manifested not only in shamanism, but also in everyday life of the population of the oasis. For example, at home it was considered inappropriate to say a prayer at a table with a knife on it, to pass a knife forwarding the edge, play with a knife and hold a knife in sight of pets.

English ethnologist J. Fraser wrote that the peoples of the world considered a knife as a subject possessing a magical power. It is typical for the peoples of Central Asia. G. Snesarev treated magical power of a knife in connection with J. Fraser's notes about taboos against metal objects.

E. Taylor wrote about importance of ancient ideas about metal objects: "Eastern genies afraid of iron". Therefore, Uzbeks of the valley put a knife at the head a cot, while Lacays hung a sickle at the bottom of a cradle.

In conclusion, we can say that traditions and rituals associated with a knife are very ancient. First, the knife was used as a subject of daily life and gradually became a symbol of power, honor and pride of a man. In ancient times, a belt and knife in the bag were essential attributes of men, because a knife was considered as his permanent companion.

English ethnologist J. Fraser wrote that the peoples of the world considered a knife as a subject possessing a magical power. It is typical for the peoples of Central Asia.

Использованная литература:

1. Г. П. Снесарев Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука. 1969. – С. 39–40.
2. Т. Д. Баялиева Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – С. 91.
3. Д. Ж. Фрезер Золотая ветвь. – М.: Наука, 1986. – С. 67–70.
4. А. Т. Талеубаев Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – С. 174.
5. Эшонкул Жаббор. Фольклор: Образ ва талкин. – Қарши: Насаф, 1999. – 176 б.
6. А. А. Аширов. Узбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. – Тошкент: Ўзбекистон Миллий Кутубхонаси нашриёти, 2007. – 275 б.
7. Д. Минабова. Тимсоллар тилсими. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2007. – Б. 149.
8. М. Косвен. Ибтидоий маданият тарихидан очерклар. – Тошкент: Фан, 1990. – Б. 144.
9. Н. Назаров. Лақайлар этнографияси. – Тошкент, 2007. – Б. 10.
10. Э. Б. Тэйлор. Первобытная культура. – М.: Наука, 1939. – С. 109.

Ўзбекистонда шаҳарсозлик санъатининг шаклланиши

Муҳаммаджон АҲМЕДОВ

Ўзбекистон ҳудудида тадқиқ этилган қадимий шаҳарсозлик намуналарини меъморий ечим ва композицион шакли жиҳатидан уч турга бўлиш мумкин.

Осиё қитъасининг икки буюк дарёлари – Амударё ва Сирдарё оралиғидаги ҳудуд тарихий, жуғрофий манбаларда Трансоксиана (Юнон-Рим), Турон (форс, хусусан, “Шоҳнома”да), Мовароуннаҳр (араб) ва Туркистон (туркий ва рус) номлари билан улуғ юрт сифатида тилга олинади. Жуда қадим замонлардан бошлаб бу ердан кўпгина ўлкаларни ўзаро боғлаган “Қалай ва Қўрғошин йўли”, “Мис йўли”, “Зумрад йўли”, “Лаъл йўли”, “Буюк Ипак йўли” сингари трансконтинентал йўналишлар ўтган. Шунинг учун ҳам бу ўлка давлатчилигининг асосини ташкил этадиган шаҳарсозлик маданиятини ўрганиш катта аҳамият касб этади.

Ўзбекистон ҳудудида тадқиқ этилган қадимий шаҳарсозлик намуналарини меъморий ечим ва композицион шакли жиҳатидан уч турга бўлиш мумкин:

Биринчи тури – атрофи усти берк йўлак билан ўралган, ичида айтарли муқаррар иморати бўлмаган, илмий даврада “вара” ёки “вар” номини олган тўртбурчак қалъа-шаҳарлар.

Бу турдаги шаҳарлар қадимги Хоразм ҳудудида сақланиб қолган. Уларнинг яхши ўрганилганлари сифатида Қалъали қир, Қўнриқ қалъа, Ангқа қалъа, Аёз қалъа, Қўрғошин қалъа, Кўзали қир, Бозор қалъаларни кўрсатиш мумкин. Бу қалъаларнинг атрофи йўлаксимон, усти берк девор билан ўраб олинган бўлиб, асосан, мудофаа учун ишланган, ҳудуди очиқ. Бу очиқ-бўш ҳудудни С.П.Толстов мол-ҳол сақлаш ёки экин экиш учун фойдаланилган бўлса керак, деб тахмин қилади. Бизнинг Аёз қалъада олиб борган кузатишларимиз эса, буни инкор этади. Чунки мол сақланган ёки экин экилган ерлар тузилиши шунга мос равишда маданий қатламга эга бўлади. Бу ернинг сатҳи эса, майда шағал аралаш тақирдан иборат. Фикримизча, атрофи даҳлизли деворлар билан ўраб олинган бундай қалъалар туркий халқларнинг анъанавий чодир-шаҳарлар турини ташкил қилади. Уларнинг бир чеккасидагина ҳукмдорлар ва катта мулкдорлар кўп хонали уйлар қурганлар.

Бундай шаҳарлар Марказий Осиёда жуда қадим замонлардан бошлаб ўрта асрларгача қурилган. Чунинчи, Амир Темур девонига ташриф буюрган Кастилия элчиси Гонзалес де Клавихо бундай ёзади: “Шаҳар ташқарисида Соҳибқирон ўзи ва хотинлари ҳамда бутун мамлакат сарҳадларидаги лашкароҳларда ўрнашган қўшини учун кўплаб чодирлар тиклашни буюрди...

Соҳибқирон саропардаси тикланиб бўлгач, каттаю кичик – барча ўзи ўрнашадиган жойини биларди ва барча ишлар тартиб билан шовқинсиз бажариларди. 3-4 кун ўтиб бўлмасидан даргоҳ атрофида 20 мингга яқин бошқа чодирлар тикланди. Ҳар куни бу ерга турли жойлардан одамлар оқиб келарди. Шу ўрда билан биргаликда қовурилган ва қайнатилган гўшт билан савдо қилувчи қассоблар ва ошпазлар, бошқа одамлар ҳам, масалан, арпа, мева-сабзавот сотадиганлар, новвойлар ҳам ўз тандирлари билан бирга кўчиб юришар эди. Ҳар бир касб эгасини шу ўрдадан топса бўларди. Ҳар соҳа одамлари махсус кўчаларни ташкил этишарди. Бундан ташқари, улар қаерга кўчишмасин, ўз чодирларини тиклаб, унинг ичида темир қозонларда иссиқ ва совуқ сув ҳамда керакли бошқа воситаларни тайёрловчи ҳаммомчилар ҳам қўшин қаёққа борса у билан бирга кўчиб юрарди. Шундай қилиб ўрдага келган ҳар бир одам ўз ўрнини биларди”.

Кўчма чодир-шаҳарлар тўғрисида Фирдавсий, Байҳақий, Рашидаддин, Шомий қабиларнинг маълумотларида ҳам сақланиб қолган.

Улар ўзига хос бастион – мустаҳкам қўрғонлардан иборат бўлган. Чодир-шаҳарларни ифодаловчи “вар” термини “девор” сўзининг ўзгичи ташкил қилиб, қўрғон, қалъа маъноларида келади. Варахша (тўғрироғи, Вараки шоҳ – Шоҳ қўрғони, Бухоро), Варақ (Кичик Вар, яъни қўрғон, Кармана яқинида), бошқа бир Варақ Яққабғода, Варвати арбоб (Ҳисор), Варистон (Зиёвуддин) деган номлар ҳам шу тахлит пайдо бўлган.

Иккинчи тури – ўртасидан марказий кўча кесиб ўтган, шаҳар тўрида маъмурий, савдо, жамоа бинолари жойлашган, бир дарвозали, тўртбурчак шаклидаги дуал (икки қисмли) шаҳарлар. Масалан, Жонбоз қалъа ва Тупроқ қалъа каби шаҳарлар тўрт бурчакли мудофаа деворлари билан ўраб олинган бўлиб, унинг бир томонида шаҳар дарвозаси, қарама-қарши томонида эса, шаҳар арки ва жамоа бинолари жойлашган. Кўчанинг икки томонида уруғ-аймоқнинг кўп хонали оилавий уйи жойлашган. Бундай шаҳарлар тарихий адабиётларда икки катта қабиларнинг ўзаро никоҳ муносабатларини ташкил этиш мақсадидаги иттифоқи натижасидан келиб чиққан, деб ҳисобланади ва “дуал” шаҳарлар деб юритилади.

Учинчи тури – арк, шаҳристон ва рабоддан ташкил топган уч қисмли шаҳарлар. Илк араб манбаларида келтирилган маълумотларда, Мовароуннаҳр шаҳарлари арк (кўхандиз), мадина (шаҳристон) ва рабоддан ташкил топгани ёзилади. X-XII асрларда Ўрта Осиёда маданий-иқтисодий ҳаёт ниҳоятда юксак чўққига етган. Илм-фан ривожланган. Тарихчилар ўша даврда Самарқанд, Тошкент, Андижон, Бухоро ва бошқа шаҳарларнинг ниҳоятда кенгайиб кетгани ҳақида маълумот берганлар. Қизиғи шундаки, ўша даврдаги шаҳарларнинг барчаси 12 та дарвозали ташқи девор билан ўраб олинган. Ибн ал-Фақиҳ “Китоб ахбор ал булдон” асарида қуйидагиларни ёзади: “Самарқанд шаҳри ташқи деворининг узунлиги ўн икки фарсахдир. Унинг ўн икки дарвозаси бўлиб, ҳар бир дарвозадан бошқасининг оралиғи бир фарсахга тенг...”

Экинзор далалардан ўтиб, сиз рабодда тўхталасиз, у ерда иморатлар мавжуд. Рабод ва унинг ичидаги суғориладиган ерлар олти минг жарибга тенг ва унинг ичидаги қишлоқ, боғ ва

боғчалар девор билан ўраб олинган. Рабоднинг ўн икки дарвозаси бор. Кейин сиз ичкари шаҳарга кирасиз, унинг майдони икки минг беш юз жариб. Бу (ички) шаҳарда жомеъ масжиди, кўхандиз ва ҳоким қароргоҳи жойлашган”.

Бу маълумотда шаҳарларнинг уч тузилмали, яъни арк, шаҳристон, рабоддан ташкил топганини кўрамиз. Иирик шаҳарларда эса, ички ва ташқи шаҳристонлар бўлган. Натижада, ички шаҳар (шаҳри дарун) ва ташқи шаҳар (шаҳри бирун) атамалари келиб чиққан. Бу арабча “мадина дахил”, “мадина хариж” атамаларига мос келади. Ибн ал-Фақиҳ маълумотидаги шаҳристоннинг тўрт дарвозаси бўлгани ҳақидаги хабар жуда ҳам муҳим ҳисобланади.

Тўрт дарвозали шаҳарлар Ўрта Осиёда жуда қадим замонлардан бошлаб пайдо бўлган. Буни шаҳаролди маданияти деб ҳисоблаш мумкин бўлган Сополлитепа (мил.авв. XVIII-XIV асрлар) мисолида кўриш мумкин. Кейинчалик буни “вар” (вара) деб ном олган чодир-шаҳарлар мисолида кузатилади. Масалан, Қалъали қир, Қўнирли қалъа, Анга қалъаларининг тўрттадан дарвозаси бўлган. Бу дарвозалар дунёнинг тўрт томонидаги шаҳар ва юртларга олиб борувчи карвон йўлларига туташиб кетган. Ўрта асрларга келиб бу аъёна маълум бир тартибга солинди. Амир Темур давридан бошлаб шаҳарлар марказий қисми “рубъа” (араб тилида тўртлик дегани) ёки “қитъа” деб аталувчи шаҳристондан ташкил топган. Бу шаҳристонларнинг тўрт дарвозасини кесиб ўтувчи икки катта кўча шаҳар марказида ўзаро кесишган ва бу жой “чорсу” деб номланган. Амир Темур Самарқанд Чорсусида Сароймулкхонимга бағишлаб Кулоҳфурушлар гўмбазини деб номланган ёпиқ бозор қурдирган. Шундан сўнг бу аъёна бошқа шаҳарларга тарқалган. Амир Темур ва Темурийлар даврида рубъа (қитъа) шаклидаги шаҳристонлар Самарқанд, Шаҳрисабз, Бухоро, Тошкент, Марв, Байлақон, Ҳирот, Андижонда қўлланганини эътироф этиш керак. Кейинчалик Хива Ичан қалъаси ҳам шу йўсинда қурилган. X-XII асрларда шаҳарларнинг ташқи қалъалари 12 дарвозали бўлган, кейинчалик турли шакл ва турли сондаги дарвозалар қўлланила бошланди. Лекин барча ҳолатларда тўрт дарвозали шаҳристон ички ядрони ташкил этган.

Тўртбурчак кўринишидаги шаҳристоннинг шакли ўзгарган бўлса-да, уларнинг марказида жойлашган “Чорсу” – бош савдо ўрни ва номи сақланиб қолган. Буни Тошкент, Самарқанд, Бухоро, Қарши, Шаҳрисабз, Андижон, Наманган, Қўқон ва бошқа шаҳарлар чорсулари мисолида кўриш мумкин. Бундан ташқари, юқоридаги шаҳарларнинг деярли барчасида Регистон номли шаҳарнинг бош маъмурий-ижтимоий майдонлари мавжуд бўлган. Шунингдек, тарихий шаҳарлар учун тим, раста, хиёбон, чақар (ҳарбий гарнизон), қаландархона сингари элементлар характерли бўлган. Буларнинг ноёб намунаси сифатида Самарқанд Регистони, Бухоро Лаби Ҳовузи, Қўқон Ўрдаси ва бошқа кўплаб меъморий мажмуаларни кўрсатиш мумкин.

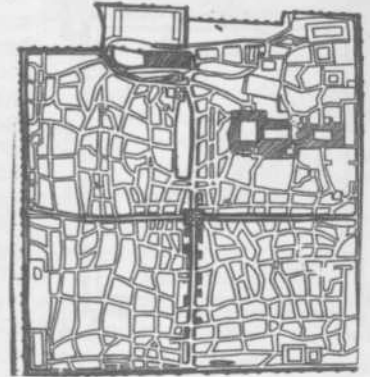
Шаҳарлар оралиқларида эса, алоқа-почта хизматини таъминлаш учун ёмхона, хавфсизликни таъминлаш мақсадида қоровулхона, карвонлар учун рабод ва сардобалар қурилган.

Ўрта Осиёга XIX асрнинг иккинчи ярмида рус қўшинларининг кириб келиши шаҳарсозликка ўз таъсирини кўрсатди. Руслар Тошкент, Самарқанд,

Жиззах, Қўқон, Андижон, Наманган шаҳарларидаги янги худудларда ўз шаҳарларини қура бошладилар.

Рус муҳандислари Ўзбекистонда қуриган шаҳарларнинг композицион асоси учун дастлаб Версалда қўлланилиб, кейинчалик Санкт-Петербург, Вашингтон ва бошқа шаҳарлар режаси учун асос қилиб олинган уч нурли тарҳдан фойдаланишди. Унга биноан, эски шаҳарнинг арки жойлашган худуд ёки унга туташ жойда ўз қалъалари (крепость)ни ва ундан ўткир бурчак остида уч нур таралиб турадиган уч кўчани чиқардилар. Бу уч кўчага кўндаланг қилиб бошқа кўчаларни чиқардилар. Шу йўсинда радиал-ҳалқали композициянинг асоси яратилди. Йигирманчи аср, собиқ шўролар даврида барча шаҳарлар бош режаларида эски шаҳар қисмларига етарлича эътибор берилмасдан, уларнинг европача қисмининг бош режаси композициянинг негизи қилиб олинди. Бу нуқсон кўпгина шаҳарларимиз қиёфасида аъёнавий меъморлик, ансамблсозлик руҳининг йўқолишига олиб келди.

Хуллас, бу тарихий фактларнинг барчаси замонавий шаҳарсозлик олдида ўтмишдаги бой, миллий шаҳарсозлик аъёналари ва элементларини қайта тиклаб, бугунги давр талабларига мос равишда обод шаҳар ва гўшалар яратиш масаласи турганидан далолат беради.

Фойдаланилган адабиётлар:

1. С.П. Толстов. Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948, с.82.
2. Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд к двору Тимура (1403-1406). М.: Наука, 1990, с. 114-115.

Формирование искусства градостроительства в Узбекистане

Мухаммаджон АХМЕДОВ

Территория между двумя самыми большими реками Азиатского континента – Амударьей и Сыр-дарьей в различных исторических и географических источниках упоминается как огромный край с названиями Трансоксиана (греко-рим.), Туран (перс., в частности, в «Шахнамэ»), Ма вара' ан-нахр (араб.), Туркестан (тюрк. и рус.). С самых древних времен по этой территории пролегалли трансконтинентальные пути – «Оловянный и Свинцовый путь», «Медный путь», «Изумрудный путь», «Лазуритовый путь», «Великий Шелковый путь». В связи с этим, этот край играет особую роль в изучении культуры градостроительства, составляющей основу государственности.

В аспекте архитектурного решения и композиционной формы исследованные образцы древнего градостроительства на территории

В аспекте архитектурного решения и композиционной формы исследованные образцы древнего градостроительства на территории Узбекистана условно можно разделить на три типа.

Узбекистана условно можно разделить на три типа:

Первый – города-крепости квадратной формы, окруженные крытыми коридорами, внутри практически отсутствовали строения и в изучаемый период были известны под названиями «вара» или «вар».

Города такого типа сохранились на территории древнего Хорезма. Особенно глубоко изучены крепости Калали-кыр, Кунирли-кала, Анга-кала, Аяз-кала, Кургашин-кала, Кузали-кыр, Базар-кала. Эти крепости окружены подобными дорожкам крытыми стенами, используемые для обороны города, а территория открыта. Только в одной части этих крепостей построены многокомнатные дома. С.П.Толстов предполагал, что эти открытые свободные площади использовались для выпаса скота или под посевы. Но проведенные нами в Аяз-кале исследования опровергли эти предположения. Так как структура почвы площадей, используемых под посевы или для выпаса скота, имеет соответствующий культурный слой. Здесь же на поверхности земли есть примесь мелкой щебенки. Мы предполагаем, что крепости, окруженные внутренними крытыми коридорами представляли собой традиционный тип городов для тюркских народов внутригородской площадью используемый как шатровый городок, а в военное время как загон скота от разграбления.

Подобные города в Центральной Азии строились с самых древних времен до средних веков. Вот что писал посетивший государство канцелярию Амира Темура посол Кастилии Гонзалес де Клавихо: «За пределами города Сахибкиран велел поставить шатры для себя, своих жен и всего войска, размещенного в военных лагерях по всей границе государства...»

После установки шатра для Сахибкирана, все – от мала до велика – отлично знали места для размещения своих шатров, и вся работа проводилась по порядку в спокойной обстановке. Не прошло и 3-4 дней, как вокруг урды было установлено почти 20 тысяч шатров. Ежедневно сюда стекались люди с разных мест. Вместе со ставкой Сахибкирана сюда приезжали шашлычники и повара, занимавшиеся торговлей жареным и вареным мясом, продавцы ячменя, фруктов и овощей, пекари со своими тандырами и другие люди. Здесь можно было встретить людей самых различных профессий. Образовывались улицы, в которых проживали представители определенной сферы. И если проводилась передислокация войска, банщики, собрав шатры и необходимые средства, в том числе и огромные металлические котлы для горячей и холодной воды, следовали за ним. В урде каждый человек знал свое место».

Сохранились сведения о кочевых передвижных шатровых городах, представленные в трудах Фирдоуси, Байхаки, Рашид ад-дина, Шами.

Они состояли из своеобразного бастиона – мощного кургана. Название шатрового города «вар» составляет основу слова «стена» и означает «курган», «крепость». На этой основе появились названия Варахша (правильнее,

Вараки шах – курган Шаха, Бухара), Варак (Маленький Вар, то есть курган, около Кермене), еще один Варак – в Яккабаге, Варвати арбаб (Гисар), Варистан (Зия-вуддин).

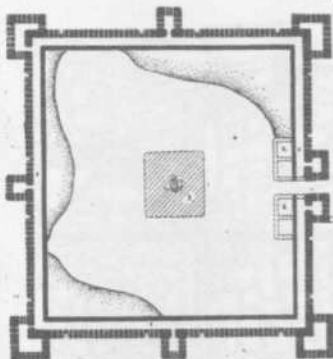
Второй тип – города-дуалы квадратной формы, разделенные на две части. По центру города пролегла центральная улица, в конце которой размещались административные, торговые и общественные здания. Например, города типа Джанбас-кала и Тупрак-кала были окружены четырехугольными оборонительными стенами, с одной стороны которых размещались городские ворота, а напротив – городской арки и административные здания. По двум сторонам улицы располагались многокомнатные дома родственников-сородичей. В исторической литературе подобные города называются «дуалами», возникшими в результате союза между двумя родами с целью установления брачных отношений.

Третий тип – города, состоящие из трех частей – арка, крепости и рабада. В первых арабских источниках пишется, что города Мавераннахра состояли из арка (кухандиз), мадины (шахристан) и рабада. В X-XII веках культурно-экономическая жизнь в Средней Азии достигла наивысшего расцвета. Была развита наука. Историки оставили сведения, что в тот период расширились Самарканд, Ташкент, Андижан, Бухара и другие города. Интересный факт: все города той эпохи были окружены внешними стенами с 12 воротами. Вот что писал Ибн ал-Факих в своем сочинении «Ахбар ал-булдан»: «Протяженность внешней стены города Самарканд двенадцать фарсахов. В стенах двенадцать ворот, расположенные на расстоянии одного фарсаха друг от друга...»

После полей начинается рабад, в котором есть строения. Рабад и его поливные земли составляют шесть тысяч джарибов, его кишлаки, сады и багчи окружены стеной. В стене рабада есть двенадцать ворот. Затем вы входите во внутренний город, площадь которого равна двум тысячам пяти сот джарибам. В этом (внутреннем) городе расположены большая мечеть, кухандиз (арк) и резиденция правителя».

Из этих сведений видно, что города были трехчастными, то есть, состояли из арка, шахристана и рабада. В крупных городах были внутренние и внешние шахристаны. В результате появились термины «ички шахар» (шахр-и дарун) – внутренний город и «ташки шахар» (шахр-и бирун) – внешний город. Они соответствуют арабским терминам «мадина дахила» и «мадина хариджа». Особо важным является сведение Ибн ал-Факиха о том, что у города было 4 ворот.

Города с четырьмя воротами возникали в Средней Азии с самых древних времен. Это видно на примере Сапаллитепы (XVIII-XIV вв. до н.э.), который можно считать культурой раннего градостроительства. Также об этом свидетельствуют и возникавшие впоследствии шатровые города под названием «вар» (вара). Например, в крепостях Калали-кыр, Кунирли-кала, Анга-кала было по четыре ворот. Эти ворота выходили на караванные пути, ведущие в города и страны четырех сторон света. К средним векам подобная традиция градостроительства укрепились. Начиная с эпохи Амира Темура центральная часть города представляла собой городище, которое называли «руб'а» (араб.

В крупных городах были внутренние и внешние шахристаны. В результате появились термины «ички шахар» (шахр-и дарун) – внутренний город и «ташки шахар» (шахр-и бирун) – внешний город. Они соответствуют арабским терминам «мадина дахила» и «мадина хариджа». Особо важным является сведение Ибн ал-Факиха о том, что у города было 4 ворот.

четверть) или «кыт'а». Проложенные от четырех ворот две большие улицы пересекались в центре города, это место пересечения называлось «чарсу». На Чарсу города Самарканда в честь Сараймулк-ханум Амир Темура велел построить крытый рынок под названием Кулохфурушлар гумбази. Затем подобная традиция распространилась и в других городах. В эпоху Амира Темура и Темуридов городища в форме руб'а (кыт'а) строили в Самарканде, Шахрисабзе, Бухаре, Ташкенте, Мерве, Байлакане, Герате, Андижане. Впоследствии, по этому типу в Хиве была построена Ичан-кала. В X-XII веках во внешних крепостях городов было по 12 ворот, а затем стали устанавливать ворота различных форм и в разных количествах. Но внутреннее ядро составляли города с четырьмя воротами.

Формы городов, представлявших собой квадрат, изменялись, но размещавшийся в их центрах «Чарсу» всегда оставался главным торговым местом и неизменным оставалось его название. Это можно видеть на примере «чарсу» городов Ташкента, Самарканда, Бухары, Карши, Шахрисабза, Андижана, Намангана, Коканда и др. Практически во всех этих городах были главные социально-административные площади под названием Регистан. Историческим городам были характерны такие элементы, как тим (крытый рынок), раста (торговый ряд), хиябан (проспект, аллея), чакар (военный гарнизон), каландархана (дом для дервишей, странников). Образцом таких элементов служат площадь Регистан в Самарканде, Лаби Хауз в Бухаре, Урда в городе Коканде и многие другие архитектурные комплексы.

Между городами строились почтовые пункты для обеспечения почтовой службы и связи, а также, сторожевые посты для обеспечения безопасности, рабады и водоемы для обслуживания караванов.

Вторжение русских войск в Среднюю Азию в XIX веке оказало влияние на градостроительство. На новых территориях городов Ташкента, Самарканда, Джизака, Коканда, Андижана и Намангана русские стали строить свои города.

Русские инженеры в композиционной основе строящихся в Узбекистане городов использовали трехлучевые планировки, применявшиеся сначала в Версале, а затем служившие основой планового градостроительства в Санкт-Петербурге, Вашингтоне и других городах. На территориях, где располагался арк старого города или на сопредельных территориях они строили свои крепости, от которых под острым углом прокладывались трехлучевые дороги. Перпендикулярно этим улицам прокладывались другие дороги. Таким образом, создавалась основа радиально-кольцевой композиции. В XX в., в бывшем советском периоде, в генеральных планах всех городов частям старого города не уделялось особого внимания, основу композиции генерального плана составляла европейская часть города. Этот фактор привел к тому, что в облике многих городов были утрачены традиции зодчества и дух ансамблевого строительства.

В целом, все эти исторические факты свидетельствуют о наличии проблемы возрождения богатых национальных традиций и элементов градостроительства, и возведения городов, соответствующих требованиям настоящего времени.

History of development of town planning art in Uzbekistan

By Mukhammadjon AKHMEDOV

The area between two largest rivers of the Asian continent - the Amu Darya and Syr Darya in different historical and geographical sources was mentioned as a huge land under following names: Transoxiana (Greco-Rome), Turan (Persian, particularly in "Shakhsname"), Ma vara' an-nahr (Arabic) and Turkistan (Turkic and Russian). Since the earliest times the area was crossed by such transcontinental roads as "Tin and Lead Road", "Copper Road", "Emerald Road", "Lazurite Road" and "Silk Road". In this regard, the region plays a special role in study of town-planning culture which is the basis of statehood.

In the aspect of architectural solution and compositional form the examined samples of the ancient town-planning in Uzbekistan can be divided into three types:

The first are square city-citadels, surrounded by covered corridors and without any buildings inside. During that period they were known under name of "vara" or "var".

Such type of cities is preserved on the territory of the ancient Khorezm. Following fortresses were especially studied: Qalali-kyr, Kunirli-kala, Angka-kala, Ayaz-kala, Kurgashin-kala, Kusali-kyr and Bazar-kala. These fortresses were surrounded by the same covered path-walls, and the area was open. Only a part of these fortresses had multiroom houses. S.P.Tolstov assumed that these open free areas were used for grazing or for crops. But our studies carried out in Ayaz-kala disproved these assumptions. Because the structure of the soil area used for crops or grazing has a corresponding cultural layer. And here the upper layer has an admixture of small gravel. We assume that the fortresses, surrounded by (dahlizes??) covered walls were traditional for the Turkic peoples marquee tent city.

In Central Asia such cities were built since the earliest times till the Middle Ages. The ambassador of Castile Gonzales de Clavijo who visited Amir Temur's state office wrote: "Sakhbikiran ordered to put tents outside the city for themselves, their wives, and all the troops stationed in military camps across the border of the state..."

After installation of the Sahbikiran's tent everybody - young and old - were well aware of the space for their own tents, and all works were carried out in order in the tranquil surroundings. After less than 3-4 days, nearly 20,000 tents were found around Urda. Every day, people flocked here from different places. Along with the stuff of Amir Temur's headquarters kebab and other cooks, vendors of roasted and boiled meat, barley, fruits and vegetables, bakers with their tandoors and other people came here. Here you could meet people of different professions. They formed streets, which were home for members of a particular sector. And if the troops were relocated, bath-house attendants collected their tents and necessary means, including huge metal pots for hot and cold water and followed them. Everyone knew their place in the Urda."

In the aspect of architectural solution and compositional form the examined samples of the ancient town-planning in Uzbekistan can be divided into three types.

The works by Firdausi, Bayhaqi, Rashid ad-Din and Shami have information on nomadic mobile cities.

They consisted of a sort of bastion - a powerful mound. The name of the tent city "var" originated from the word "dewar" (wall) and means "mound" or "fortress". Following names were originated on the same basis: Varakhsha (rather - Waraqi shah - Shah's mound, Bukhara), Varak (Kichik Var, i.e. mound, near Kermene), another Barak - in Yakkabag, Varvati arbab (Gisar) and Varistan (Ziyavuddin).

The second type cities are square duval-cities divided into two parts. At the center of the city there was a main street, at the end of which there were administrative, commercial and public buildings. For example, such cities as Dzhanbaz-kala and Tuprak-kala were surrounded by quadrangular defensive walls, on one side of which there were the city gates, and on the other - the city arch and administrative buildings. Multi-room houses of relatives were settled on both sides of the street. In historical literature such cities were called "Dovuuls". They were emerged as a result of the alliance between two clans in order to establish conjugal ties.

The third type are the cities consisting of three parts - arch, fortresses and rabad. In the first Arab sources there are mentioning that the cities of Maverannah consisted of arch (kuhandiz), madina (shahristan) and rabad. In the X-XII centuries, cultural and economic life in Central Asia reached its highest peak. The science was highly developed. Historians left evidences that Samarkand, Tashkent, Andijan, Bukhara and other cities expanded at that period. Interesting fact: all cities of that era were surrounded by outer walls with 12 gates. Ibn al-Faqih wrote in the book "Akhhbar al-buldan": "The length of the outer wall of Samarkand city is twelve farsahs. The walls have twelve gates which are at a distance of one farsah from each other..."

The fields ends by rabad which had some buildings. Rabad and its irrigated lands are six thousand dzharibs, its villages, gardens and small gardens are surrounded by a wall. The wall of rabad has twelve gates. Then you enter into the inner city, which area is equal to two thousand five hundred dzharibs. In this (inner) city there is a large mosque, kuhandiz (arch) and residence of the governor".

Proceed from these data it is clear that the cities had three parts, i.e. composed of arch, shakhristan and rabad. Large cities had internal and external shahristans. As the result, the term "ichki-shahar"(shahr-i darun) - inner city and "tashki-shahar"(shahr-i birun) - outside city emerged. They correspond to the Arabic term "madina dahila" and "madina haridzh". Ibn al-Faqih's information that the city had four gates is particularly important.

Cities with four gates arose in Central Asia since ancient times. This is illustrated in Sapallitepa (XVIII-XIV centuries BC), which can be considered as an early town-planning culture. It is also testified by subsequently arisen tent cities named "var" (vara). For example, Qalali-kir, Kunirli-kala and Angka-kala had four gates. The gates looked on caravan routes leading to cities and countries in four cardinal points. By the Middle Ages, this tradition of town-planning had become stronger. Since the Amir Temur's epoch central part of a city was a settlement and called "rub'a" (Arabic - quarter) or "qyt'a". Two big streets routed from the four gates intersected in the center of the city, which was called "charsu". At Charsu of Samarkand city Amir Temur ordered to build an

indoor market called Kulohfurushlar Gumbazi in honor of Saraymulk Khanum. Then, this tradition was spread to other cities. In the era of Amir Temur and Temurids such settlements in the form of rub'a (qyt'a) were built in Samarkand, Shakhrisabz, Bukhara, Tashkent, Merv, Baylakan, Herat and Andijan. Later Ichan-Kala in Khiva was built in the same way. In the X-XII centuries outer strongholds of towns had 12 gates, and after that they began to install the gates of various forms and in different quantities. But the inner core was made up of towns with four gates.

Urban structures, which had a square form, but "charsu" which was located at their centers, always remained the main trading place and its name was unchanged. This can be seen in the example of "charsu" in such cities as Tashkent, Samarkand, Bukhara, Karshi, Andijan, Namangan, Kokand, etc. Almost all of these cities had the major social and administrative area called Registan. Historical cities were characterized by such elements as tim (covered market), rasta (row of stalls), hiyaban (avenue, alley), chakar (garrison) and kalandarhana (house of dervishes, strangers). Examples of such elements are Registan square in Samarkand, Labi Hauz in Bukhara, Urda in Kokand and many other architectural complexes.

Between the cities they built yams for a postal service and communication, as well as outposts for security, khazors?, rabads and reservoirs to serve caravans.

The invasion of Russian troops in Central Asia in the XIX century, influenced on town-planning. In new areas of such cities as Tashkent, Samarkand, Dhizzah, Kokand, Andijan and Namangan Russians began to build their cities.

In compositional basis of the constructions in Uzbekistan cities Russian engineers used triradial projects that were applied first in Versailles, and then served as the basis of town-planning in St. Petersburg, Washington and other cities. In the places where the arch of the old city was located or in neighboring areas they built their fortresses from which in acute angle three streets were laid. Other streets were laid perpendicular to them. Thus the basis of a radial-circular composition was created. In the twentieth century during the Soviet period the old city parts did not receive much attention in the general plans of the cities; the basis of the composition in the master plan was European part of the city. This factor led to the fact that architecture traditions and spirit of ensemble construction were lost in the guise of many cities.

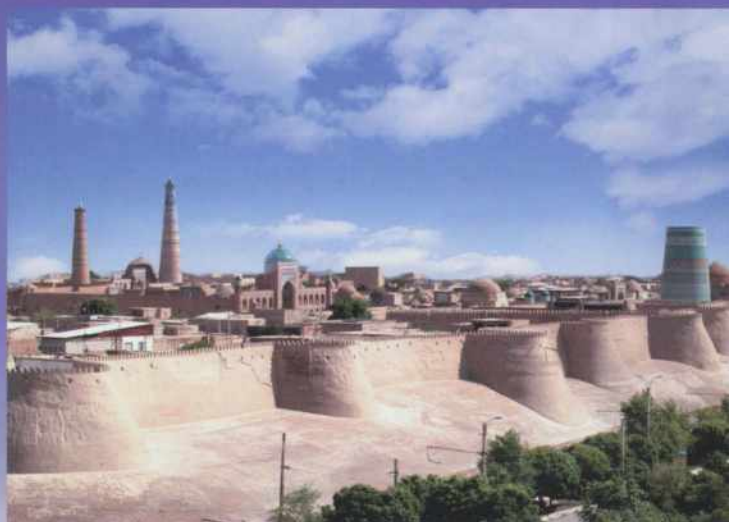
In general, all these historical facts indicate to existence a problem of revival of rich national traditions and elements of town-planning and construction of cities that meet the requirements of the present time.

Proceed from these data it is clear that the cities had three parts, i.e. composed of arch, shakhristan and rabad. Large cities had internal and external shahristans. As the result, the term "ichki-shahar"(shahr-i darun) - inner city and "tashki-shahar"(shahr-i birun) - outside city emerged. They correspond to the Arabic term "madina dahila" and "madina haridzh". Ibn al-Faqih's information that the city had four gates is particularly important.

Ўзбекистоннинг тарихий шаҳарлари Исторические города Узбекистана Historical cities of Uzbekistan.

ЎЗБЕКИСТОН МУЗЕЙЛАРИ ДУРДОНАЛАРИ
ШЕДЕВРЫ МУЗЕЕВ УЗБЕКИСТАНА
MASTERPIECES FROM MUSEUMS OF UZBEKISTAN

ФАРҒОНА ВИЛОЯТ ЎЛКАШУНОСЛИК МУЗЕЙИ
ФЕРГАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
REGIONAL MUSEUM OF THE AREA FERGANA

Кўза. Бронза. X-XII асрлар. Риштон.
Кувшин бронзовый. X-XII вв. Риштан.
Jug. Bronze. X-XII centuries. Rishtan.